

13 мая (1907. Петербург)

Милый мой друг, маленькая Люба. Я получил твое письмо со станции сегодня ¹. Очень хочу знать о тебе все, и чтобы ты мне писала часто. Вот что я делал: с вокзала побежал к Ивановым ² и занял у Марьи Петровны ³ 30 рублей. Вернувшись домой, укладывался до 3-х часов ночи, а с $\frac{1}{2}$ 9 утра (вчера) приехали перевозчики, и мы перевозили все почти без перерыва до 7-го часа вечера. Чувствовал себя очень бодро все время — и теперь. Все готово, склад недорого стоит, за месяц я уж заплатил ⁴. В мастерскую свез все ящики, загрозил весь угол и еще расставил местами разные вещи. Приехав в казармы ⁵, нашел прилагаемое письмо твоей мамы, сразу было неприятно, но потом я решил, что это просто глупое письмо, и написал ответ очень вежливый, что она права, денег, конечно, не надо менять, без постройки можно обойтись и т. д. ⁶ Ване написал, что ты просишь привезти тебе остатки и что 1000 р. я не возьму ⁷. Мы с мамой решили занять у Аннушки ⁸ 100 р., чтобы заплатить за квартиру (пристают) и долг М. П. Ивановой. Это очень легко, и Аннушка охотно даст, это уже почти сделано все. Сегодня я получил письмо от Рябушинского ⁹, крайне любезное, где выражается удовольствие по пов(оде) моего согласия на критику, но просит сбавить «жалованье» — я уж сбавлю на 40 рубл. ¹⁰ Приходили сегодня Кузмин ¹¹, Ауслендер ¹² и Чулков ¹³, но к счастью меня не застали. Я уже основался, никого не хочу видеть, хочу много думать, писать, читать и вообще работать.

Все эти глупости я тебе пишу просто уж так. У меня душа какая-то омытая, как я сам сейчас в ванне. Чувствую себя как-то важно и бодро. Ты важна мне и необходима необычайно; точно так же Н. Н. ¹⁴ — конечно — *совершенно* по-другому. В вас обеих — роковое для меня. Если тебе это больно — ничего, так надо. Свою руководимость и незапятнанность, несмотря ни на что, я знаю, знаю свою ответственность и веселый долг. Хорошо, что вы обе так относитесь друг к другу теперь, как относитесь. Мне бы хотелось, чтобы все это ты, когда думаешь обо мне, неотступно знала. Напиши мне, что ты думаешь об этом теперь и не преуменьшай этого ни для себя, ни для меня. Помни, что ты для меня необходима, я твердо это знаю.

Мне кажется, это время одиночества (до приезда в Шахматово) будет мне очень важно. Я много пойму, постараюсь видеть меньше народу, работать и думать. Время предстоит очень важное.

Целую твои маленькие ручки и щечки, глажу твои светлые волосы, милый мой друг. Напиши о нашем саде.

С а ш а

Сейчас 3-й час утра, светает, пароходы кричат. Хорошо. Буду читать, потом спать.

БЛОК

Фотография. 1906
Исторический архив
Ленинградской области,
Ленинград

¹ Л. Д. Блок 6 мая 1907 г. уехала из Петербурга в Шахматова. Имеется в виду письмо, посланное со станции Подсолнечная (Николаевской ж. д.), откуда до Шахматова нужно было ехать на лошадях.

² Семья Е. П. Иванова, друга Блока.

³ Мать Е. П. Иванова.

⁴ Блок освобождал квартиру (Лахтинская ул., д. № 3), где жил с осени 1906 г. Домашнее имущество временно было перевезено на склад, а Блок поселился у матери.

⁵ Казармы Гренадерского полка, где находилась квартира отца Блока.

⁶ Письмо А. И. Менделеевой не сохранилось. Также не выявлено и ответное письмо Блока к А. И. Менделеевой.

⁷ Ваня — И. Д. Менделеев, брат Л. Д. Блок (см. о нем ниже, — стр. 320). Переписка касалась, очевидно, раздела наследства, которое оставил детям Д. И. Менделеев, скончавшийся незадолго перед тем (20 января 1907 г.).

⁸ Аннушка — Анна Ивановна Шелгунова, прислуга М. А. Бекетовой, проживавшая с ней более тридцати лет.

⁹ Николай Павлович Рябушинский (1876—1951) — крупный московский капиталист, игравший роль «мецената» и сам дилетантски занимавшийся искусством — живописью и литературой (под псевдонимом: Н. Шинский), в 1906—1909 гг. издавал литературно-художественный журнал «Золотое руно», после Октября — эмигрант.

¹⁰ В апреле 1907 г. Н. Рябушинский предложил Блоку взять на себя систематическое ведение критических обзоров текущей литературы в журнале «Золотое руно». Блок ответил согласием, и в апрельской книжке журнала (стр. 74) появилось следующее извещение «От редакции»: «Вместо упраздняемого с № 3 библиографического отдела редакция «Золотого руна» с ближайшего № вводит критические обзоры, дающие систематическую оценку литературных явлений. На ведение этих обзоров редакция заручилась согласием своего сотрудника А. Блока, заявление которого, согласно его желанию, помещено ниже». Вслед за тем было помещено заявление Блока, в котором

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК
 Рисунок А. И. Менделеевой (?)
 Институт русской литературы
 АН СССР, Ленинград

он, между прочим, писал следующее: «Для того, чтобы успеть отметить своевременно все ценное, я намереваюсь объединить в каждом из первых очерков *shichun* того, что мне представляется возможным объединить. Так, я думаю, можно говорить о современном реализме, охватывая большой круг очень разнообразных писателей. Точно так же можно собрать много литературных фактов в главах о новой драме, о лирике, о критике, о религиозно-философском движении наших дней. Задача моя облегчается тем, что я буду иметь в виду по преимуществу художественную литературу, согласно с существом журнала. Первый очерк в ближайшем номере «Золотого руна» я посвящу реалистической беллетристике последних месяцев. Исчерпав объединяющие очерки возможно скорее, я постараюсь давать ежемесячные отчеты о выдающихся литературных явлениях со всею возможной полнотой» (V, 675). Реализацией этого плана и явился цикл нацумевших в свое время литературно-критических статей Блока: «О реалистах», «О лирике», «О драме», «Литературные итоги 1907 года» и «О современной критике» (последняя статья по случайным причинам была напечатана не в «Золотом руне», а в газете «Час»).

¹¹ Михаил Алексеевич *Кузмин* (1872—1936) — поэт, драматург, прозаик и композитор-дилетант, видный участник символистского движения; был дружен с Блоком, написал музыку к пьесе Блока «Балаганчик».

¹² Сергей Абрамович *Ауслендер* (1886—1943) — прозаик и драматург, близкий к символистским кругам, племянник М. А. Кузмина. В советское время писал прозу для детей.

¹³ Георгий Иванович *Чулков* (1879—1939) — поэт, беллетрист, драматург, критик и историк литературы, видный участник символистского движения; был дружески близок к Блоку в 1904—1908 гг.

¹⁴ Наталия Николаевна *Волохова* (1878—1966), артистка театра В. Ф. Коммиссаржевской. Ей посвящен сборник стихов «Снежная маска» и ряд других стихотворений 1906—1908 гг.

<21 мая 1907. Петербург>

Моя милая. Пишу тебе в постели очень усталый, после ванны. 2 твоих письма получил — хорошие и ясные ¹. Я твои письма люблю и много о тебе вспоминаю. Ты для меня очень светлая, и без тебя мне темнее. Свободнее, мож^{ет} быть, думать, потому что вообще одному свободнее думать. Но темнее мысли и иногда страшно, как не бывает при тебе. Я написал много — заступился за Горького; об Андрееве; выругал Философова и Мережковского ². Рябуш^{инский} все не отвечает. Получил 37.50 за первое видение «Незнакомки» и корректуру. «Незн^{акомка}» будет в 3-х №№ — по одному видению в каждом, но ведь это мне все равно ³. Мама на это обиделась. — Сейчас был Г. И. ⁴ А вообще я все один и думаю очень много, так что устаю. Гуляю, пью вино иногда. На Финл^{яндской} дороге хорошо, только все не могу дойти до цветов — в долину, был на Шуваловском озере. Все-таки пусто и холодно одному, хотя хорошо и свободно. Какая-то длинная вязь мыслей, сильных, в каком-то зареве, иногда слишком зловещем. А о тебе я все время знаю ясно, что ты светлая мне и сильная и непомерно близкая. И немножко мне как-то не по себе и тревожно, что ты одна и не со мной. — Ничего, что ты, маленькая Люба, лентяй и глупый — у тебя щечки потолстеют и порозовеют. Ты самый, самый настоящий маленький заяц Бу.

С а ш а

21 мая. Ночь.

Ты мне пиши, милая. Господь с тобой, будь, крошка, здорова ⁵.

Бумагу из опеки получил и переслал Мусе ⁶. — Вышел «Цветник ор» ⁷ — не слишком хороший.

¹ Письма Л. Д. Блок были посвящены впечатлениям от Шахматова и хозяйственным вопросам.

² Имеется в виду статья «О реалистах», в которой Блок резко полемизировал с Д. Философовым и Д. Мережковским, объявившими о «конце» М. Горького.

Хотя сам Блок начинает статью с критики последних произведений Горького, он заявляет далее: «Мучительно слушать, когда каждую крупницу индивидуального, прекрасного, сильного Мережковский готов за последние годы свести на «хлестаковщину», «мещанство» и «великого хама». Когда эти термины применяются к Горькому и особенно к Чехову, — душа горит; думаю, что негодованию в этом случае и не должно быть предела» (V, 101—102).

³ «Незнакомка», лирическая драма в трех «видениях», была напечатана в трех книжках журнала «Весы» 1907 г. (май, июнь, июль).

⁴ Г. И. Чулков.

⁵ Далее следует записка на отдельном листе, вложенная в конверт письма № 115 от 21 мая.

⁶ М. Д. Менделеева.

⁷ Альманах стихов «Цветник ор». Кошница первая. СПб., 1907. Здесь был напечатан цикл стихотворений Блока «Пред ликом Твоим».

<24 мая 1907 Сестрорецк>

Милый друг.

Я пишу тебе с Сестрорецкого вокзала. Сажу и пью. Пьеса ¹ подвигается. Я сейчас был в *Левашове* — на той лесной дороге, где мы были с тобой давно ². Там так же хорошо, как было. Лесной воздух, елка и вечерний туман. Большая часть первого акта — о тебе ³. Твое письмо получил —

Любе.

Люблю тебя, Англи-Крахитень, во миг,
Во миг, что со мною всегда на землет.

За то, что ты светлой кельею дна,
За то, что ты тайну мою отыска.

За то, что свезла нас тайна и ночь,
Что ты мят сестра, и кельею, и дочь.

О да, и за то, что нам утнь судилась,
О да, за то, что мы — мужик и жена!

За утнь мою и заклятыя твои,
За то, что кадъ кам — проклятыя сны.

За то, что не любишь того, что люблю,
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можешь согласен со мной жить,
За то, что хочу и не смью убитъ —

Отмучу малодушным, что жил без огля,
Что ~~я~~ там указал мой кародъ и мез!

Кто заперъ свободныхъ и слобныхъ в тюрьму,
Кто там не повторил огню моему.

Кто хочет за деаба мундъ мез дна,
Собаку покоркофъ купитъ у мез.

Кто деаба даер за свободу мою,
Кого я душою — не ружкою убью, —

БЛОК, СТИХОТВОРЕНИЕ «ЛЮБЕ»

Автограф, 17 августа 1906 г.

Собрание В. Н. Орлова, Ленинград

Земли, где я слез и слезиных вобор,
 Где предки мои дни — стадо рабов,
 И кто-то там едом и убита душа,
 И эти руки не подкамерь ноша.

Ко любви я твоя и за слабость мою,
 За горькую долю и силу твою.

Это огнем создано и выносом залито —
 Этого разорвать не посатят никто!

Со тобой существа я на эту зору,
 Со тобой в эту горькую бездну существа.

И двойственно нам приказавше судьбы:
 Мы — вольных души! Мы — злые рабы!

Покоривуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
 Огонь или тьма — впереди?

Кто кинуть? Кто плакать? Куда мы идем?
 Вдвоем — неразрывно — кален воем!

Восстали? Погибли? Угнетены?

17 августа
 1906.

Шахматово.

Александр Блок.

БЛОК. СТИХОТВОРЕНИЕ «ЛЮБЕ»

Автограф, 17 августа 1906 г.

Оборотная сторона

Собрание В.Н. Орлова, Ленинград

и книгу. Когда приеду — не знаю. Думаю, что приеду ⁴. Мыслей очень много. И какая-то глубокая, подстерегающая усталость. Пиши мне и помогай.

С а ш а

24 мая. Ночь

Этот листик ⁵ из того леса в Левашове, где мы были с тобой. Там совсем шахматовское — елки, рябина и брусника на мху.

¹ «Песня Судьбы», над которой Блок начал работать в апреле 1907 г.

² С окрестностями Левашова (станция Финляндской ж. д. под Петербургом) у Блока были связаны воспоминания о встречах и прогулках с Л. Д. Менделеевой в годы юности.

³ В образе Елены, одной из героинь драмы «Песня Судьбы», различимы черты Л. Д. Блок. Драма вообще носит в известной мере автобиографический характер.

⁴ Вскоре, 10 июня, Блок ненадолго уехал в Шахматово (до 21 июня).

⁵ В конверт вложен листок дерева.

117

26 мая <1907. Петербург>

Моя милая.

Без тебя одиноко. Небо слишком высокое, вода слишком глубокая. Сейчас ночь, и я смотрел в окно. К тебе очень большая нежность. Буду писать. Рябушинский очень любезен — будет платить жалованья 40 р. ¹ «Кор<оль> на площади» — только 225 <рублей> (1½ листа) — будет с Сапуновской картинкой ². В «Руси» опять мои стихи ³. — Вчера были с Чулковым вечером и ночью в саду (увеселительном) около театра Коммиссаржевской. Говорили много и ели, а пили мало. Сад очень укushнительный, как все. — Сегодня я получил письмо через «Скорпион» ⁴ от какой-то дамы под инициалами, которая желает прийти ко мне и говорить «на далеком расстоянии», потому что ей не с кем говорить, а я написал: «Кто придет — будь как Ангел светел — прими его просто, будто видел во сне» ⁵. Я ответил, что буду ждать ее на этих днях около 7 ч. веч. Вот новости. Сейчас был Женя ⁶. Придет во вторник обедать. В сущности, из всех здешних людей хочу видеть его одного. Кузмин мне прислал свои две книжечки — очень красивые ⁷.

Я ничего тебе не посылаю, потому что обо всем буду писать ⁸. Мож<ет> быть, с мамой пришло.

Пиши мне, моя маленькая кроха. Когда от тебя нет долго писем, я о тебе беспокоюсь. Ты как обо мне думаешь?

27 мая — днем

Пришло твое письмо, маленькая Люба, и застало меня за отчаянным писанием. Все — критика ⁹. Миленькое ты пишешь ¹⁰. А я был в Лесном на днях и видел белку на елке. Кроме того, за забором скачек, когда я подошел, на всем скаку упал желтый жокей. Подбежали люди и подняли какие-то жалкие и совершенно [неподвижные] мертвые, болтающиеся руки и ноги — желтые. Он упал в зеленую траву — лицом в небо ¹¹. Вот и все мои жизненные впечатления. Я тоскую немного в Петерб<урге> — слишком город, и не прочь к тебе приехать, но надо еще много писать.

А вот на вопросы... Бомарше, издание Суворина («Деш<евая> библиот<ека>») я тебе пришло, другого перевода не знаю. И «Парашу Сибирячку» поищу. Всяких книжек пришло (и «Евдокию»), когда напишу о них, а теперь не могу, потому что обо всем надо писать, одно отчаянье ¹².

А тетя ¹³ едет завтра, а сегодня воскрес<енье> и одеколону не достать, если у тебя есть еще, я пришло с мамой, которая не знаю, когда поедет. Денежки не надо, у меня будет много.

Ну господь с тобой, Люба. Веселись, маленький зайчик. Ты, миленькая Люба, моя.

С а ш а

¹ См. письмо № 114 и примеч. 10 к нему.

² Лирическая драма «Король на площади» была напечатана в апрельской книжке журнала «Золотое руно» за 1907 г., в сопровождении эскиза декорации работы художника Н. Н. Сапунова (см. о нем ниже, стр. 282).

³ В приложении (№ 20) к газете «Русь» от 26 мая 1907 г. было помещено стихотворение Блока «Я в четырех стенах — убитый...».

⁴ Т. е. через издательство «Скорпион», выпускавшее журнал «Весы».

⁵ Цитата из стихотворения Блока «Не строй жилищ у речных излуцин...».

⁶ Е. П. Иванов.

⁷ Имеются в виду книжки М. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Три пьесы», вышедшие в свет в мае 1907 г. в миниатюрном формате, с рисунками К. Сомова. На принадлежавшем Блоку экземпляре первой из этих книжек имеется дарственная надпись автора: «Александр Александрович Блоку — высокому и милому поэту. М. Кузмин и я» (собрание В. Н. Орлова).

⁸ Блок имел в виду писать о книжных новинках в критическом обозрении для журнала «Золотое руно».

⁹ Блок писал статью «О реалистах».

¹⁰ Имеется в виду письмо Л. Д. Блок от 24 мая 1907 г., в котором она писала: «Сегодня мы сажали лютики. Сначала в саду около дома: Катя, я, Андрей и даже тетя Софа. Посадили очень скоро. Потом все помогали сажать и у нас. Табак, как всегда; против него вербены, резеда и флоксы, а на круглой клумбе, где маленькая новая роза, — всякие остатки. Нарциссы цветут уже все. Наши деревца и кусты, кажется, будут очень пушистые, хотя теперь еще вся зелень не совсем выросла. Я эти дни провела разнообразнее; вот сегодня посадка, а вчера я надела свои новые сандалии на босые ноги, почувствовала себя страшно весело, пошла гулять через угольные ямы, на Прасоловскую поляну и Малиновую гору. На болотце там я увидела великолепные белые цветы; ты, может быть, их знаешь? Все болото покрывают, похожи на гиацинты, но внутри пушистые(<...>) Сегодня был первый дождь после хорошей погоды, полил наши посадки. Вышли на дорожку веселые лягушки, а вчера вечером около малинника шевелился наш зверь, только не показывался. И еще вчера вдруг запела в кустах на дворе зарянка — та же, так же, как в прошлом году и прежде. Когда я вышла из дома вечером после чая и вдруг опять ее услышала, — даже пошатнулась (в самом деле); вечер тихий, она поет, как сумасшедшая, за полем, за елками — светлое нежное небо. Стояла на балконе, и так близки, так живы были наши поцелуи в такие вечера, а потом, когда мы затихали в нашей комнате, зарянка продолжала, продолжала свою милую, одну и ту же без конца песню, так громко, под окном. У меня дыхание захватило, когда все это ожило, и если ты не помнишь, не любишь это теперь, вспомнишь и полюбишь потом, непременно».

¹¹ Эта сцена запечатлена в первом стихотворении цикла «Вольные мысли» («О смерти»), написанном в июне 1907 г.:

Я проходил вдоль скачек по шоссе...
Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом — внезапный крик:
«Упал! Упал!» — кричали на заборе,
И я, вскочив на маленький пенек,
Увидел все зараз: вдали летели
Жокеи в пестром — к тонкому столбу.
Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремена.
А за листвою кудрявеньких березок,
Так близко от меня — лежал жокей,

«ДОЖИДАЮТСЯ ПОЕЗДА В КЛИНУ»

Рисунок Блока с подписью: «6 марта 1906. Блок»
 Центральный архив литературы и искусства, Москва

Весь в желтом, в зеленях весенних злаков,
 Упавший навзничь, обратив лицо
 В глубокое ласкающее небо.
 Как будто век лежал, раскинув руки
 И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
 К нему уже бежали люди. Издали,
 Поблескивая медленными спицами, ландо
 Катилось мягко. Люди подбежали
 И подняли его...

И вот повисла
 Беспомощная желтая нога
 В обтянутой рейтузе... и т. д.

¹² Любовь Дмитриевна запрашивала Блока в письме от 25 мая 1907 г.: «Я прочитала «Свадьбу Фигаро» Бомарше. Это великолепная пьеса, ее необходимо поставить, а мне страшно хочется если не играть, то хоть попробовать разучить роль Сюзанны.

Есть ли хороший русский перевод? Милый, узнай, если есть, пришли его мне, пожалуйста; а если нет, необходимо перевести. Кому бы? Может быть, мамаша летом? 2. Пожалуйста, купи мне «Парашу-Сибирячку», пьесу Полевого, и пришли. 3. Еще мне ужасно хочется «Евдокию». Мамаша — мать Блока А. А. Кублицкая-Пиоттух, переводившая в стихах и в прозе. «Евдокия» — пьеса М. Кузмина «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка», напечатанная в альманахе «Цветник ор» (СПб., 1907). Блок сочувственно отозвался об этой пьесе в статье «О драме» (V, 182—186).

¹³ М. А. Бекетова, уезжавшая в Шахматово.

118

30 мая <19>07. <Петербург>*
Ночь (белая)

Получил два твоих письма, милая крошка. Мама тебе уж писала о том, как при Жене ¹ пришли Г. И. ² и Вяч<еслав> Ив<анович> ³ и как говорили. А я гуляю и пишу много (критику) ⁴. 1 июня буду обедать у Жени и гулять с ним. Мне тоскливо без тебя; я думаю, что тебе будет приятно вот это *стихотворение* ⁵, которое, в сущности, исчерпывает все, что я могу написать тебе. Мне оно нравится, но я его написал только сию минуту — ночью, усталый. И переписал на первую страницу новой тетради. Напиши мне о нем, моя родная. Пусто без тебя.

С а ш а

На твой вопрос отвечаю, что Лидия Дмитриевна ⁶ — здесь (Таврическая, 25). Я наверно пойду скоро к ним — очень люблю их обоих. Но тут у меня самые сложные планы и комбинации — литературные, в зависимости от Горького, Андреева ⁷, Бори ⁸, парижан ⁹ и пр. Буду тебе излагать, когда приеду. Хочется приехать, но не знаю — когда. Драма ¹⁰ плохо пишется.

Л. Д. Б.

Ты отошла, — и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты — родная Галилея
Мне — невоскресшему Христу.

И пусть другой Тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить Ему главу.

Александр Б л о к

1907
Весна
СПб. ¹¹

¹ Е. П. Иванов.

² Г. И. Чулков.

³ Вячеслав Иванович *Иванов* (1866—1949) — поэт и филолог, видный теоретик символизма, был близок с Блоком в 1906—1907 гг., в дальнейшем поддерживал с ним неровные отношения (новое сближение — в 1910—1912 гг.).

* В некоторых случаях Блок обозначал месяц римской цифрой; в датах, помещаемых над письмом, они заменены названием месяца.

30. V. 07.
 Котб (Белин).

Получил два твоих письма, милая крошка. Маме твоё уж писала о том, как при Шенту пришли 2. II. а Вел. Кв. и как говорили. А я пишу и пишу много (критику). Июнь буду отдыхать у Шенки и гулять с ними. Маме то скучно без тебя; я думаю, что тебе будет приятно вот это стихотворение, которое, в сущности исчерпывает все, что я могу написать тебе. Маме оно нравится, но я его написал робко сию минуту — ночью, уставши. И переписал на первую страничку новой тетради. Напиши маме о нем, моя родная. Муссто без тебя.

Саша.

На твой вопрос ответил, что Лидия Дмитриевна — здёсь (Магистрат, 25) и нейтрально пойдёт скоро и ким — очень люблю их обоих. Но тут у меня сложившиеся планы и комбинации — литературные, в зависимости от Вовки, Андрея, Бори, парижан и пр. Буду тебе излагать, когда приду. Хочется приехать, но не знаю — когда. Здравствуй пишется.

ПИСЬМО БЛОКА Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК 30 МАЯ 1907 г.

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

⁴ Статью «О реалистах».

⁵ Стихотворение «Ты отошла — и я в пустыне...», приложенное к письму.

⁶ Лидия Дмитриевна *Зиновьева-Аннибал* (1872—1907) — жена Вяч. Иванова, писательница (драматург и прозаик). Л. Д. Блок в письме от 27 мая писала: «Мне хочется написать Лидии Дмитриевне, как я бегаю босиком, она это тоже любит».

⁷ Имеется в виду Леонид Андреев. «Планы» Блока были связаны с намечавшимся участием его в горьковских сборниках «Знание» (см. письмо № 121 от 28—29 июня 1907 г.).

⁸ Б. Н. Бугаев (Андрей Белый).

⁹ *Парижане* — Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosofov, находившиеся в это время в Париже.

¹⁰ «Песня Судьбы».

¹¹ Стихотворение было впервые напечатано в альманахе «Корона» (1908). В дальнейшем Блок открывал этим стихотворением раздел «Родина» в собрании своей лирики (без посвящения Л. Д. Блок).

119

3 июня (1907. Петербург)

Милая моя.

Сегодня я получил от Руна 265 рублей (из них 40 — жалованье)¹. Скоро отошлю первую статью². Угрожает знакомство с Л. Андреевым, чего я не очень хочу³. Устал и хочу тебя видеть. Много злюсь — из газет ты, мож(ет) быть, знаешь, какие вещи происходят здесь⁴. Мы с Женей⁵ катались на лодке в Шувалове. Все о тебе думаю, мой зайчик, и беспокоюсь. Очень тебя люблю. Еще твое письмецо (с ландышем) получил. Что ты думаешь о стихотворении?⁶

С а ш а

¹ Жалованье — за ведение критических обозрений в «Золотом руне».

² «О реалистах».

³ С Л. Н. Андреевым Блок лично познакомился лишь 15 сентября 1907 г. (см. «Письма к родным», стр. 169; «Переписка Блока и Белого», стр. 216) и знакомство привело Блока к еще большей заинтересованности личностью и творчеством Л. Андреева. Ср. очерк Блока «Памяти Леонида Андреева» (29 октября 1919 г.), в котором он так писал о своем чувстве духовной близости с Андреевым еще до встречи: «Связь моя с Л. Андреевым установилась и определилась сразу, задолго до знакомства с ним; ничего к ней не прибавило это знакомство; я помню потрясение, которое я испытывал при чтении «Жизни Василия Фивейского» в усадьбе, осенней дождливой ночью. Ничего сейчас от этих родных мест, где я провел лучшие времена жизни, не осталось; может быть, только старые лыны шумят, если и с них не содрали кожу. А что там неблагополучно, что везде неблагополучно, что катастрофа близка, что ужас при дверях, — это я знал очень давно, знал еще перед первой революцией, и вот на это мое знание сразу ответила мне «Жизнь Василия Фивейского», потом «Красный смех», потом — особенно ярко — маленький рассказ «Вор». О рассказе этом я написал рецензию, которая была помещена в журнале «Вопросы жизни» (VI, 130—131).

⁴ Третьего июня 1907 г. царским манифестом было объявлено о роспуске Государственной думы, после чего правительство перешло к открытой политике жесточайшего контрреволюционного террора. Блок откликнулся на это событие двумя стихотворениями — «Я ухо приложил к земле...» и «Тропами тайными, ночными...», написанными 3 июня 1907 г.

⁵ Е. П. Иванов.

⁶ О стихотворении «Ты отошла, — и я в пустыне...» Л. Д. Блок отозвалась в письме от 6 июня: «Получила твое письмо со стихотворением. Оно мне ужасно приятно и очень нравится. Только в последней строфе мысль выражена нехорошо, непонятно с первого раза. Надо бы переделать первые две строки». Блок не внял этому совету: никаких

А. Д. Б.

Мн отошла, — и я в пустынѣ
Къ нескучному горячему приникъ.
Но слова гордого отыскъ
Не можеть вымолвить изъникъ.

О томъ, что было, не знаешь,
Твоею я помню высоту:
Да. Мн — родная Тамилъ
Мн — невоскресшему Христу.

И пусть другой Тебѣ ласкаетъ,
Пусть множитъ дикую мольбу:
Свѣтъ Теловѣческій не знаетъ,
Тѣбѣ приклонитъ Ему главу.

Александр Блок

1907.
Весна.
С-П-Б.

следов переработки заключительной строфы в его бумагах не обнаружено. Л. Д. Блок еще раз вернулась к этому стихотворению в письме от 8 июня: «Мне даже теперь не хочется и говорить ни о чем, только бы тебя видеть, быть с тобой и чтобы тебе казалось хоть иногда, что есть где «приклонить голову».

120

22 июня <1907. Петербург>

Маленькая Люба.

Я приехал очень хорошо в почти пустом вагоне III кл<асса> ¹. Поезд опоздал на 2 часа, полотно размыло ливнем между Калашниковым и Спировым. Очень было красиво видеть с поезда, идущего шагом в полутемной ночи, — костры в туманах, красные огни и семафоры и толпы рабочих над развороченными шпалами и горами песка. Все поезда опоздали. Дома был в 11 час<ов> у<тра>, сейчас был в ванне. *Онежский полк (Ревельский) получен*, они рады и в хорошем настроении ². Мама скоро думает приехать в Шахматово. Твои розы очень хорошо дошли, кроме белых, кот<орые> осыпались, — и незабудки совсем живые. Сейчас был в ванне. «Руна» нет. Напишу туда. Пока буду видаться с людьми и гулять. Сейчас должно быть куда-ниб<удь> пойду. Завтра посылаю (заказн<ой> бандеролью) тебе «Трагич<еский> зверинец» с очень хорошей надписью, Лид<ия> Дм<итриевна> прислала и просила переслать ³. Мама уж читает «Зверинец» и тоже в восторге, говорит, что это ее детство. Сейчас половина восьмого вечера. Ножку лечи. Здесь пока прохладнее, чем вчера было в Шахматове. А на днях было 44° на солнце. Господь с тобой, маленькая крошка. Твое письмо прочитал, которое пришло после моего отъезда. Я устал с дороги. Скверно летом жить на свете, всюду не по себе, душно.

Господь с тобой.

С а ш а

¹ 10 июня Блок уехал в Шахматово, где пробыл до 21 июня. Письмо написано в день возвращения в Петербург.

² Они — мать Блока и его отчим Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттук, назначенный командиром Онежского 90-го пехотного полка, расположенного в Ревеле.

³ «Трагический зверинец» — сборник рассказов Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (изд-во «Оры», СПб., 1907). Блок весьма сочувственно отзывался об этой книге в статье «Литературные итоги 1907 года», написанной уже после смерти Зиновьевой-Аннибал: «Замечательна книга — «Трагический зверинец»<...> Страстная душа ее автора так любила жизнь и землю, как будто не была душою писательницы; того, что могла она дать русской литературе, мы и предположить не можем: это было только еще начало — дикое, порывистое, тревожное; с каким-то упорством первобытной души ломала она свой стиль, все еще непокорный<...> Книга рассказов «Трагический зверинец» одинаково волнует простые души и останавливает внимание одряхлевших под бременем литературного опыта» (V, 226).

121

28—29 июня <1907. Петербург>

Люба крошка.

Получил два твоих письма. Я уж тут и писал много прозы и стихов ¹, и видел и Георг<ия> Ив<ановича> ², и Городецкого ³ десять раз, и Пяста ⁴, и был в забавных оперетках и фарсах, и пьянствовал, и ездил в море с прис<яжным> пов<еренным> Соколовым ⁵, Аничковым ⁶ и Чулковым на моторной лодке. Часть этого описана в стихах ⁷, которые, я думаю, надо отдать «Знанию» (Л. Андреев передал через Чулкова официальное приглашение мне и Ауслендеру) ⁸, а часть — лучше рассказать, а то очень много

Георгию Чулкову
с любовью
Александр Блок

V 07

БЛОК

Фотография, 1907

С дарственной надписью Г. И. Чулкову: «Георгию Чулкову с любовью. Александр Блок. V 07»
Литературный музей, Москва

писать. Пришло хорошее «Руно» с «Королем на пл^ощади» (рис^{унок} Сапунова очень хороший — во весь лист) и с моим заявлением⁹. Скоро выйдет № с моей статьей¹⁰, которой редакция довольна и придает ей значение, а № 6 выйдет во 2-ой половине июля, туда я должен к 15-му послать статью о лирике, уже начатую, а потом — думаю приехать в Шахматово и писать статью о драме. Планов и событий по обыкновению так много, что всего не напишешь. Стихи я привезу, конечно, они длинные¹¹. Обо мне и о всех нас очень много и обстоятельно пишут в «Руси»¹². Кугель уже где-то разнес «Незнакомку»¹³. Получила ли «Зверинец»¹⁴? Вячеслав¹⁵

в Могилевской губернии. — Больш^{ей} ч^астью — все жарко, свежее всего по ночам — и сейчас ночь. Пишу, вернувшись от Пяста. От Аничковской работы¹⁸ я совсем отказался. Привезу тебе много новых интереснейших книжек.

Господь с тобой, моя милая.

С а ш а

Куда мне, милая Люба, вещи девать? В мастерскую — можно?¹⁷

¹ По возвращении из Шахматова (22 июня) Блок работал над статьей «О лирике» и над стихотворным циклом «Вольные мысли».

² Г. И. Чулков.

³ Сергей Митрофанович *Городецкий* (1884—1967) — поэт и беллетрист, участник символистского движения; был дружески близок с Блоком в 1905—1908 гг.

⁴ Владимир *Пяст* — литературный псевдоним Владимира Алексеевича Пестовского (1886—1940), поэта-символиста, с которым Блок начиная с 1905 г. поддерживал тесные дружеские отношения (порванные Пястом после Октябрьской революции).

⁵ Очевидно, имеется в виду Николай Дмитриевич *Соколов* (1870—1928) — видный петербургский юрист, присяжный поверенный, получивший известность в качестве защитника в ряде больших политических процессов. Член социал-демократической партии (меньшевик), Н. Д. Соколов в 1917 г. был членом Исполнительного комитета Петроградского совета и принимал участие в работе Чрезвычайной следственной комиссии, на заседаниях которой встречался с Блоком (см. VIII, 498).

⁶ Евгений Васильевич *Аничков* (1866—1937) — литературовед и критик, близкий к руководящим кругам кадетской партии; после Октября — эмигрант.

⁷ См. третье стихотворение цикла «Вольные мысли» («В северном море»), снабженное пометой: «Сестрорецкий курорт». Об этой морской прогулке рассказывает К. И. Чуковский в своих воспоминаниях о Блоке («Литературная Москва». М., 1956, стр. 784).

⁸ Этот эпизод освещается следующими материалами. В 1916 г. Л. Н. Андреев, приглашая Блока участвовать в газете «Русская воля», писал ему: «Девять лет назад, ставши редактором сборников «Знание», я написал Вам приглашительное, в сотрудничестве, письмо, но оно не было послано: Горький восстал против участия Вашего и Сологуба, и кончилось тем, что я сложил с себя звание редактора сборника» («Реквием». Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930, стр. 87). Л. Н. Андреев известил А. М. Горького о желательности привлечь Блока, Ф. Сологуба и С. Ауслендера 22 июля 1907 г. В ответ Горький написал с Капри (26—30 июля 1907 г.): «Мое отношение к Блоку — отрицательно, как ты знаешь. Сей юноша, переделывающий на русский лад дурную половину Поля Верлена, за последнее время прямо-таки возмущает меня своей холодной манерностью, его маленький талант положительно иссякает под бременем философских потуг, обессиливающих этого самонадеянного и слишком жадного к славе мальчика с душою без штанов и без сердца. Нет, ты его оставь в покое года на три, может быть, он подрастет за это время и научится говорить искренно о простых вещах...» («Литературное наследство», т. 72, 1965, стр. 287). В 1912 г., выясняя с А. М. Горьким историю их запутавшихся отношений, Л. Н. Андреев напоминал ему: «Кстати, ты помнишь, почему по возвращении с Капри в Россию я отказался редактировать сборник «Знание»? Я хотел пригласить Блока и Сологуба, но ты восстал против этого и дал невозможно резкие характеристики того и другого. Теперь Блок — в «Знании»...» (там же, стр. 333). На это А. М. Горький ответил: «Блок в «Знании», как пример моей непоследовательности, — плохой пример: Блока печатают Пятницкий и Миролубов, а я, как и раньше, не вижу в этом нужды, но и мешать этому не хочу, ибо мое отношение к «Знанию» изменилось» (там же, стр. 338). Л. Д. Блок в ответном письме А. А. Блоку от 5 июля 1907 г. писала: «Новости ужасно интересные. Как хорошо, что ты в «Знании»; надо только в первый раз там что-нибудь важное для тебя напечатать. Хочу очень знать твои новые стихи; хорошо как, если они годятся! А Ауслендеру, конечно, совсем по-другому важно приглашение в «Знание»: это ему поможет стать серьезным писателем, поневоле будет подтягиваться. Я это ему выразила иноказательно, что «Знание» дает твердую почву и честное, заслуженное оружие в руки. А кто

ЗАПИСКА БЛОКА

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК

Автограф

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

Бусинька!

Зажмите милое дощечки,
Зажига прижигайте,
Мы вас любим.А мы ничего не боимся,
Отменим рецензию,
Может быть поэзия
Сегодня написана.
А может быть и нет.Буся. Бусинька.
Любим. Забыли.
Малая Бусинька.Взвешивая себя, не забывай,
Что ты пишешь.

еще приглашен?» В результате вмешательства А. М. Горького Блок в 1907 г. к участию в сборниках «Знание» привлечен не был; лишь в марте 1912 г. стихи его появились (единственный раз) в XXXVIII сборнике. С. А. Ауслендер (см. о нем примеч. 12 к письму № 114) в сборниках «Знание» также не участвовал. В дальнейшем Горький пересмотрел свое отношение к творчеству Блока.

⁹ См. примеч. 10 к письму № 114.

¹⁰ Статья «О реалистах».

¹¹ Имеется в виду цикл «Вольные мысли».

¹² В большой и многотиражной газете «Русь», в разделе «Книжки и писатели», в течение апреля — июня 1907 г. часто появлялись хроникальные заметки о писателях-символистах и отзывы на их произведения. В частности, много внимания уделяла газета Блоку, неизменно выделяя его из круга остальных символистов. В апреле в газете была напечатана большая статья М. Волошина о сборнике Блока «Нечаянная радость» (№ 101 от 11 апреля). В дальнейшем стихи Блока были похвалены в заметках, посвященных альманахам «Проталина» (№ 136 от 28 мая) и «Белые ночи» (№ 162 от 24 июня); в отзыве об апрельской книжке «Золотого руна» (№ 167 от 29 июня) было особо выделено «лишь одно произведение, заслуживающее внимания, — драма Александра Блока «Король на площади». О внимании газеты к Блоку свидетельствует также и заметка, появившаяся в № 152 от 14 июня: «Среди декадентов начинается раскол, отразившийся уже в № 5 «Весов». Намечается два течения: молодое и старое. Первое проявляет сильный наклон к реализму как в своем творчестве, так и в отношении к писателям-реалистам. Так, помещенная в № 5 «Весов» пьеса А. Блока «Незнакомка» наряду с персонажами прежнего типа вроде «Голубого» и «Звездочета» имеет действующими лицами «посетителей кабачка и гостинной», «двух дворников». По непонятным соображениям редакции, пьеса помещена только частью (одно «видение») и потому о целом говорить нельзя. Вообще такая система печатания — плохая услуга А. Блоку. — Того же А. Блока журнал «Золотое руно» пригласил вести критический отдел. Имеющая появиться первая статья его «О реалистах», написанная простым и ясным языком, сделает,

вероятно, эпоху в отношении декадентов к сотрудникам «Знания». Помещенная в том же 5 № «Весов» статья З. Гиппиус «Человек и болото», наоборот, развенчивает Л. Андреева за последние его произведения».

¹³ Влиятельный театральный критик А. Р. Кугель — редактор журнала «Театр и искусство» — в своих «Заметках Профана» в крайне грубой форме отозвался о «первом видении» драмы Блока «Незнакомка», появившемся в «Весах» (см. «Театр и искусство» 1907, № 24, стр. 397—398). Блок узнал об этом из следующей заметки в газете «Русь» (№ 156 от 18 июня): «А. Блок вызвал своей «Незнакомкой», появившейся в «Весах», горячо негодующую статью критика «Театра и искусства». — Это, говорит критик, какой-то бред, да не простой, а претенциозный, рассчитанный на шум, на скандал. Тут все дико, начиная с самих персонажей и кончая их разговорами... Фразу одного из действующих лиц — полового («это непонятно, но весьма утонченно-с») критик «Театра и искусства» обращает против самого Блока... Негодование критика «Театра и искусства» понятно. Тот отрывок, который «Весы» напечатали, не может произвести иного впечатления. Это только «первое видение» из трех. Понять настоящий смысл всей вещи по этому отрывку более чем трудно, и негодующее недоумение критика вполне закономерно. — Плохую услугу оказали А. Блоку «Весы», разорвав на куски его пьесу! При всех своих странностях, она все же интересна. В ней чрезвычайно много общего, по характеру, с «Жизнью Человека» Л. Андреева, особенно с известной сценой «Бал Человека».

¹⁴ «Трагический зверинец» — сборник рассказов Л. Зиновьевой-Аннибал (см. примеч. 3 к письму № 120).

¹⁵ В. И. Иванов.

¹⁶ Е. В. Аничков хотел привлечь Блока к участию в коллективной «Истории русской литературы», которую он редактировал совместно с проф. А. К. Бороздиным. Блоку было предложено написать статьи о лубочной литературе и о творчестве Н. А. Некрасова (см. «Письма к родным», стр. 155).

¹⁷ Эта фраза приписана карандашом.

122

29 июня. Днем <1907. Петербург>

Маленькая Люба.

Еще не послал тебе письмо, как получил твои розы. Все осыпались, и белые лепестки пожелтели, остались только красные — очень свежие. Я их рассыпал по столу. Жара смертная, а сейчас нужно писать о Городецком¹ — как тут писать?

С а ш а

¹ Раздел, посвященный сборнику С. Городецкого «Перун» в статье «О лирике» (V, 145—151).

123

<2 июля 1907. Петербург>

Маленькая моя.

Я получил твое письмо с Бороными, и стало немножко неприятно, что опять начинается все это. Можно ли быть таким беспомощным человеком, как он! Посмотрим, что он тебе напишет. Письмо я выброшу, а Бору, в сущности, люблю, или только жалею — уж не знаю¹.

Статья о лирике подвинулась очень, скоро я надеюсь кончить ее, несмотря на то, что стоят мучительные жары, от которых мы все очень страдаем. Напиши мне поскорей, можно ли вещи свезти в мастерскую, потому что я хочу приехать в Шахматово после 10-го, может быть, прежде мамы, которой еще нужно получить деньги и справиться с укладчиком мебели.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ (МАТЬ БЛОКА) И М. А. БЕКЕТОВА В ШАХМАТОВЕ

Фотография, 1890-е гг.

Литературный музей, Москва

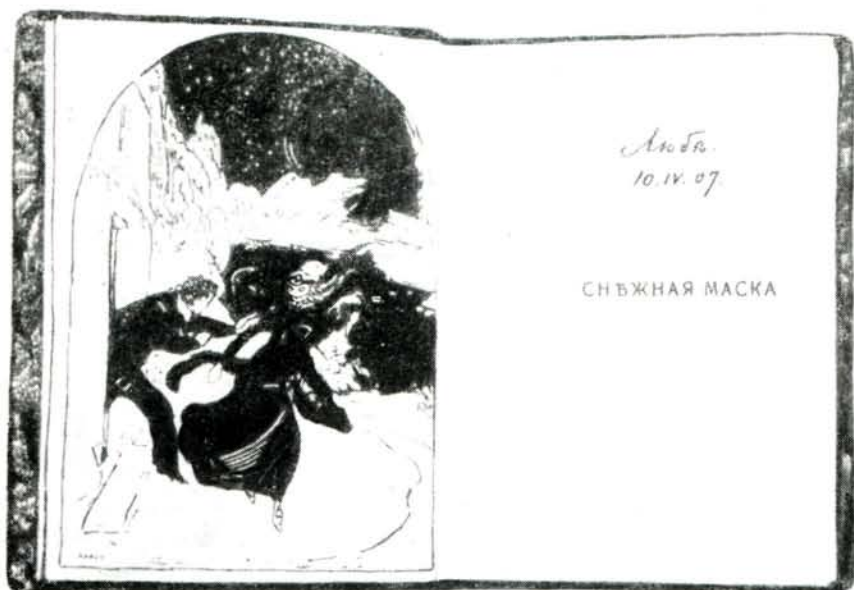
Было, кажется, покушение на Леонида Андреева, очевидно — Союза р<усского> н<арода> ². Мы виделись последнее время с Городецким и Пястом. Я был на отпевании Ольги Кузьминичны ³ — один. Федор Кузьмич ⁴ был очень трогателен и, кажется, рад. Понес гроб — маленький, без шляпы, и вдруг — потерял туфлю. Тут я подошел и крепко поцеловал его. Потом мы шли за гробом, и он рассказал мне, что его, за выслугой срока, оставили от места инспектора ⁵ и дали крошечную пенсию — всего 500 рублей. Все это случилось одновременно. Что ему необходимо печататься, и он будет писать в «Руно» большую статью: «Вечная сестра» ⁶, что истинная трагедия потерять сестру, больше, чем потеря Прекрасной Дамы и матери. Потом мы ели кутью на могиле, и я ушел в город, купил тебе три журнала, уж не знаю, послать или привезти.

Напиши, Люба маленькая, поскорей.

Твой С а ш а

2 июля 07.

¹ Уже в конце 1905 г. взаимоотношения Блока и Андрея Белого сильно осложнились как на личной почве, так и в силу обозначившихся серьезных идейно-литературных разногласий (см. Вл. Орлов. Пути и судьбы. Изд. 2. М., 1971. — Очерки: «История одной любви» и «История одной «дружбы-вражды»). В феврале — апреле 1906 г. их личная драма, связанная с увлечением Андрея Белого Любовью Дмитриевной Блок, достигла предельного напряжения. Летом 1906 г., когда Блоки жили в Шахматове, А. Белый, по его же словам, «забрасывал» их «залпами писем» (адресованных главным образом Л. Д. Блок), весьма истерических по тону и содержащих обвинения в «лицемерии» и «мещанстве». В августе 1906 г. Блок и Белый встретились (в Москве) для объяснения, но встреча эта привела лишь к тому, что они «не простились». Вслед за тем А. Белый вызвал Блока на дуэль, которая, впрочем, не состоялась. В конце августа произошло новое свидание (в Петербурге), на котором сообщено было решено не общаться в течение года. Переписка между Блоком и Белым постепенно затухала и в марте 1907 г. прервалась вовсе. К этому времени А. Белый перешел к открытым нападениям на Блока в печати (рецензия на сборник «Нечаянная Радость» в февральской книжке журнала «Перевал»). Между тем А. Белый, нарушив обещание, снова вступил в переписку с Л. Д. Блок. В письме из Шахматова от 29 июня 1907 г. она писала Блоку: «Вот тебе, во-первых, письмо, кот<орое> я получила с прошлой почтой от Бори. Я отвечаю ему с этой <почтой> очень большим письмом, в два моих голубых листка, на его вопрос «за что гоните?» Кажется, хорошо, но во всяком случае честно, без чертовщины. Пишу о его лжи, вливаниях, притворствах, называю это «шулерством», имея хорошие карты в руках; о статье, об Серже, как пример его деятельности за эту зиму; говорю, что теперь никакие уверения с его стороны об исправлении не уверят меня, а я сама ему скажу, когда он освободится от лжи, первая, п<отому> ч<то> прошла и его ложь и освобождение от нее. Говорю, что меня спасла любовь, а он свою любовь обратил в оружие лжи же, и ему остается только гимнастика и обливание холодной водой в переносном смысле. Под конец несколько слов схематичных, о моей теперешней жизни, как знак доверия к нему; что я теперь иду прямо на соблазны, и это лучшее средство, чтобы они распались<...> что жизнь легкая и веселая от волн событий; об актерстве моем; что от того, что было, не отрезаюсь, не боюсь этого, но благодарю бога за спасение. Вот и все». Письмо А. Белого к Л. Д. Блок, как выясняется это из письма А. А. Блока, было последним уничтожено. В следующем письме к мужу (от 9 июля) Л. Д. Блок писала: «Ты был совершенно прав относительно письма этого «Бори». Получила от него многолистное повествование о его доблести и нашей низости в прошлогодне подлым тоном. Отвратительное! Сожгла сейчас же и пенел выбросила. Не хочу повторять его слова письменно, если тебе интересно будет, лучше расскажу. Одно утешительно, что как будто не собирается больше писать и ничего не просит, только отругивается. Я, во всяком случае, буду впредь отсылать его письма нераспечатанными. — Господи, как хорошо, что ты приедешь.<...> Какой ты надежный, неизменно прямой,

БЛОК. «СНЕЖНАЯ МАСКА».

СПб., «Оры», 1907

Титульный лист и фронтиспис. Литография по рисунку Л. Бакста

С дарственной надписью Блока: «Любе. 10.IV.07»

Собрание В. Н. Орлова, Ленинград

самый достоверный из всех, а мне — спаситель, я даже думала просто — Христос, все лучшее, что я знаю или узнаю — в твоём духе, окрашено тобой. А «Боря» мне теперь и не представляется иначе, как антихрист, противоположный тебе и главный мой соблазн; теперь он побежден тобой и мое дело — знать и не поддаваться соблазну, и он мне совершенно не соблазнителен сейчас, но ведь и ты и я знаем меру моей глупости, когда она вдруг налетит! <...> А больше всего я хотела бы, и все об этом думаю — жить только тобой; но как? Как тебя не мучить этим и не мешать, а если не мешать, то не закинуть? Хочется мне и сцену сделать только «занятием», не отлаваться ей и всему, что она порождает, — во мне это будет очень плохое. А к сцене возвращаюсь постоянно потому, что, ты знаешь, она единственное дело, для меня сносное, а без дела нельзя». — Через месяц, в начале августа 1907 г., конфликт между Блоком и А. Белым снова до крайности обострился: после резких литературных объяснений, в ходе которых А. Белый грубо назвал статью Блока «О реалистах» — «прошением», обвинив его в заискивании перед писателями враждебного символистам лагеря, Блок вызвал Белого на дуэль.

² Петербургская черносотенная газета «Свет» в № 168 от 29 июня 1907 г. сообщила, что 28 июня в Териоках два неизвестных покушались на жизнь Леонида Андреева (дважды выстрелили в него). Вслед за тем в прессе было указано, что сообщение «Света» — «совершенно вымышленно» (см., например, «Товарищ», 1907, № 309 от 4 июля). Союз русского народа — черносотенная организация.

³ Ольга Кузьминична — сестра Федора Сологуба.

⁴ Федор Кузьмич Сологуб (Тетерников) (1863—1926) — поэт, драматург и прозаик, одна из виднейших фигур русского символизма.

⁵ Ф. К. Сологуб долгое время служил инспектором городского училища в Петербурге.

⁶ По-видимому, речь шла о статье, посвященной хореографическому творчеству Айседоры Дункан. Статья эта, под заглавием «Мечта Дон Кихота», появилась в журнале «Золотое руно», 1908, № 1.

124

6 июля <1907. Петербург>

Люба, маленькая моя.

Статью ¹ кончаю. Между 10 и 15 думаю приехать. Тогда расскажу разные новости <...>. Поедем вместе в П<етер>б<ург> в конце июля — искать квартиру? Напиши еще.<...>

Твой С а ш а

Почему ты не получила моих писем — я послал ⁴.¹ «О лирике».

125

7 июля <19>07. <Петербург>

Милая моя, я уж послал тебе сегодня заказное письмо — утром. Сейчас получил твое — интереснейшее. На все твои вопросы лучше буду сейчас отвечать ¹. Чувствую себя прекрасно. *Раньше* 14-го не уеду, потому что 13-го читаю в концерте в «Териоках» (устраивает Мейерхольд) ². Сегодня приходил приглашать Неволин ³. Все пока хорошо, слава богу. Ты мне напиши еще, если успеешь, а я тебе пока не буду писать подробностей, лучше все расскажу.

Господь с тобой, миленькая моя.

Твой С а ш а

¹ Имеется в виду письмо Л. Д. Блок от 5 июля 1907 г., частично приведенное выше (см. примеч. 8 к письму № 121).

² В театре-казино финляндского курорта Териоки состоялся «Вечер нового искусства» под режиссерским руководством В. Э. Мейерхольда. Блок участвовал в первом, литературном, отделении (вместе с С. Городецким, С. Сергеевым-Ценским, К. Чуковским, Г. Чулковым и др. писателями).

³ Борис Сергеевич *Неволин* — драматический артист.

126

Т е л е г р а м м а

<7 октября 1907. Лида Виленской губ.>¹Восьмого утром приедем с Борей С а ш а ²¹ Дата телеграфного бланка.

² После очередного выяснения отношений в августе 1907 г. Блоки А. Белый возобновили переписку. В самом начале октября (1-го или 2-го числа) Блок получил от Белого телеграмму с просьбой принять участие в «Вечере нового искусства», который устраивала в Киеве редакция тамошнего журнала «В мире искусств» (Блок сотрудничал в этом журнале). Ответив согласием, Блок 2 октября выехал в Киев, где встретился с А. Белым и 4 октября выступил с чтением стихов в Киевском городском театре; А. Белый на этом вечере выступил с лекцией «Об итогах развития нового русского искусства» и со стихами. В Петербург Блок вернулся 8 октября вместе с А. Белым, который прожил в Петербурге примерно до середины октября, часто встречаясь с Блоками. О поездке в Киев см. в письмах Блока к матери от 9 и 13 октября 1907 г. (VIII, 213—215 и «Письма к родным», стр. 173—177) и в мемуарах А. Белого («Эпопея», 1922, № 3, стр. 284—306; «Между двух революций». Л., 1934, стр. 330—335).

В октябре-ноябре 1907 г. Блок написал статью «Литературные итоги 1907 года», где с горечью обрисовал картину творческого оскудения дворянской и буржуазной

Н. Н. ВОЛОХОВА

Фотография

Центральный архив литературы и искусства, Москва

интеллигенции, ее беспомощность перед лицом реакции, бесплодность религиозно-философских и эстетских словопрений: «А на улице — ветер, проститутки мерзнут, люди голодают, людей вешают, а в стране — реакция, а в России — жить трудно, холодно, мерзко. Да хоть бы все эти нововременцы, новопутейцы, болтуны — в лоск исхудали от собственных исканий, никому на свете, кроме «утонченных» натур, не нужных, — ничего в России не убавилось бы и не прибавилось! <...> С религиозных собраний уходил не с чувством неудовлетворенности только: с чувством такой грызущей скуки, озлобления на всю ненужность происшедшего; с чувством оскорбления за красоту, ибо все это так ненужно, безобразно» (V, 211—212).

Многочисленным альманахам в стиле «модери» Блок противопоставляет «толстые журналы» второй половины прошлого века. «В те времена никто бы не потерпел того модернизма, который завелся в «Русской мысли», «Образовании», «Современном мире», как, впрочем, не потерпели бы ни современного Стасюлевича, ни современного «Русского богатства» в те блаженные времена, когда в квартире Н. А. Некрасова на Литейном проспекте велись горячие споры в демократическом папиросном дыму и писатели, стоя за конторкой, дописывали очередные главы своих романов для ближайшего номера. А теперь вот не только терпят, но и покупают и прочитывают альманахи, из которых добрая половина — одна литературная гнусность» (V, 220).

1908. 17 февраля. Вечер <Ревель>

Милая моя. Третий день кончается, как я в Ревеле¹. Сегодня весь день болит голова и тоскливо. Вчера прочел маме драму², она очень одобрила, особенно — Елену³. Много говорила; я пишу об этом Н. Н.⁴

А ты сейчас играешь — в первый раз⁵. Как? Я жду письма.

Чувствую себя очень одиноко. Ходил по городу — скучный город. Писать даже не о чем, душа какая-то усталая, больная и пустая. Приготовляем мы с мамой сборник стихов⁶.

У меня к тебе какое-то особенное, очень высокое отношение; так что подписаться под этим письмом я не умею.

¹ Блок навещал мать, жившую в Ревеле.

² «Песня Судьбы».

³ Персонаж драмы «Песня Судьбы», прообразом которого была Л. Д. Блок.

Впоследствии Блок читал пьесу в кругу литераторов, внимательно выслушивая и обдумывая все замечания о произведении, которому придавал большое значение: «Я считаю, что здесь впервые «схожу с шаткой чисто лирической почвы» (как сегодня написал об этом Л. Н. Андрееву). И люблю теперь эту вещь более всех, написанных мной: она значительнее всех» (ЗК, 106). Здесь же Блок с какой-то особенной, застенчивой нежностью отметил: «На Елену никто не обратил внимания, кажется, — пусть так: милая моя останется укрытой от человеческих взоров — единственная моя».

О своих впечатлениях от чтения пьесы поэт писал матери 3 мая 1908 г.: «А я здесь один — кую свою судьбу и в прежней атмосфере влюбленности укрепляю мускулы духовные и телесные. Я живу «Песней Судьбы», которую на днях читал маленькому кружку (человек десять) и остался очень доволен впечатлением и отдельными критиками (...) Я собираю и тщательно выслушиваю все мнения как писателей, так и неписателей, мне очень важно на этот раз, как относятся. Это — первая моя вещь, в которой я нащупываю не шаткую и не только лирическую почву. Так я определяю для себя значение «Песни Судьбы» и потому люблю ее больше всего, что написал. Очень хочу прочесть ее тебе в новом, отделанном виде» (VIII, 240).

⁴ Н. Н. Волоховой. Письма Блока к ней не сохранились.

⁵ В декабре 1907 г. В. Э. Мейерхольд, незадолго перед тем покинувший театр В. Ф. Коммиссаржевской, собрал труппу для поездки по провинции. В труппу вошли: Л. Д. Блок, Н. Н. Волохова, В. П. Веригина, Н. А. Буткевич, Гордель, Ильинская, А. А. Юшкевич, А. А. Голубев, Б. С. Неволин, А. П. Зонов, А. И. Аркадьев, К. А. Давидовский, К. Э. Гибшман. Блок сообщил матери 27 ноября 1907 г.: «Знаешь ли ты, что Люба едет с Мейерхольдом на пост и на лето в поездку (с труппой) в западные города, потом — на Кавказ, потом, м. б., в Крым с Н. Н. <Волоховой> (летом). Она уже условилась с Мейерхольдом. Будет играть в провинции Коломбину, выходные роли и хочет — Клитемнестру. Н. Н. <Волохова> останется первый месяц поста здесь, а потом присоединится к труппе (на Кавказе). М. б., и я поеду?» (VIII, 218); *Коломбина* — в «Бабаганчике» Блока, *Клитемнестра* — в драме Гофмансталя «Электра»; Н. Н. Волохова участвовала в поездке с самого начала. Л. Д. Блок выехала в поездку 15 февраля. Маршрут гастролей был следующий: Витебск, Минск, Могилев, опять

Александр Блок

Нечаянная Радость

ВТОРОЙ СБОРНИК СТИХОВ

ВЕРШИТЕ — ВЕЩАТЕ, — МАШИНСКОЕ,
ПЕРСОНАЖАМИ — ПОКОЕВЫЕ,
НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ,
ПОЛНАЯ ВЯЗНА.

Иллюстрация к текстам В. Ф. Мейерхольда.

МОСКВА 1907.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОН».

Создательнице
высоких мгновений
Вере Федоровне
Коммиссаржевской
с глубоким уважением
и благодарностью.

Александр Блок
НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.

1907.
С-П-Б.

БЛОК. «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ».

М., «Скорпион». 1907

С дарственной надписью В. Ф. Коммиссаржевской: «Создательнице высоких мгновений Вере Федоровне Коммиссаржевской с глубоким уважением и благодарностью. Александр Блок. 1907. СПб.»

Институт мировой литературы АН СССР, Москва

Витебск, Смоленск, в дальнейшем — Николаев, Херсон, Одесса и Киев. Поездка труппы, возглавлявшейся В. Э. Мейерхольдом, оказалась малоудачной, материальный успех ее был ничтожен.

⁶ Третий сборник лирики — «Земля в снегу», вышедший в издательстве «Золотое руно» в июле 1908 г.

128

20 фев(аля) вечером (1908. Ревель)¹

Что же ты мне не пишешь, моя милая. Послезавтра я уеду отсюда и в субботу буду в П(етер)б(ур)ге.

Пишу тебе с ревельского вокзала. По вечерам бываю тут или в кабаке и пью пиво. А днем — занимаюсь. Вообще — невесело. Результат — мы с мамой приготовили сборник стихов. Пусть он называется — «Земля в снегу». Первый цикл — «Подруга Светлая», первое стихотворение — «Люблю тебя, Ангел-Хранитель»².

Второе дело — я кончил вчерне «Семь принцесс»³.

Чувствую себя грустно и пусто, хотя разговариваю с мамой. Должно быть, вообще, я сильно устал. Как-нибудь бы отдохнуть, пожить иначе и в новых местах.

Меня очень занимает, как ты играешь, довольна ли ты игрой, и можешь ли сделать какие-нибудь заключения. По тому, что ты не пишешь, я заключаю, что ты очень поглощена⁴. Но не расстроена ли, беспокоюсь.

¹ Было послано в одном конверте со следующим письмом от 23 февраля 1908 г.

² Это стихотворение, написанное 17 августа 1906 г. (в третью годовщину свадьбы Блока), обращено к Л. Д. Блок.

³ В январе 1908 г. издательство «Шиповник» предложило Блоку перевести несколько пьес М. Метерлинка, а также ряд стихотворений из первого его сборника лирики «*Serres chaudes*» («Теплицы»). Блок приступил к этой работе, но не закончил ее. Наброски переводов не сохранились — погибли в 1918 г. при пожаре дома в Шахматове. «*Семь принцесс*» (1891) — пьеса М. Метерлинка.

О творчестве Мориса Метерлинка Блок не раз упоминал в литературно-критических статьях, отмечая, что бельгийский поэт и драматург прославился «описанием едва уловимых движений души, тончайших чувств в минуты любви, смерти, разлуки». «Метерлинк — один из тех, кому мы обязаны установлением тесной литературной связи между ранними романтиками начала XIX века и символистами конца века» (VI, 412—413).

⁴ Приводим выдержки из писем Л. Д. Блок, посланных из Витебска. «Была уже «Беатриса» и «Балаганчик». Очень для меня незаметно, как на репетиции, а успеха не было никакого. Да и Аркадьев, который смотрел, говорит, что играли мы вехорощо. Перед «Балаганчиком» случился скандал: занавес еле поднялся на аршин и не пошел дальше, пришлось спускать большой и начинать опять, это очень помешало зрителям. После него не аплодировали, как и после «Беатрисы», всего несколько хлопков. Мейерхольд так волновался, что, играя священника в Беатр(исе), вышел и забыл все слова, начал подавать усиленные сигналы суфлеру. Суфлер у нас очень смешной, пьяница и похож на Мазини. Вообще же у нас общий тон ужасно рабочий, целый день репетиции, все страшно устали, искусства как-то совсем не видно. Или работа, или хохочем как-то безрассудно, для отдыха<...> Витебск смешной, точно большой Клип, и одна улица из Москвы, на которой мы живем в гостинице Бристоль, самой лучшей. У меня настроение очень странное — только работа, работа и очень приятно, когда можно посидеть, отдохнуть, и все забывается. С труппой дружественные отношения, очень хорошо относятся Зонов, Аркадьев, с Будкевич даже приятельские отношения... Вампира сыграла, говорят все, что хорошо, и мне приятно было, хотя весь спектакль шел ужасно, все путали все. Но публике нравилось» (письмо от 19 февраля; упоминаются: «*Сестра Беатриса*» — пьеса М. Метерлинка, «*Балаганчик*» — пьеса Блока, *Мазини* — известный итальянский певец). «Очень красивый Витебск, а мы и не знали ничего, кроме двух улиц до театра. Замучилась я совершенно за неделю от усталости, но сцену почувствовала только раз — когда очутилась в кресле одна перед театром в роли старушки в «Жизни Человека». Это была сцена, и такой позор от того, что я не играю так, как надо, что то, что я делаю, не искусство, что я вернулась в уборную, забилась в угол и долго ничего не было, кроме рыданий от всей глубины души. Но меня наши все принимают очень всерьез как актрису, это очень приятно и я горжусь. Относятся ко мне хорошо все, а часть — Зонов, Костин, Гибшман и Давидовский, которые все живут вместе и называют себя «наша квартира», — и особенно, не без влюбленности, о чем очень смешно говорит Зонов. С Давидовским я затеяла легкий флирт, без этого невозможно: чтобы выносить всю эту безумную работу целого дня, все взвинчивают себя, по всем уборным беззаботный смех, хотя всем жизненно очень скверно, но тут все отпадает, от души и смех за кулисами, от души и флирт — но в той же области. До чего это реально — «актерский мир». До чего обоснован он, из всего человеческого существа, попавшего в такие условия, как работа на сцене, — по себе уже чувствую. За эту неделю игры как-то все свое прежнее было замкнуто, и жило все другое, и тоже настоящее и хорошее, право, потому что тоже чистое, тоже обоснованное. Все дело в том, чтобы за актерством не потерять свою человеческую душу, чтобы всегда можно было ее вскрыть в себе, а если и еще душа актрисы — еще богатство, еще новое. Рассказывать фактов не буду, ты узнаешь их от Н. Н., милый. Клитемнестра прошла все-таки мало заметно для меня<...> Напиши в Минск, мы едем завтра. Мне будет еще роль интересная в пьесе Гамсуна «У царских врат», невеста<...> Сегодня много говорили с Мейерхольдом и Аддой о театре. Мейерхольд хороший в конце концов, право» (письмо от 25 февраля. Н. Н. — Волохова, *Клитемнестра* — в пьесе Гофмансталя «Электра», *Адда* — А. А. Юшкевич, актриса).

129

23 февраля 1908. <Петербург>

Милый друг мой.

Вчера в Ревеле я получил твое письмо, а сегодня пишу тебе уже из Петербурга. Прилагаю записку, которую не послал из Ревеля ¹.

И здесь и в Ревеле — весна. Я чувствую ее.

Я очень много думаю о том деле, которым ты занята. У меня очень широкие и определенные планы в будущем. Вкратце — вот в чем дело: интеллигентный театр приходит к концу. Та интеллигенция, для которой играете теперь вы и остальные, — одинаково не может быть показателем реальности театрального дела. Современный репертуар — от Шпажинского ² до Метерлинка — может быть подвергнут критике и подлинному суду — не перед лицом этой интеллигенции, для которой *все* равно забавно или скучно, а только перед лицом будущего: 1) отдаленного; тогда — нужно слушать Вагнера, Нитче, Ибсена, социалистов, философов и т. д. 2) пред лицом *ближайшего* будущего, в котором единственно реальным и имеющим почву учреждением по части театра будет *народный театр*. Только народ покажет истинную ценность той драматургии, о которой умирающая интеллигенция может судить только случайно и необоснованно. Вот почему так остро стоит вопрос о *мелодраме*, о *пользе* (русский утилитаризм), о *содержании*.

Статистика показала с очевидностью, что 1) театр необходим для народа, и в России развивается очень успешно народный театр, 2) что народу чужды и отвратительны какие бы то ни было тенденции и поучения со сцены, 3) что народ способен воспринимать и ценить именно тот пафос высокой драмы и трагедии (например, «Гроза» ³) и высокой комедии (например, «Женитьба» ⁴), который более не воодушевляет современную театральную публику, но о котором мечтают передовые люди эпохи.

Только в том театре, который имеет реальную почву под собой, 1) *сам собою* разрешится совершенно спорный для нас вопрос о нужности или ненужности Метерлинка, Гофмансталя, Ведекинда и т. д. ⁵

2) Сами собою отпадут *модные* и *тоже* неразрешимые теперь вопросы о первенстве режиссера или автора, об актерских соревнованиях и интригах, доходящих до абсурда, и т. д.

Реальную почву может иметь теперь, конечно, только *народный театр*, в самом широком смысле (фабричный, сельский, солдатский и т. д.), потому что только *свежая* публика достойна уважения, а без публики — нет театра (независимо от всех возможных «Студий», которым можно предоставить самое широкое развитие). Потому необходимо приглашать всех вас (стоящих) к этой работе, в которой место нудных вопросов о количестве таланта, техники, голоса и т. д. — занимает *живая работа*.

На эту тему, я, вероятно, и прочту лекцию ⁶. Мне очень интересно бы знать, что думает об этом Мейерхольд, и знаешь ли ты всю *нереальность* теперешней вашей работы (независимо от техники, навыка, ученья и т. д.). Поговори с Мейерхольдом об этом и напиши мне свое и его мнение ⁷. То, что я говорю, более чем реально и, по-моему, истинно *празднично*.

В вашей труппе я считаю очень важными для дела *народного театра* — Наталью Николаевну ⁸, тебя (по всей вероятности) и (очень возможно) — Мейерхольда, изобретательность которого можно направить по очень хорошему руслу.

Ты довольна своей игрой в «Электре» ⁹? Я сейчас не могу еще прислать тебе 30 рублей, но, когда получу, пришлю. Мама, верно, напишет тебе. Напиши ей неск(олько) слов. Я в Ревеле купил у букиниста великолеп-

ный театральный журнал (старый немецкий) и картинки (между прочим, «Электра», «Медея» и мн. др.).

Милая, я бы очень хотел обо всем этом с тобой поговорить. А что же декоратор¹⁰?

¹ Т. е. письмо № 128 от 20 февраля 1908 г.

² Ипполит Васильевич *Шпагинский* (1844—1917) — плодовитый драматург, автор популярных в свое время, но малохудожественных пьес на исторические и современные сюжеты.

³ Драма А. Н. Островского.

⁴ Комедия Н. В. Гоголя.

⁵ В сентябре-октябре 1907 г. Блок резко отрицательно отзывался о пьесах Ф. Вердена «Пробуждение весны» и М. Метерлинка «Пеллеас и Мелисанда» в постановке В. Э. Мейерхольда (см. V 194—202).

⁶ 18 марта 1908 г. Блок выступил в Театральном клубе с публичной лекцией о современном состоянии русского театра. Лекция эта легла в основу большой статьи Блока «О театре». В самом начале статьи Блок заявляет: «Тема моя — *русский драматический театр ближайшего будущего*» (V, 241). Характеризуя современный театр, Блок цитирует статью А. В. Луначарского «Социализм и искусство» («Театр. Книга о новом театре». СПб., 1908): «Итак, нужен или не нужен театр? Так же, как я знаю, что внешним образом все или почти все ответят мне: «Нужен», так же я знаю, что все скроют от меня свое самое тайное, самое глубокое сомнение. Ибо — где же *критерий*? <...> «Театр не вышел из своего угнетенного состояния. О нем много пишут и говорят, на него тратят много денег, но как культурная сила он остается величиной ничтожной. *Театр остается жестом развлечения*. Это развлечение бывает иногда красиво, изящно, но без идейного оттенка, чаще грубо, вульгарно, низменно; но уже одно *отношение к театру как к развлечению губит его*. Драматурги знают «свою публику», публика привыкла к «своим драматургам», и вечера, миллионы вечеров в тысячах дорогих и простеньких театров мира представляют из себя такое же убивание времени, как *винт*».

Это — цитата из замечательной статьи Луначарского — о социалистическом театре (V, 262). «Более, чем какой бы то ни было род искусства, *театр* изобличает кощунственную бесплотность формулы «искусство для искусства». Ибо театр — это сама плоть искусства, та высокая область, в которой «слово становится плотью» (там же, 270). Рождение нового в театральном искусстве Блок связывает с развитием лучших традиций народного театра и героической мелодрамы. Именно на этих путях видит он возможность идейного, творческого сотрудничества народного зрителя с прогрессивной частью интеллигенции: «В том пути, который прошел *русский народный театр* менее чем за сорок лет своего существования, я вижу реальнейшее предвестие театра ближайшего будущего, а в развитии *мелодрамы*, которая теперь на устах у людей самых противоположных лагерей, — первый шаг навстречу новому театру действия и страстей. Я только резюмирую кратко:

История народного театра показала с непреложностью, по меньшей мере, следующее:

1) Рабочие и крестьяне действительно нуждаются в театре и, при всей случайности постановки этого дела у нас, доказали, что они требуют от театра *не только* развлечения, а чего-то более высокого, я полагаю — высокого искусства, как это явствует, например, из эффекта постановки «Грозы» Островского или «Женитьбы» Гоголя.

2) Свежие зрители народных театров чуждаются всяких тенденций, как это явствует, например, из протеста германских рабочих на партийтаге социал-демократической рабочей партии в Бреславле «против стремления социалистических беллетристов кормить их изображением их утомления, нужды, унижения и т. п. Рабочие заявили, что далеко предпочитают старого Шиллера» (цитирую по статье Луначарского в той же книге «О новом театре») <...>

Уже в самом понятии «*народный театр*» содержится указание на переходность эпохи. Понятие предполагает наличие «народа», который ни в чем не согласен с «интел-

Люба и Саша
делают великосветский
визит.

«ЛЮБА И САША ДЕЛАЮТ ВЕЛИКОСВЕТСКИЙ ВИЗИТ»

Шуточный рисунок Блока

Центральный архив литературы и искусства, Москва

лигенцией», оторван от нее, не может подойти к ней так же, как и она никогда не соблаговолит «снизойти» до него. Мы знаем, что даже в наши дни понятие это наполовину устарело, что кадры «интеллигенции» неустанно пополняются все новыми силами, которые не сегодня-завтра возвысят свой голос, предъявят новые требования, запойют новые песни. Те из нас, кто ждет от них нового, свежего и сильного, должны быть во всякую минуту готовы к торжественной встрече» (там же, 272—275).

⁷ В письме от 29 февраля Л. Д. Блок ответила: «Сидим в мансарде у этих младших актеров<...> А то у Мейерхольда, у него и серьезно говорим. О твоём письме, например. Я думаю, уже из того, что я тебе писала случайно, ты видишь, что твоя формулировка может служить заключением к моим собственным переживаниям и мыслям. Да, это так. О, как я люблю театр. Я совсем, совсем в родной стихии! И не чужая я ему, чувствую, что скоро я стану совсем приемлемой актрисой. Я играю теперь роль Натали Хо-

винд в «У царских врат» Гамсуна. Это хорошая роль, реальная и честная, меня радует безумно».

⁸ Н. Н. Волохова.

⁹ См. выдержку из письма Л. Д. Блок от 25 февраля (примеч. 4 к письму № 128).

¹⁰ Вопрос относится к следующему месту письма Л. Д. Блок от 19 февраля: «Есть у нас декоратор Костин, который, кажется, понял, какая я особенная, говорил что-то о твоих стихах и что он меня поним узнал, и все со мной разговаривает, у него старческое лицо, хотя он молодой, и он жалкий, только бы не влюбился». Константин Константинович Костин — театральный художник, позже работал в театре Корша.

130

⟨27 февраля 1908. Петербург⟩¹

Милая. Я сейчас получил твое второе письмо. Солнечное утро (27). Мне хочется тебе писать не о событиях, а о тебе и себе. Дело в том, что зима была страшно тяжелая. Я чувствую, как весеннее солнце лечит какую-то глубокую, долго не заживавшую рану в душе. Иногда бывает восторженно, как в ранней юности. Я чувствую, что у меня опять станет свежей душа. Я постоянно думаю о тебе, и по-настоящему, до глубины, т. е.: «В царство времени все я не верю...»². Для меня с новой силой необходим Вл. Соловьев. Меня вдохновляют все мои глубокие исторические воспоминания — Лидо³, Германия и все, что я пережил когда-то. Мое знание очень углубляется. Мое знание о тебе — с особенной силой. В прежних столетиях я вспоминаю тебя. Но твое происхождение теряется в каких-то глухих тропах времен — приблизительно, на тех дорожках, где случайный народ ставил на горных подъемах для случайных путников — изображения богов, и они были для путешественников алтарями и вехами. Глубже мои исторические воспоминания не идут, и медлят здесь в нерешительности, т. к. — следующие предки твои непосредственно касаются астральных областей. И там твои пути уже совершенно скрещиваются с другими — и других цветов и сущностей, — но там такая сложность, что я еще не могу сделать выводов, хотя имею много подозрений о линиях, цветах и направлениях. Тебе, вероятно, сейчас это чуждо? Если нет, напиши. А. А. Юшкевич⁴ знает в этой области чрезвычайно много — для женщины даже слишком.

Завтра — вернисаж Союза⁵. Сегодня мы идем с Н. Н.⁶ на выставки Нового общества⁷ и Борисова-Мусатова⁸. На днях выходит «Руно» с портретом и стихами⁹. В конце 3-й или нач⟨але⟩ 4-й недели я читаю лекцию о театре¹⁰. Вышли пьесы¹¹ (приплю скоро). Конверты и пр. привезет Н. Н. Перевожу Метерлинка («Алладина и Паломид» — очень замечательная вещь)¹². — Все, что ты пишешь о своем отн⟨ошении⟩ к театру и о его атмосфере, — мне близко и понятно. Нужны ли тебе деньги? Я могу скоро прислать. — Городецкий женился 15 февраля. — Сборник моих стихов¹³ почти приготовлен. Таков «календарь писателя». Получила ли ты письмо о народн⟨ом⟩ театре? Напиши репертуар, числа и города, и, вообще, когда не трудно, всегда пиши.

¹ Датируется по числу, упомянутому в тексте, и по дате почтового штемпеля получения (29 февраля 1908 г.).

² Цитата из стихотворения Вл. Соловьева «У себя»:

В царство времени все я не верю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать «навсегда» — не могу.

³ Не совсем ясно, что именно в данном случае имел в виду Блок. *Лидо* — название морского побережья в Венеции. Судя по стихотворению Блока «Мы шли на Лидо в час рассвета...», написанному 11 декабря 1903 г., он применял это название к какой-то приморской части окрестностей Петербурга, связанной для него с воспоминаниями о встречах и прогулках с Л. Д. Менделеевой.

⁴ Ада Адамовна Юшкевич (Ада Корвин) — актриса театра В. Ф. Коммиссаржевской, участница гастрольной поездки 1908 г., подруга Л. Д. Блок; позже выступала как танцовщица-«босоножка»; умерла в 1919 г. в Риге.

⁵ Открытие ежегодной выставки Союза русских художников. Блок был на открытии и через несколько дней писал матери: «А выставка Союза удивительно хорошая, жаль, если ты не увидишь» («Письма к родным», стр. 197).

⁶ Н. Н. Волохова, приезжавшая в Петербург на несколько дней.

⁷ Выставка «Нового общества художников».

⁸ Виктор Эльпидифорович *Борисов-Мусатов* (1870—1905) — художник, писавший в духе импрессионизма; его излюбленные сюжеты — пейзаж и быт старой дворянской усадьбы.

⁹ В январской книжке журнала «Золотое руно» за 1908 г. был помещен большой цикл юношеских стихотворений Блока «За гранью прошлых дней», с приложением цветной репродукции известного портрета Блока работы К. Сомова.

¹⁰ См. примеч. 6 к письму № 129.

¹¹ Сборник Блока «Лирические драмы» — изд-во «Шиповник». СПб., 1908.

¹² См. примеч. 3 к письму № 128. «Алладина и Паломид» (1894) — пьеса М. Метерлинка.

¹³ «Земля в снегу».

131

7 марта <1908. Петербург>

Моя милая..

Хочу получить от тебя письмо. Немного беспокоюсь. Я живу очень тихо — дал зарок не пьянствовать. Ложусь и встаю рано, пишу большую лекцию, буду читать ее 18-го ¹. Андреев прислал мне «Царь Голод» с очень хорошей надписью ². Это — очень замечательное произведение.

Вспоминаешь ли ты обо мне?

¹ Лекция о театре, прочитанная в Театральном клубе.

² На экземпляре драмы Л. Андреева «Царь Голод» (изд-во «Шиповник», СПб., 1908), сохранившемся в составе библиотеки Блока (Институт русской литературы АН СССР), имеется следующая дарственная надпись автора: «Дорогому Александру Александровичу Блоку — с крепкой верой в его прекрасный талант и светлое будущее. Леонид Андреев».

Анализируя пьесу «Царь Голод» в статье «О театре», Блок писал: «Да, мы накануне «великого бунта». Мы — накануне событий, и то, что не удалось один, другой и третий раз — удасться в четвертый» (V, 258). «Та действительно великая, действительно мучительная, действительно *переходная* эпоха, в которую мы живем, лишает нас всех очарований, и на всех перекрестках подстерегает нас какая-то густая мгла, какое-то далекое багровое зарево событий, которых мы все страстно ждем, которых боимся, на которые надеемся. Кажется, ярче всех до сих пор трепет нашего рокового времени выразил тот же Леонид Андреев» (V, 257).

132

21 марта <19>08. <Петербург>

Я сейчас только получил твое письмо. Очень давно не получал — и беспокоился. Ты пиши мне чаще, хотя бы и коротко.

Я думаю о тебе каждый день. В твоих письмах ты точно что-то скрываешь. Но мне можно писать все, что хочешь. И даже — должно ¹.

БЛОК

Фотография, 1907

С дарственной надписью К. А. Сомову (на обороте)

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Я радуюсь принципиально вашему провалу². Может быть, хоть кто-нибудь из вас очнется от сна. Беспочвенности и усталости я *одинаково* не принимаю к сердцу — им нет места среди *нас* — *художников*. И потому многим из вас я только могу пожелать: «что делаешь — делай скорее»³.

О тебе я до сих пор не знаю — можешь ты или не можешь служить искусству. Может быть, да.

Моя лекция⁴ имела, в сущности, большой успех. Читал я хорошо. Получаю все любовные письма⁵. Очень широкие планы на будущее и много реального дела. Живу очень замкнуто — не пью уже давно ни капли.

Прошу тебя писать мне, потому что я думаю о тебе больше, чем о ком бы то ни было. О тебе и о *долге*. Не забывай долга — это единственная музыка. Жизни и страсти без долга нет⁶.

Константину Андреевичу

Сомову

св нежной привязанностью,
св любовью и воспоминаниями
о наших сеансах.

Александр Блок

4 мая 1907.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БЛОКА К. А. СОМОВУ
(НА ОБОРОТЕ ФОТОГРАФИИ, СТР. 224)

«Константину Андреевичу Сомову с нежной привязанностью, с любовным воспоминанием
о милых сеансах. Александр Блок. 4 мая 1907»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

¹ Блока встревожили неясные намеки в письмах Л. Д. Блок. Так, например, 11 марта она писала: «Конечно, вспоминаю я о тебе, милый, но творится со мной странное. Я в первый раз в жизни почувствовала себя на свободе, одна, совершенно одна и самостоятельна. Это опьяняет, и я захлебываюсь. Я не буду писать тебе фактов. Бог с ними. Знаю одно, что вернусь к тебе, что связана с тобой неразрывно, но теперь, теперь — жизнь, мчащаяся галопом, в сказочном весеннем Могилеве<...> Сцена — необходимое для меня совершенно. Я еще не актриса, но буду, буду ей. О, как бы хорошо, если бы ты ждал меня и не отрывал от себя. Мне так будет нужно вернуться. А теперь надо и хорошо, чтобы я жила моей безумной жизнью». Также — в письме от 16 марта: «Как ты, что думаешь обо мне? Мне так хотелось бы, чтобы ты жил хорошо, хотя бы мама была с тобой. Думай обо мне хорошо. Мне надо стать актрисой, а тут нельзя

знать преград, надо все, все принять. Мне надо, чтобы опять задрожало в груди вдохновение, как в молодости, — это-то и есть то, что делает актрису и этого у меня нет еще <...> Не хочется писать мои похождения — может быть, сейчас уже все кончено, может быть, и еще хуже будет — не знаю. Много хорошего в этой безалаберности все-таки».

² О провале гастролей Л. Д. Блок сообщала в письме от 16 марта: «Тифлиса не будет, мы очень прогорели, денег дали всем по 10—15 рублей, еле-еле выбраться из Смоленска. У нас осталось едва на носильщиков и извозчика в Николаеве и несколько копеек на еду». Дальнейший маршрут гастрольной поездки: Николаев — Херсон — Полтава — Екатеринослав.

³ Цитата из Евангелия от Иоанна (XIII, 27) — одно из изблюбленных Блоком изречений (см., например, стихотворение «Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...», первоначальный набросок которого датирован 5 февраля 1908 г.).

⁴ «О театре». К данному письму была приложена печатная программа лекции Блока, прочитанной 18 марта в Театральном клубе.

⁵ «Получаю часто какие-то влюбленные письма от неизвестных лиц, и на улицах меня рассматривают», — писал Блок матери 5 марта («Письма к родным», стр. 198).

⁶ О «долге» как ритме нашей жизни, определяющем все сферы деятельности человека, о должном и не должном в искусстве Блок писал в статье «Три вопроса», напечатанной в журнале «Золотое руно», 1908, № 2: «Каждый художник, я думаю, должен быть публицистом в душе», — говорил Михайловский. И особенно свойственно это русскому художнику. Вечно проклятым для него вопросом был «утилитаризм», и не одному символизму пришлось ломать копыя об этот камень, неизменно попадающийся на всех путях.

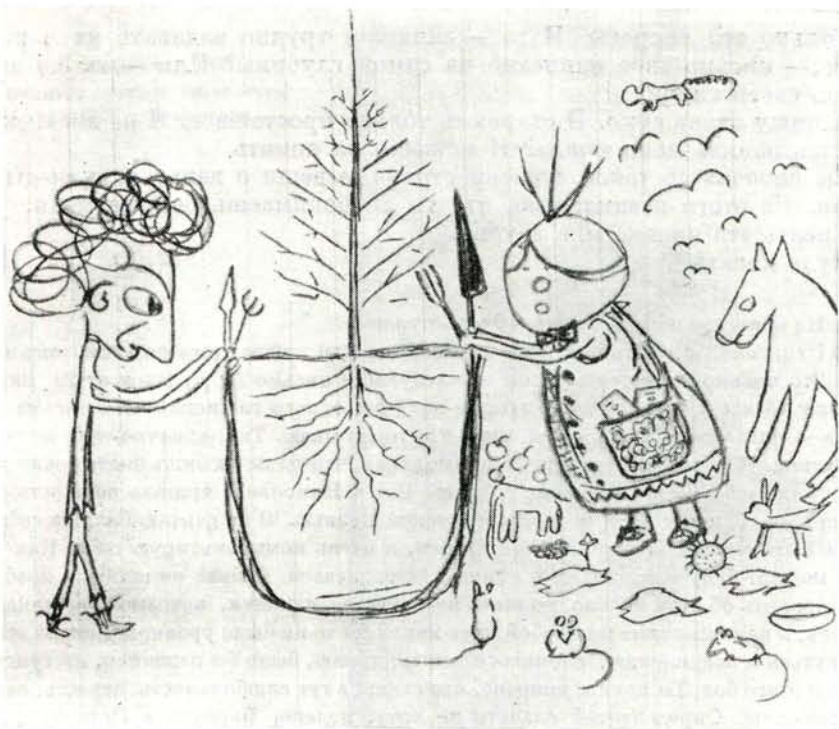
Перед русским художником вновь стоит неотступно этот вопрос *полезь*. Поставлен он не нами, а русской общественностью, в ряды которой возвращаются постепенно художники всех лагерей. К вечной заботе художника о форме и содержании присоединяется новая забота о *долге*, о должном и не должном в искусстве. Вопрос этот — пробный камень для художника современности <...> В сознании долга, великой ответственности и связи с народом и обществом, которое произвело его, художник находит силу ритмически идти единственно необходимым путем» (V, 237—238).

133

22 марта 1908. <Петербург>

И второе твое письмо я получил. Мне оно необыкновенно радостно ¹. Я тоже спокоен и тоже много чувствую сил и молодости. Я совершенно разучился писать к тебе и пишу всегда не то, что хочу. Я хотел бы написать совсем другое, но ты знаешь и так.

¹ Приводим выдержки из двух писем Л. Д. Блок, посланных из Николаева. Из первого письма от 17 марта: «Дорогой мой, безумно тебя люблю и тоскую о тебе. Здесь нежный, весенний юг, голубой и розовый, мраки и огни кулис далеко, я одна с милой девочкой Адой, я свободна, смотрю на голубое небо и голубой разлив и тоскую о тебе. А горький осадок последних дней тает в душе, уходит. О, что, что ты скажешь мне? Как ужасно расстояние: Здесь я на краю света, небывалое что-то эта Россия. Нельзя ничего себе представить о ней, не видя. Вот Запад весь знаешь, весь чувствуешь а «в Россию надо только верить», до того она неуловима, неизвестна, неожиданна. Вот видела несколько народов и знаю, что они есть все неплохие, все новые, а что остальные? Вот теперь Николаев — плоский, раскидистый, белый. Хорошо, море близко; и о тебе, о тебе поется здесь, о чистом, нежном, ненаглядном. Хочется окружить тебя нежностью, заботиться о тебе, быть с тобой в Шахматове. А тут опять налетят эти огни кулис и «красные плащи» <...> Но посмотрим, посмотрим, как встречу я их теперь. Забавно мы ехали с Адой, в третьем классе — грязном-прегрязном, с мужиками. После

ШУТОЧНЫЙ РИСУНОК БЛОКА (БЛОК И Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК У ЕЛКИ)
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Харькова ехала целая компания малороссов с<оциал>-д<емократов> с суда по поводу какой-то забастовки. Так и пахло революцией, здоровенной такой, из глубины натуры...» («В Россию надо только верить» — неточная цитата из стихотворения Тютчева: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать — / В Россию можно только верить»). В письме 21 марта: «Мы исходили весь Николаев, были в порте — невыносимо хорошо: зеленый бесконечный Буг, переходящий в залив, — почти море и каменная набережная мола, восторг страшный. Вот мне хотелось тебе сказать, что опять я очень нежно-нежно с тобой... Мой ненаглядный, безумная я, измученная душа, но люблю тебя, бог знает что делала, но люблю, люблю, люблю и рвусь к тебе».

134¹

4 апреля <19>08. <Петербург>²

Милая, ты знаешь сама, как ты свободна. Но о том, о чем ты пишешь, нельзя переписываться. Я совершенно не знаю ваших маршрутов и не имею понятия, куда писать. Это письмо пишу наугад. Твоего письма я не понимаю, т. е. не понимаю того чувства, которое было у тебя, когда ты писала. Может быть, не понимаю от своего теперешнего равновесия. Но, чем больше я в равновесии, тем больше знаю реальное.

Что тебе написать, совсем не знаю. Ты пишешь мне, как чужая, — не так ли? Знаешь ли ты, насколько важно для меня твое письмо и имела ли ты какое-нибудь отношение ко мне, когда его писала? Ты пишешь, что я могу спрашивать. Я спрашиваю прежде всего, представляется ли тебе все будущее совершенно вне меня, или ты просто можешь судить теперь только о близком будущем?

Только эти вопросы. И то — слишком трудно задавать их в письме. А что, — письмо твое написано из самой глубины? Или — ты не знаешь теперь своей глубины?

Я пишу очень сухо. И стараюсь только простейшее. Я не знаю, как ты можешь понять меня *«там»*? И можешь ли понять.

Ты пишешь до такой степени странные вещи о деньгах, о «честности» и т. п. Из этого я заключаю, что ты не понимаешь больше меня.

Писать это письмо мне трудно.

Куда писать ³?

¹ На конверте помета Блока: «Очень нужное».

² Написано, вероятно, в ночь на 4 апреля или утром этого дня (см. письмо 136).

³ Это письмо является ответом на следующее письмо Л. Д. Блок от 29 марта, из Херсона: «Милый, ты, должно быть, не получил одного важного моего письма из Могилева — тогда ты не говорил бы, что я что-то скрываю. Так, конечно, тебе не понятны мои письма. Я не писала там ничего прямо, зная, что ты не любишь знать точно все мое личное, вне тебя. Теперь должна сказать. Вот в Николаеве пришла нежность к тебе, а теперь опять живу моей вольной богемской жизнью. Я не считаю больше себя даже вправе быть с тобой связанной во внешнем, я очень компрометирую себя. Как только будет можно, буду называться в афишах Менделеевой. Сейчас не вижу, и вообще издали говорить об этом нелепо, но жить нам вместе, кажется, невозможно; такая, как я теперь, я не совместима ни с тобой, ни с какой бы то ни было уравновешенной жизнью, а вернуться к подчинению, сломиться опять, думаю, было бы падением, отступлением. и не дай этого бог. Ты понял, конечно, что главное тут влюбленность, страсть, свободно их принимаю. Определенной сказать не хочу, нелепо. Вернусь в Петербург в 20-х числах мая, тогда все устроим внешнее. Деньги твои получила; какие это, милый? Я ничего не помню, ты писал как-то, что должен, разве это так? А если присылаешь сам, — не надо, я не могу больше брать у тебя, мне кажется. Приписка: «Прошел день, и что написала — еще определенной: нельзя мне больше жить с тобой — нет почему бы и нечестно. Единственное для меня очень неприятное затруднение — это что мне будет удобно и просто, а тебя бросаю на кучу неприятностей, — это ужасно нелепая, хотя и мелкая, досадная задержка. Но мама будет в Петербурге на будущий год? Напиши, будешь ли ты с ней и где она? Я хотела бы написать ей. Ответь скорей и спроси, что хочешь знать, я все могу сказать тебе о себе».

135

Телеграмма

4 апреля 1908. Петербург ¹

Куда писать жду еще письма.

¹ Дата телеграфного бланка.

136

4 апреля 1908. Петербург.

Люба, вчера я получил твое письмо и ответил на него наугад и очень случайными словами: такое оно произвело на меня действие. В ту минуту, как я получил его, все совершенно перевернулось; то же самое и сейчас — сегодня вечером.

Сегодня я послал тебе телеграмму. Самое досадное и ненужное, что никто не пишет мне адреса и я не имею возможности писать почти никогда — тебе. Неужели ваши театральные дела до такой степени плохи, что вы случайно мыкаетесь по каким-то городам, без всякого толку. Я слышу от самых посторонних людей о провалах и каких-то неблагоприятностях. Не могу сказать, чтобы это было очень приятно. Для меня это начинает пах-

БЛОК

Фотография. 1907

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

нуть какой-то крайней пошлостью, чрезвычайным легкомыслием и дисгармонией, вслед за которой легко может последовать обыкновенное «наплевать». Я бы мог очень много об этом говорить, но не время теперь, да и ты не поймешь.

Прошу тебя, прежде всего, не пиши теперь ничего маме, ей и так трудно жить, она в Ревеле, она со мной жить не может и я не могу тоже, вероятно. Я давно уже живу один, и единственное мое больное место — отсутствие твоих писем.

Мне писать опять трудно, как и вчера. Слишком много разнообразных чувств и мыслей. Но необходимо сказать тебе, хотя, может быть, и не дойду до твоего сознания.

Впрочем, очень немногое: если ты еще будешь писать о том же и если уж надо об этом писать, то нельзя ли более досказанно? Мне нужно знать, — полюбила ли ты другого, или только влюбилась в него? Если полюбила — кто это? По твоему письму я могу думать, что не полюбила, потому что человеку с настоящими чувствами не могут приходить в голову такие нелепости и такой вздор, как ты пишешь — о маме, о деньгах, о квартирах, о неудобствах. Таких вещей нельзя писать в *таких* письмах, по крайней мере, — *мне*. И все-таки я могу все допустить, — и подозревать, что письмо написано со страшным легкомыслием. И всего страшнее то, что теперь опять много дней не будет от тебя ни слова.

Право, квартирные вопросы — второстепенны, и твоя «заботливость» в таком письме, где ты пишешь, что «жить со мной — нет почему бы и не честно», — совершенно отталкивающая для меня.

Ты пишешь даже без запятых, потому в одном месте я могу истолковать письмо двояко, и по одному так, что не дай бог. Нельзя же писать *так* опять-таки, пойми, что все это сряду — почти насмешка.

Очень нелегко писать, не видя тебя. И неизвестно — куда. Но прошу тебя, ответь мне, если ты имеешь ко мне какое-нибудь отношение, и раз уж ты начала все это писать. Помни о том, что, во-первых, я считаю пошлостью разговоры о правах и обязанностях и считаю тебя свободной. Во-вторых, ненавижу того человека, с которым ты теперь.

Пиши заказными. Название города или ближайших городов лучше телеграфируй.

Этим летом будет 10 лет нашего знакомства. Напиши мне все главное откровенно и определенно. Всего хуже — не знать. Что бы я ни узнал, мне будет вдвое легче.

Благословляю тебя.

137

Телеграмма

14 апреля 1908. Петербург ¹

Телеграфируй как доехала ².

¹ Дата телеграфного бланка.

² 8 апреля 1908 г. Л.: Д. Блок приехала в Петербург на несколько дней и объяснилась с А. А. Блоком; 12 апреля, в «Страстную субботу», она вновь уехала — в Киев, где продолжались ее гастроли. В ответ на данную телеграмму Блока она в тот же день телеграфировала из Киева: «Доехала отлично письмо отправила люблю тебя Люба». Приводим выдержки из письма Л. Д. Блок от 14 апреля: «Думаю о тебе очень нежно и, как клад, прячу твою любовь ко мне в сердце. А я, правда, разучилась чувствовать там, в глубине, потому и не могу тебе сказать, что люблю тебя; но и никого<...> Хочу жить искренно, не лгать, как не лгу на словах, также до щепетильности, поступать искренно. И не боюсь этого.<...> Дай мне быть уверенной в тебе, в твоём ожидании, как ты был уверен во мне».

138

14 апреля <19>08. <Петербург>

Сегодня пришла твоя телеграмма, и беспокойство прошло. А боялся я почему-то страшно. В пасхальную ночь томился и блуждал около факелов Исаакиевского собора и Петра. Конечно, именно в 12 час(ов), когда я должен был быть один, меня поймали на улице совершенно чужие люди — и стали разговаривать о пустяках. Дул ветер, всю ночь шел ладожский лед, было холодно и некуда деваться. И вчера и сегодня тоже блуждал днем. По ночам — ужасные сны какие-то были. Я на праздниках, как черт перед заутреней, и до сих пор не прошло это ужасное чувство. Точно и в самом деле происходит что-то такое, чего душа чужда ¹.

Я жду от тебя письма ².

Т в о й

¹ Ср. письмо Блока к матери от 15 апреля 1908 г. (VIII, 236—237).

² Писем больше не было, а только телеграммы: «Совершенно не могу писать ничего не понимаю не беспокойся обо мне милый Л ю б а» (из Херсона, от 20 апреля); «Вернусь числа седьмого беспокоюсь о тебе телеграфируй Мариуполь театр Л ю б а» (из Павлограда, от 1 мая).

139

Телеграмма

«1 мая 1908. Петербург¹»

Будь спокойна жду тебя телеграфирую точно день возвращения.
С а ш а²

¹ Дата телеграфного бланка.² Л. Д. Блок вернулась в Петербург 7 мая.140¹

9 июня 1908. Шахматово

Милая моя. Я приехал сюда 4-го, а твое письмо получил только на днях². Странно, ты пишешь, что тебе показалось, что я думаю о тебе. Я думаю каждый день — в Петербурге и здесь.

Странно жить здесь без тебя в пустом доме. Наши деревья все пышнее, сирень покрыта цветами, будут сильно цвести жасмины, присы и лилии. Только розы замерзли. Но отходят. Очень часто я хочу писать тебе. Но ты так далеко, и я многого не могу понять в твоём письме. Что значит, что ты все лето будешь одна?

К 1 июля я думаю все-таки опять вернуться в СПб. Большей частью я в очень бодром настроении. Но очень бесплодна жизнь.

Когда ты думаешь вернуться, и есть ли у тебя зимние планы?

Господь с тобой.

С а ш а

Что и как ты играешь? — Бывает у тебя когда-нибудь желание приехать в Шахматово? Эти два письма я получил еще в П<етер>б<урге>³. — 150 р. Подгорному⁴ послал. — Получила ли ты 50 р., которые я послал в Грозный 29 мая по телеграфу (до востребования)? Больше и раньше послать не мог, потому что Рябушинский⁵ надувал, а Ваня⁶ дал только Лизе⁷ 100 р. Если тебе надо еще денег, напиши; у меня скоро будет много.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво

И моет берега.

Над скудной глиной желтого обрыва

В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли

Нам ясен долгий путь!

Наш путь — стрелой татарской древней воли

Пронзил нам грудь.

Наш путь степной, наш путь — в тоске безбрежной,

В твоей тоске, о, Русь!

И даже мглы ночной и зарубежной

Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами

Степную даль.

Нам в призрачном дыму блеснет святое знамя

И ханской сабли сталь.

И вечный бой! Покой нам только снится

Сквозь кровь и пыль.

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль...

Театральный Клубъ

(Литейный, 42).

Программа

ЛЕКЦИИ О ТЕАТРѢ

Александра Блока.

Вторникъ, 18-го Марта 1908 года.

Взаимоотношеніе драматурга, режиссера и актера въ современномъ театрѣ.

Драматургъ XIX-го вѣка. Вражда его съ актеромъ. Писатель и старый актеръ.

«Модный вопросъ» — о режиссерѣ.

Противорѣчія и трепетъ «переходной эпохи». Ея порожденіе — новый актеръ. Гибельный духъ тоски въ современномъ театрѣ. Отсутствие отвѣтственности, критеріевъ и чувства долга.

Мнѣнія о положеніи современнаго театра. Единственный выходъ изъ этого положенія. Пропастъ между современнымъ зрительнымъ заломъ и сценой. Зрители близкаго будущаго.

Театръ — плоть искусства. Будущій театръ большого дѣйствія и сильныхъ страстей. Нѣсколько словъ о «народномъ» театрѣ и о «мелодрамѣ».

Начало въ 8 час. вечера.

Слѣдующія лекціи:

- 21-го Марта: Иванъ Рукавишниковъ — «Искусство-религія» (Введеніе въ трактатъ).
 25-го » А. А. Ростиславовъ — «Красота старины». Старинные города и церкви.
 В. Я. Курбатовъ — «Жизнь и смерть произведеній искусства».
 28-го » О. Г. Эттингеръ — «Генрихъ Ибсенъ».
 1-го Апрѣля: Л. С. Бакстъ — «Будущая живопись и ея отношеніе къ античному искусству».

Печ. разр. 11-го Марта 1908 г., за Спб. Град., помощи. его Лысогорскій.

Типографія Императорскихъ Спб. театровъ, Моховая, 62

ПРОГРАММА ЛЕКЦИИ БЛОКА О ТЕАТРЕ 18 МАРТА 1908 г.

Послано с письмом 21 марта

Центральный архив литературы и искусства, Москва

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
 Останови!
 Идут, идут испуганные тучи,
 Закат в крови...

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
 Плачь, сердце, плачь:
 Покоя нет! Степная кобылица
 Несется вскачь!

Александр Блок

7.VI.08 Шахматово ⁸

¹ Вскоре после возвращения в Петербург (7 мая) Л. Д. Блок опять уехала (18 мая) — на этот раз на Кавказ, где продолжались ее гастролы (см. «Письма к родным», стр. 211). В письме от 19 мая она писала Блоку: «Пишу из Рязани, милый. Еду хорошо. Вчера весь вечер не понимала, куда и зачем еду. Теперь тоже не понимаю, но не думаю об этом».

² Приводим это письмо — из Грозного, от 28 мая: «Милый мой, мне сейчас показалось, что ты думаешь обо мне, и мне стало очень грустно и за тебя и за себя, за все. Опять я одна в далекой, далекой России, живу на свой страх, все беру, что идет мне навстречу, и знаю, знаю, что дорого заплачу болью и страданием за каждое свободное движение, за дерзость. Чувствую в себе окрепшую душу актрисы и рвусь играть. Все лето буду одна в Боржоме, захлебываюсь при мысли о работе, о воплощении того, что уже живо, я чувствую, в душе. К тебе у меня трепетное отношение, опускаю глаза, в душе, перед тобой. Но не от стыда — жизнь моя не хулиганская и не случайная. Хотела бы, чтобы ты написал мне в Боржом, в театр: право, я буду этого стоять там. Напишу оттуда. Господь с тобой, мой милый. Л ю б а».

О своей трудной жизни с Блоком Любовь Дмитриевна писала в воспоминаниях: «У нас с ним была общей основная черта наших организаций, которая и сделала возможной и неизбежной нашу совместную жизнь, несмотря на всю разницу характеров, времяпрепровождения и внешних вкусов. Мы оба создавали свою жизнь, сами вызывали события, имели силы не поддаваться «бытию», а за ним, тем более, «быту». Но это мелкая черточка по сравнению с нашей внутренней свободой, вернее — с нашей свободой от внешнего».

³ Очевидно, Блок переслал Л. Д. Блок какие-то письма, пришедшие на ее имя.

⁴ Николай Афанасьевич Подгорный (1870—1947) — артист Московского Художественного театра.

⁵ Н. П. Рябушинский, издатель журнала «Золотое руно». В это время в издательстве Рябушинского печатался сборник стихов Блока «Земля в снегу». «Поганое животное, именуемое Рябушинским, поставило меня в отвратительное положение, но теперь, кажется, мои угрозы действовали, и 100 руб. у меня есть. Но мне и этого мало, чтобы выехать. Во всяком случае, я надеюсь на днях получить рублей 300-400, расплатиться, с кем следует, и приехать в Шахматово», — писал Блок матери 27 мая 1908 г. («Письма к родным», стр. 213).

⁶ И. Д. Менделеев, брат Л. Д. Блок.

⁷ Лиза — прислуга Блока.

⁸ Стихотворение (первое в цикле «На поле Куликовом») было впервые напечатано в альманахе «Шиповник», кн. X (1909), с переменной в третьем стихе четвертой строфы: «В степном дыму блеснет святое знамя». Из чернового наброска этого стихотворения видно, как в блоковскую думу о России вплеталась глубоко личная тема опустошенного «мирного дома», связанная с Л. Д. Блок:

И вечно — бой! И вечно будет сниться
 Наш мирный дом.
 Но — где же он? Подруга! Чаровница!
 Мы не дойдем?

Из окончательного текста это обращение к «подруге, чаровнице» было устранено.

141

Телеграмма

14 июня 1908. <Шахматово>²

Я в Шахматове все хорошо получил два письма пишу очень рад второму² С а ш а.³

¹ Дата телеграфного бланка (отправлено из Солнечногорского).

² Приводим это письмо, посланное из Боржома 5 июня: «Мой дорогой, я здесь, одна, грустно, непонятно. Дождь, серый день, перед окном сейчас же высокая гора, лесом покрытая, зеленая; за спиной, через комнату, шумит мутная Кура и опять зеленая гора. И свежо очень. Приехала сюда из невероятной жары и пыли; ехала — не понимала и теперь опять не понимаю. Понимаешь ты — перед глазами громадный вопросительный знак. Там было просто и хорошо, а теперь уныло, и зачем, зачем все это? Весь день поется:

Все дышавшее ложью...
 Предо мной к бездорожью...
 Верю в Солнце Завета,
 Вижу очи твои...

Только очи — вижу тебя строгого и властного, перед которым мне так грустно теперь и больно, и с вопросом, мучительно, поднимаю на тебя глаза. Как же? Как же? Что же все это такое? Хорошо, что я буду одна долго, бесконечно, все уляжется, тогда пойму, должно быть; как мне хочется узнать о тебе, получить твое письмо, боже мой!<...> Не знаю, можем ли мы быть вместе опять *теперь* и когда это будет, но люблю тебя и ты единственная моя надежда, и на краю света не уйти мне от тебя» (стихи в письме — цитата из стихотворения Блока «Верю в Солнце Завета» — 1902 г.).

³ На эту телеграмму Л. Д. Блок в тот же день, 14 июня, ответила письмом, в котором писала: «Люблю тебя одного в целом мире. Часто падаю на кровать и горько плачу, что я с собой сделала? Что эта сцена? и все остальное<...> И разрывается сердце при мысли, при крике: ведь это я же, при чем же тут все эти нелепости, ведь это я, я, я! Ты знаешь, о ком я говорю тогда, ты один в целом мире поймешь, когда я кричу всем сердцем: ведь это я же! Люблю тебя больно и сладко. Быть с тобой хочу больше всего на свете. Что здесь меня удерживает, не знаю. Может быть, страшная усталость воли. Одно знаю: быть с тобой, около тебя, и ничего, ничего другого не надо, и сцены не надо душе моей. Может быть, ты велишь идти туда или скажешь, что нельзя вместе, тогда приму опять все, но моя воля — быть с тобой. Но сколько муки я себе приготовила своим безумием, боже мой!... В душе моей растет какое-то громадное благословение тебе и всему Шахматову, всем вам. Благословенная обетованная страна и в ней желанный, любимый, милый мой ты. Пишу ночью, пишу любя тебя до слез, моя радость».

142

14 июня <19>08. Шахматово

Милая, только сегодня утром пришла твоя телеграмма, я ответил на нее. А твое письмо (второе)¹ я получил третьего дня и ношу с собой. На него я могу ответить тебе только, что думаю о тебе каждый день, тебя недостает каждый день, и я живу все время тем, что жду тебя. До сих пор я не могу определить, должен ли я жить один; я теперь переживаю эту одинокую жизнь и знаю, что она очень хороша, но бесплодна, бесплодна — другого слова не придумаешь. Может быть, нам нужно временами жить вместе. Теперь мне часто кажется, что мы можем жить вместе всегда, но — не знаю. Здесь очень тихо — жарко, сыро и пыльно. Наш сад растет. Я бываю много один. Переделываю «Песню Судьбы». Может быть, даже и кончу ее к 1 июля, когда вернусь в Петербург. Туда меня тянет. Здесь трудно жить без тебя. Я думаю о том, что ты вернешься в августе и мы

вместе будем жить здесь осенью. Что ты думаешь об этом? Я не знаю, когда ты вернешься. Досадно получать письма, которые идут около недели, и самому досадно писать. Но у меня очень постоянная надежда на то, что мы могли бы прожить здесь золотую осень.

Меня тянет теперь опять в Петербург. У меня очень дружеские и настоящие, даже трогательные отношения с Чулковым (и, конечно, с Жене²). И хорошие отношения с Сюннербергом³. Может быть, устроим журнал (!)⁴ Кроме того, Ф. Ф. Коммиссаржевский⁵ будет в Петерб^урге, надо обсудить «Праматерь»⁶. У Бравича⁷ — оспа. Петербург необыкновенно красив теперь. Там привлекательно то, что легче переживать это какое-то *переходное* в жизни время — от встречи до встречи с тобой. Очень много средств забывать о времени и произвольно устанавливая дни и ночи. А здесь нет этих средств — без тебя.

Может быть, ты заметила, что я давно уже не умею писать тебе. Мое отношение к тебе уже не требует никаких слов. А вообще письма писать я умею, по-прежнему.

«Песнь Судьбы» все так же важна для меня. Но теперь еще по-новому, точно я еще больше ее пережил и смотрю на нее объективнее и свободнее. — С Н.Н.⁸ я так и не простился, не писал ей и не получал от нее писем.

Теперь ты видишь, как я живу? Читала ли ты «Корабль» д'Аннунцио? Прочти — это очень искусная трагедия⁹.

А что же сцена? Это очень важно для тебя?

Получила ли ты деньги из Грозного? Там лежат 50 р., посланные по телеграфу в конце мая. Надо ли тебе еще? Если надо, я пришлю из Петербурга.

Твои письма мне получать важнее всего, хотя и досадно, потому что — запоздалые. Настанет ли когда-нибудь время, что мы перестанем разлучаться?

Т в о й

В ночь, когда Мамай залег с ордою
 Степи и мосты,
 В темном поле были мы с Тобою, —
 Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
 Среди ночных полей
 Слышал я Твой голос сердцем вещим
 В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
 Княжеская рать,
 И вдали, вдали о стремя билась,
 Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
 Реяли вдали.
 А над Русью тихие зарницы
 Князя стерегли.

Орлий клекот над татарским станом
 Угрожал бедой.

А Непрядва убралась туманом,

Что княжна фатой.

И с туманом, над Непрядвой спящей,
 Прямо на меня

Ты сошла в одежде свет струящей,
 Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
 На стальном мече,
 Освежила пыльную кольчугу
 На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
 Двинулась орда,
 Был в щите Твой Лик Нерукотворный
 Светел навсегда.

Александр Блок

14 июня 1908
 Шахматово¹⁰

¹ Письмо от 5 июня 1908 г. См. примеч. 2 к письму № 141.

² Е. П. Иванов.

³ Константин Александрович Сюннерберг (1871—1942) — поэт-символист и философ, писал под псевдонимом: Константин Эрберг.

⁴ Дополнительные сведениями об этом журнальном проекте мы не располагаем.

⁵ Федор Федорович Коммиссаржевский (1882—1954) — режиссер, брат В. Ф. Коммиссаржевской, игравший руководящую роль в ее театре.

⁶ «Праматерь» («Die Ahnfrau») — трагедия австрийского поэта-романтика Франца Грильпарцера (1791—1872), написанная в 1817 г. Блок перевел эту трагедию по заказу В. Ф. Коммиссаржевской для ее театра, где она и была поставлена Ф. Ф. Коммиссаржевским и А. Н. Бенуа (премьера — 29 января 1909 г.).

⁷ Казимир Викентьевич Бравич (Баранович) (1861—1912) — драматический актер и режиссер, в 1906—1908 гг. состоял в труппе театра В. Ф. Коммиссаржевской. Блоку принадлежит некрологическая статья «Памяти К. В. Бравича» (V, 470—472).

⁸ Н. Н. Волохова.

⁹ Блок горячо советовал прочесть эту трагедию д'Аннунцио также Е. П. Иванову и Г. И. Чулкову (см. «Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову». М. — Л., 1936, стр. 65; «Письма Александра Блока». Л., 1925, стр. 148). *Габриеле д'Аннунцио* (1863—1938) — итальянский писатель-декадент, впоследствии фашист.

¹⁰ Стихотворение переписано матерью Блока. Рукой Блока — подпись и дата. Это стихотворение (третье в цикле «На поле Куликовом») было впервые напечатано в альманахе «Шиповник», кн. X (1909).

143

19 июня (1908. Шахматово)

Милая, только вчера я получил твое третье письмо (от 8 июня). Страшно долго. Это мое письмо — третье. Получила ты? Я все думаю, что мы с тобой будем жить в Шахматове осенью, а зимой — в Петербурге, так, как мы говорили. Напиши мне, сломать ли стену до твоего приезда (и уничтожить столовую)¹. По-моему, надо. Мож^{ет} быть, я займусь этим, когда вернусь в город (1 июля). — Скоро выйдет моя книга². «Песню Судьбы» я, кажется, *кончу* здесь. Третий акт придумал. Если бы ты сейчас вернулась в Шахматово, я прожил бы здесь с тобой до осени. Я никого не люблю, кроме тебя.

Твой

Продолжаешь ли ты не верить в себя, как в актрису? Надоела ли тебе эта жизнь? Отчего в твоих письмах есть что-то тревожащее меня, как будто — легкомысленное? Или ты просто не умеешь писать?

¹ Речь идет о городской квартире в Петербурге (на Галерной ул., 41, кв. 35).

² Сборник стихов «Земля в снегу».

21 июня <1908. Шахматово>

Сейчас я получил твое письмо ¹, моя милая, и телеграмму ². Эти дни хожу и думаю. Все — безумие, глупости, обман, наваждение. Мы должны жить вместе и будем. Осенью — здесь, в Шахматове, а зимой — будем, будем жить вместе, в Петербурге. Вернусь скоро в Пбг. и буду ломать стену и устраивать тебе комнаты. Это меня очень заботит.

Если бы ты знала, как и сколько я думаю о тебе.

Сегодня кончил 3-ий акт ³. Приехал Фероль ⁴ с лесничим (мерить лес), лесничий живет в моей комнате, а я — в твоей. Пишу мало, сейчас едут на станцию. А ты будешь до конца выдерживать этот глупый сезон?

Все, что касается тебя, для меня всего важнее.

Т в о й

¹ Имеется в виду письмо от 14 июня 1908 г. См. примеч. 3 к письму № 141.

² Текст телеграммы — из Боржома, от 20 июня 1908 г.: «Получила деньги первому письму ужасно рада тоскую Л ю б а».

³ Драмы «Песня Судьбы».

⁴ Ф. А. Кублицкий-Пиоттух, двоюродный брат Блока (см. о нем на стр. 121 наст. тома). Мать Блока владела Шахматовом на равных правах со своими сестрами, С. А. Кублицкой-Пиоттух и М. А. Бекетовой.

24 июня <1908>. Шахматово

Моя милая.

Время ползет без тебя какое-то тусклое, бесплодное. Здесь почти не перестает дождь — серый, осенний. Я начал сильно тосковать. Беспокоюсь о тебе, думаю постоянно о тебе. Жизнь тащится зачем-то, — и ты зачем-то в каком-то Боржоме; я совершенно уверен, что тебе там делать нечего. Эти дни я немного ждал тебя, думал, что ты оттуда уедешь. Что за охота проваливаться где-то на краю света с третьестепенной трупной? Не люблю я таких актеров, ох, как не люблю, заодно с Гете и Ибсеном.

Беспокоюсь о тебе, моя милая.

Тебе все еще грустно? Если бы ты вернулась сюда, я не возвращался бы в Петербург. А теперь — ворочусь через 6 дней, и зачем — не твердо знаю; больше потому, что без тебя не сидится в тишине. И что писать тебе, — не знаешь, интересно ли тебе вот в эту минуту, когда ты читаешь то, что я писал десять дней назад.

«Песня Судьбы» кончена вчера. — Почему ты пишешь, что приготовила себе мучение? Меня очень тревожит это; и мне не нравится то, что ты сомневаешься в том, как я тебя встречу. — Получаешь ты мои письма? — Это, кажется, уж шестое — и последнее из Шахматова.

Я как-то тоже устал. Мне во многих делах очень надо твоего участия. Стихи в тетради давно не переписывались твоей рукой. Давно я не прочел тебе ничего. Давно чужие люди зашаркали нашу квартиру. Лампадки не зажигаются. Холодно как-то. Ко многим людям у меня в душе накопилось много одинокого холода и ненависти (Мережковские, разные москвичи с г. А. Белым во главе и нек<оторые> др<угие>) ¹. Мне надо, надо быть с тобой. А ты — хочешь ли быть со мной? То, что я пишу, я могу написать и сказать только тебе. Многого из этого я как-то не говорю даже маме. А если ты не поймешь, — то и бог с ним — пойду дальше так. Ты не име-

Займись маляр-
 Скушай про свирку.
 Никогда не богай.
 Сиди вь платога.
 Потряхавши ланотками.
 Сотмись вь холмогах.
 Занимайсь Гренохками.
 Кушай мисточки
 Читай книжки и бурматки,
 Дождайсь Саши.

ШУТОЧНАЯ ЗАПИСКА БЛОКА Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

есть потребности устроить нашу жизнь так, чтобы и комнаты ожили? Или ты все еще не поймешь «быта»? Есть ведь на свете живой быт, настоящий, согласный с живой жизнью. Беспокоюсь о тебе.

Т в о й

Из твоих писем я понял, что ты способна бросить сцену. Я уверен, что, если нет настоящего большого таланта, это необходимо сделать. Хуже актерского «быта» мало на свете ям.

Коммиссаржевская играет мою (т. е. Грильпарцерову) Берту².

¹ В эти же дни (26 июня) Блок записал в записной книжке: «Хвала создателю! С лучшими друзьями и «покровителями» (А. Белый во главе) я внутренне разделался навек. Наконец-то! (разумею полупомешанных — А. Белый и болтунов — Мережковские)» (ЗК, 108—109).

² Центральную роль в трагедии «Праматерь» (см. примеч. 6 к письму № 142).

146

Т е л е г р а м м а

28 июня 1908. Петербург¹

Получил письмо теперь легче жду тебя жду.

¹ Дата телеграфного бланка.

147

29 июня 1908. Шахматово

Люба, я получил вчера твое письмо от 20-го. Все, что ты пишешь, мне страшно нужно, и без твоих писем трудно существовать¹. Послезавтра уезжаю в Петербург и буду ждать тебя там. Если получу деньги, пришлю тебе. Приезжай только с тем, чтобы не возвращаться назад. Мы поживем немного в городе, а потом приедем в Шахматово и будем устраивать сад. Еще много в нем надо работать. Я тебе написать сегодня уж совсем не умею. И потому пишу только несколько слов. Когда же мы будем, наконец, с тобой?

Т в о й

Да, зимой мы будем жить вместе. Если бы ты знала, как ты необходима мне.

¹ В письме от 20—21 июня 1908 г. Л. Д. Блок писала: «Может быть, приеду в Петербург, когда ты будешь там, это мне будет легче, а то мучительно стыдно Шахматова, нашего дома и сада, пока я не очистила свою душу совсем от всего, чего так мучительно стыдно<...> Я теперь хочу быть с тобой всегда, не расставаться. То, что я зиму буду в Петербурге (это конечно) с тобой, меня ужасно волнует, радует, наполняет надеждой на что-то настоящее, какое-то большое дело в самой жизни<...> И сама я в горьком, горьком опыте становлюсь лучше, я знаю — не буду тебя шокировать, так бережно буду нести нашу жизнь».

148

5 июля <1908. Петербург>

Милая, я в Петербурге, страшно беспокоюсь о тебе, Уезжай скорей, как только можешь, из этого ужасного места. Я прочел в «Речи», что ранен Неволин¹. Когда же ты вернешься, наконец? — Здесь жарко. Я приехал 2-го. На Подсолнечной² получил твое письмо. Письма идут бог знает сколько времени — 7—1 дней. Что же твоя роль в старинной пьесе и что сцена³?

Только бы ты вернулась ко мне. Я могу много и сочувственно говорить с тобой о сцене, но теперь, прежде всего, — ты сама будь со мной. Неужели ты не вернешься раньше 1 августа?

Поклонись, пожалуйста, Неволину от меня, передай, что желаю ему поскорей выздороветь.

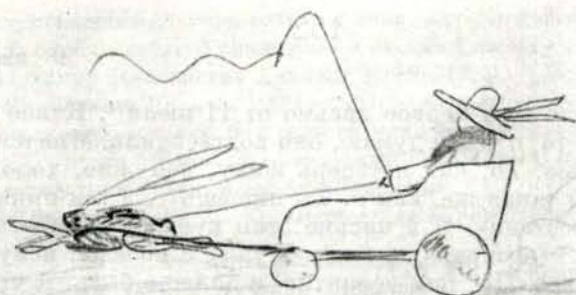
Милая моя, приезжай ко мне.

Т в о й

¹ Об этом событии Любовь Дмитриевна сообщила Блоку в письме от 11 июля 1908 г.: «Ты читал в телеграммах, что нашего Неволлина чуть не убили случайно? Он ездил в Абастуман снимать театр, по дороге двое грузин напали на омнибус и убили чиновника, ехавшего с ним, ранили другого, у Неволлина ухо было контужено, и он ехал с убитым на коленях два часа. Но это была месть случайная».

² По пути в Петербург.

³ В письме от 24 июня Л. Д. Блок сообщила, что получила большую роль в пьесе «Когда б он знал»: «Пьеса старинная, вроде «Вспышки у домашнего очага» и «Что делать?» Чернышевского. Я играю милую, любящую женщину, ревнующую мужа, переодевающуюся в домино и маску и т. д. Уже репетировали. Я очень ее чувствую, кажется, найду тон. Только бы удалось сыграть первый раз в субботу. Уехать отсюда я думаю в конце июля, чтобы быть в Петербурге не позднее 1 августа. Раньше едва ли уеду, очень нужна в самом деле. А в Петербург приехать раньше Шахматова я продолжаю очень хотеть. Так лучше. Потом поедем туда вместе и проведем там осень, сколько захотим, наконец, ничто не будет мешать. А зимой вместе, вместе!»

КАК? МЫ ЕЗДИМ В ГОСТИ.

«КАК МЫ ЕЗДИМ В ГОСТИ»

Шуточный рисунок Блока

Центральный архив литературы и искусства, Москва

149

Телеграмма

6 июля 1908. Петербург ¹

Все ли благополучно телеграфируй Петербург С а ш а

¹ Дата телеграфного бланка.

150

Телеграмма

9 июля 1908. Петербург ¹

Когда приедешь тоскую напиши ².

¹ Дата телеграфного бланка.

² Ответная телеграмма Л. Д. Блок из Боржома от 10 июля: «Вернусь начале августа не беспокойся пишу Л ю б а».

151

Телеграмма

17 июля 1908. Петербург ¹

Нет писем боюсь пиши С а ш а ²

¹ Дата телеграфного бланка.

² Л. Д. Блок ответила телеграммой из Боржома от 18 июля: «Не беспокойся милый все хорошо пишу сегодня. Л ю б а». В письме, посланном в тот же день, она писала: «Сезон кончается 10-го августа, приеду, значит, числа 15-го, 16-го или немного раньше, если не буду занята в последнем спектакле. У меня довольно апатичное настроение. Со сценой опять неудачи, я собой недовольна, хотя не огорчаюсь, только долго ждать, пока стану хорошей актрисой, и это скучно. Вернусь к тебе, будем вместе. Мне это очень хочется, но, видишь, сейчас нет такого захвата и в этом, как был<...> Милый, прости мне мою опущенность. Я вернусь к тебе, тогда все будет по-другому».

Сегодня пришло твое первое письмо от 11 июля ¹. Какое мрачное для меня письмо. Все то, о чем я думаю, оно подтвердило. Мне жить становится все невыносимее. То, как я теперь живу, ненужно, холодно и пусто. Неужели же и ты такая же, как я. Ты пишешь уже так привычно о «волне своего сумасшествия». И в письме этом прежде всего — «Марья Ивановна» Чирикова ² (поздравляю вашу труппу с победой искусства), а потом — все остальное. Да, так, вероятно, и должно быть. А что же значит, «верю в себя и тебя»? Тоже — по привычке?

Если тебе больно читать все это, то я пишу это не для твоей боли, а от своей. Знаешь ли, что я тебе скажу? Если я буду продолжать жить так, как теперь, — без особ^{енных} событий, выпивая иногда, веря до глубины одному только человеку — Евг^{ению} Иванову, не имея подле себя живой души, — этого ненадолго хватит: душа становится старой и седой. Из этого совсем не следует, что тебе нужно предпринимать что-нибудь.

Что же, действительно, — плод всех прошлых горьких, красивых и торжественных годов — Марья Ивановна, Боржом, Гельсингфорс, захудалая провинция, «зеленая скука» с «покучиванием», актерство, развязность, «свобода» от всего «рабского»... и от всего свободного? — Или это все — только временная, кромешная тьма и настанет другое?

Целый день я ехал по сияющим полям между Шахматовым, Рогачевым Бобловым. Только недавно. В лесу между Покровским и Ивлевым были все те же тонкие папоротники, сияли стоячие воды, цвели луга. И бесконечная даль, и шоссеная дорога, и все те же несбыточные, щемящие душу повороты дороги, где я был всегда *один* и в союзе с Великим, и тогда, когда ты не знала меня, и когда узнала, и теперь опять, когда забываешь. А то — все по-прежнему, и все ту же глубокую тайну *мне* одному ведомую, я ношу в себе — *один*. Никто в мире о ней не знает. Не хочешь знать и ты. Но без тебя я не узнал бы этой тайны. И значит к тебе относил я слова: «За все, за все тебя благодарю я...» ³, как, может быть, все, что я писал, думал, чем жил, от чего так устала душа, — относилось к тебе.

Пойми же, с каким чувством я посылаю тебе это письмо. Чувствовать я еще не совсем разучился ⁴.

¹ В этом письме Л. Д. Блок писала: «Милый, не пишу тебе вот уж сколько времени. Это потому, что опять захватила волна моего сумасшествия. Я чувствую себя актрисой и это меня сбивает, закруживает. Не пишу тебе, потому что не знаю, не понимаю, как совместить мои мечты о жизни с тобой с моей верой в себя как в актрису. Я играла Лидию в «Когда б он знал». Все очень хвалили, говорили именно то, что и я в себе чувствую<...> Теперь играю каждую роль с любовью. Была у меня роль без слов в «Марии Ивановне» Чирикова — Глашенька. Вышла живая и очень ярко, говорят, комичная. Еще Авдотью в «Детях Ванюшина». Завтра играю Христину в «Графине Юлии» Стриндберга. — Мне ужасно странно тебе писать все это актерское, все, что ты так не любил еще в последнее наше свиданье. Но ведь надо же, чтобы ты понял меня, принял из этого все хорошее, помог и мне отбросить сор (он есть, это я знаю). Но хорошее ты же поймешь. Я уверена, что когда увижу тебя, проживу с тобой немного в квартире, устроенной тобой, я смогу опять отречься от сцены (и ты говоришь, что я не чувствую быт, настоящий, да ты вспомни!), но этого не надо делать, то, что мне дано, нельзя отшвырнуть<...> Дела нашего товарищества идут пока очень неважно, вырабатываем всего 40 копеек на марку в месяц. Актёров мало и плохие<...> Несколько дней, как приехал Давыдов, — будет играть у нас три недели. Я почти не говорю с ним, смотрю и удивляюсь. Есть у меня зато «флирт» с милым мальчиком, о котором ты знаешь, мне не хочется называть и писать об этом, так это легко и не важно, может оборваться когда

угодно. Но я целуюсь с ним<...> Верь только в меня, не беспокойся о случайных моих выходах, я верю в себя и тебя. Упомянутый в письме *Давыдов* — известный драматический актер Владимир Николаевич Давыдов (1849—1925).

² Евгений Николаевич *Чуриков* (1864—1932) — беллетрист и драматург, примыкавший к писателям-«знаньевцам», но в годы реакции перекочевавший в лагерь мешающей литературы, после Октября — эмигрант. *«Марья Ивановна»* — комедия Е. Чурикова, вышедшая в 1908 г. в изд-ве «Шиповник».

³ Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Благодарность»:

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растрченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

⁴ На это письмо Л. Д. Блок ответила 26 июля следующим образом: «Саша, я думаю, что письмо твое 18-го июля со всеми упреками — только от боли, от того, что я далеко и мои письма совсем закрывают, скрывают меня, и ты меня просто не имеешь в виду, когда все говоришь это. Я и не сержусь и не обижаюсь несправедливостью упреков. В лицо ты не скажешь мне всего этого, когда увидишь. Я не буду больше писать тебе о сцене, пока мы не поговорим, ты все будешь понимать не так. Ты увидишь, что я по-прежнему я, что люблю тебя и хочу настоящей жизни. Только слова теперь такие мертвые выходят, что и писать не хочется. Буду стараться уехать скоро, как можно скорее, все еще не знаю, когда. Не могу удержаться, хочется тебе сказать, что мы играем скоро «К звездам», да, да Л. Андреева, здесь цензуру не соблюдают. Я играю Инну Александровну и рада ей очень».

153¹

23 июля 1908. СПб.

Пишу тебе совершенно больной и измученный пьянством. Все это время меня гложет какая-то внутренняя болезнь души, и я не вижу никаких причин для того, чтобы жить так, как живут люди, рассчитывающие на длинную жизнь. Положительно, не за что ухватиться на свете; единственное, что представляется мне спасительным, — это твое присутствие, и то, только при тех условиях, которые вряд ли возможны сейчас: мне надо, что ты была около меня равнодушной, чтобы ты приняла какое-то участие в моей жизни и даже в моей работе; чтобы ты нашла средство исцелять меня от безвыходной тоски, в которой я сейчас пребываю. Кажется, ни один год не был еще так мрачен, как этот проклятый, начиная с осени. Пойми, что мне, помимо тебя, решительно *негде* найти точку опоры, потому что мамина любовь ко мне беспокойна, да я и не могу питаться одной только материнской любовью. Мне надо, чтобы около меня был живой и молодой человек, женщина с деятельной любовью; если этого никогда не будет, то мне ничего не останется, кроме пустой и зияющей темноты, когда я растрату все свои жизненные силы. — Только на такое опускание по наклонной плоскости я сейчас способен, потому, может быть, что не имею твердой веры в то, что ты придешь ко мне.

Едва ли в России были времена хуже этого. Я устал бессильно проклинать, мне надо, чтобы человек дохнул на меня *жизнью*, а не только разговорами, похвалами, плевками и предательством, как это все время делается вокруг меня. Может быть, таков и я сам — тем больше я втайне ненавижу окружающих: ведь они же старательно культивировали те

злые семена, которые могли бы и не возрасти в моей душе столь пышно. От иронии, лирики, фантастики, ложных надежд и обещаний можно и с ума сойти. — Но неужели же и ты такова?

Посмотри, какое запустение и мрак кругом. Посмотри трезво на свой театр и на окружающих тебя сценических деятелей. Мне казалось всегда, что ты — женщина с высокой душой, не способная опуститься туда, куда я опустился. Помоги мне, если можешь. Я даже работать не могу, не вижу цели. И эти дни все похожи один на другой, ужасно похожи. И, если подумаешь, что еще много таких, совсем тошно. Лечь бы и уснуть и все забыть.

Я тебе писал в остром припадке отчаянья, лег отдохнуть. Сейчас у меня, по-видимому, жар, должно быть — простудился. Серьезного ничего не чувствую. Посылаю тебе это письмо бог знает зачем, ведь меньше, чем через неделю не получишь. Я вышлю тебе денег, как только меня перестанет надувать вся издательская и театральная сволочь, а сейчас у меня — ни копейки. Если ты не решила совсем бросить меня, приезжай, как только можешь скорее. Никогда в жизни я не испытывал *таких* чувств одиночества и брошенности. Верно, предположения мои правильны, ты перестала помнить обо мне.

Перечитал письмо и все-таки посылаю: Телеграфируй, когда получишь. Я совсем измучен. Только бы поговорить с тобой скорее, что дальше — не знаю. Могу говорить и о сцене.

¹ На конверте — помета: «Очень нужное».

154

24 июля <1908. Петербург>

Сейчас получил твое письмо и посылаю тебе 100 р. по телеграфу. Вчера отправил тебе письмо. У меня был сильный жар, теперь — меньше, сижу дома. Ты приедешь только 15-го? Как бесконечно долго ждать. Телеграфируй, когда долго не пишешь; я беспокоюсь смертельно — обо всем, потому что могу думать только о тебе. Да, если ты хочешь быть со мной, мы будем говорить и работать вместе. Так я думаю.

Мои дни ползут нестерпимо медленно. Ты не сердись на те два письма, которые я послал тебе?

С а ш а

Твоя новая комната давно готова, ждет тебя.

155

24 июля. Вечер. <1908. Петербург>

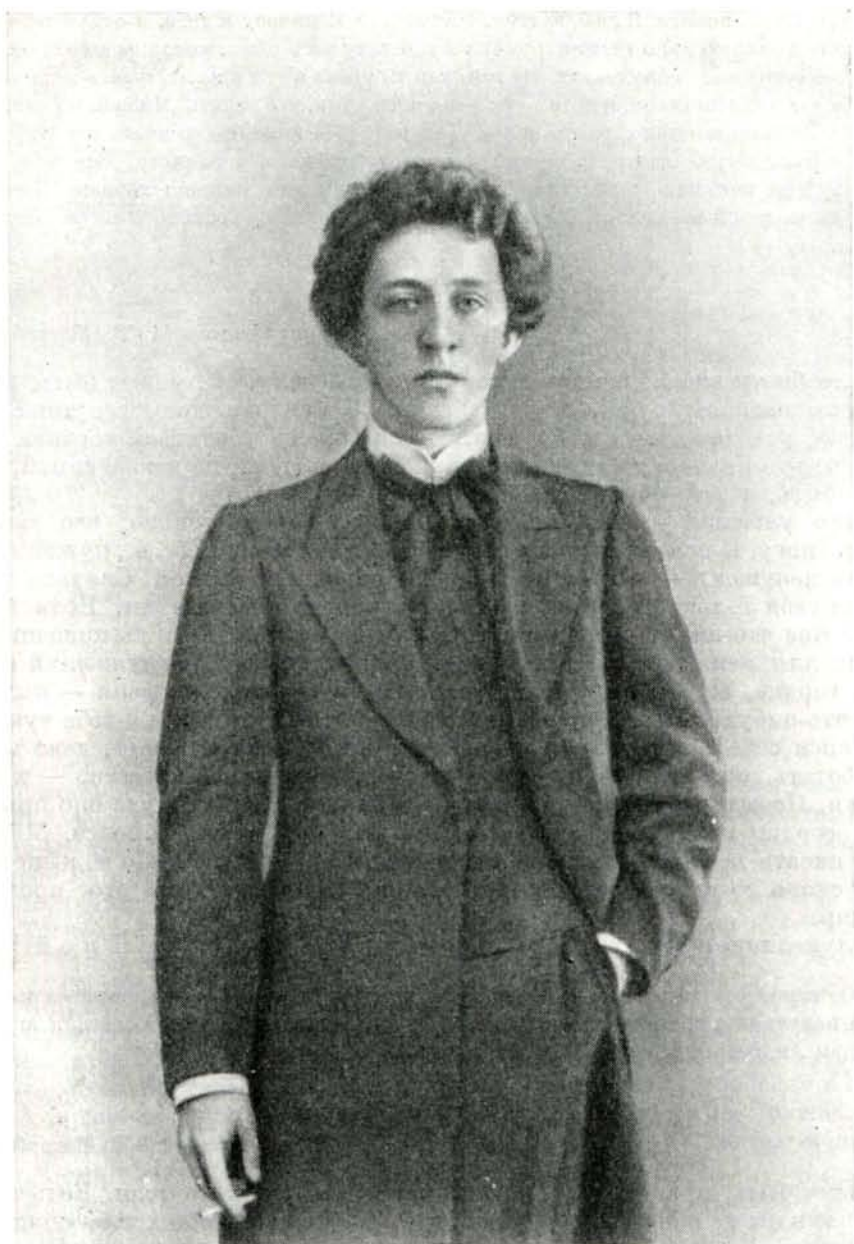
Сегодня я пишу тебе второе письмо. Знаешь ли, мы не видались почти 5 месяцев (нельзя же считать твои приезды) и до этого — 1½ года.

Сижу второй день дома, хотя жар, кажется, прошел. Пишу прозу и стихи ¹. Но, главное, не могу тебя дождаться.

Все так же ли ты равнодушна ко всему, как пишешь в письме, которое я получил сегодня (от 18 июля)? И что ты думаешь о тех моих письмах, которые скоро получишь ²?

Господь с тобой.

С а ш а

БЛОК

Фотография, 1907

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

¹ В июле 1908 г., по возвращении из Шахматова в Петербург, Блок написал стихотворения: «За гробом», «Мэри», «Друзьям» и «Поэты» (два последних датированы 24 июля), а также статью «Об одной старинной пьесе» (о трагедии Ф. Грильпарцера «Праматерь»).

² 28 июля Любовь Дмитриевна написала Блоку: «Саша, поддержи меня, надо ужасно много силы. Что-то не так, мучительно не так. Но актрисой я быть должна, рано или поздно, это ясно. Я должна быть с тобой, это излечит сердце. Я на опасном

перепуты, Сапа, помоги. Я люблю тебя, милый<...> Я приеду к тебе, я отдам тебе всю свою душу и закрою лицо твоими руками и выплачу весь ужас, которым я себя опутываю. Я заблудилась, заблудилась. Не так, как ты писал в том письме, но все-таки ужасно. Я дострадаю этот сезон, и потом учи меня жить, учи, что делать. Милый, милый, милый! Вот сейчас мне стало легче, яснее. Так просто — кончить, кончить все здесь до конца и быть с тобой; я ведь принесу много и хорошего, узанного. Все тебе. Вот это я даже не понимаю, но это так. Милый, напиши мне, напиши хорошо. Помоги. Тает в душе какой-то холод. Ты со мной. Я люблю тебя, Господь с тобой. Целую. Т в о я.

156

26 июля, вечер <1908. Петербург>

Если бы ты знала, каковы мои чувства и мысли, ты, может быть, приехала бы несколько раньше 16 августа. С каждым днем все тяжелее. Не знаю, как дожидаться тебя, хотя бы пришлось убедиться воочию, что в тебе что-то *невозвратно* отошло, как я думаю (т. е., не в тебе самой, мож<ет> быть, а в твоей любви ко мне).

Всего ужаснее — неизвестность. Я вижу окончательно, что *так* я жить не могу. И пока я не убежусь твердо в том или ином (т. е., нужен я тебе, или ненужен) — все это время будет сплошной пыткой. Сначала чувствовал себя только нравственно тяжело, теперь и физически. Если б ты писала мне что-нибудь отрадное, ждать было бы легче. Но ты пишешь все тяжелее для меня, все «объективнее». Ради бога, Люба, не утяжеляй камня на сердце, ведь я не кукла. Пока у тебя «апатия», у меня — пытка. Реши что-нибудь. Ты старишь меня своими письмами. Если я тебе чужой, признайся себе в этом. Пока я не узнаю чего бы то ни было, я не могу ни работать, ни жить, ни думать. Такое «условное» одиночество — хуже каторги. Посылаю тебе это письмо на проклятый Кавказ, куда оно придет немилосердно поздно. Прости, что я мешаю тебе жить, прости. Может быть, писать все это — только еще отравлять тебя и себя. Но я, кажется, дойду скоро до равнодушия полного, отправлю к черту весь этот проклятый мир.

Целую твою руку.

Т в о й ¹

¹ Ответная телеграмма Л. Д. Блок от 31 июля из Боржома: «Не тревожься милый письма получила понимаю кончаю здесь 17 буду спешить хочу домой сегодня играем К звездам Андреева волнует Л ю б а».

157

2 августа <1908. Петербург>

Может быть, правда, твои письма закрывают тебя от меня. Ведь я не упрекал, и ты не обижайся, ты знаешь ведь, что я не хотел тебя обидеть. Я все время полон мыслями о тебе и только на тебя и надеюсь. Правда, что я не вижу твоей сцены и говорю о ней, может быть, слишком легкомысленно. Но все это — от боли, которая была очень мучительна долгое время, а теперь надеюсь, что не очень долго осталось ждать, что ты уедешь раньше 17-го, и буду стараться ждать тебя тихо и сосредоточенно. В тот месяц я жил такой растрепанной, бестолковой и скверной жизнью; мне казалось часто, что ничего уже не осталось в мире, за что можно ухватиться. Но, может быть, и есть еще? И ты вернешься ко мне?

Ты расскажешь мне все о себе и о театре. Нам необходимо жить вместе и говорить много, помогать друг другу. Никто, кроме тебя, не поможет мне ни в жизни, ни в творчестве.

Я просмотрел «Песню Судьбы» еще раз. Отдам ее переписать и, кажется, пошлю, наконец, в Худож<ественный> театр ¹. Будь, что будет.

БЛОК Ф. К. СОЛОГУБ. К. А. СЮННЕРБЕРГ И Г. И. ЧУЛКОВ

Фотография, апрель 1908

Институт русской литературы АН СССР. Ленинград

Мне жаль только, что ты не прочтешь ее целиком и в новом виде до посылки. А, может быть, я и подожду с этим тебя. Приезжай, ради бога, скорее, как только сможешь, скорее. Мне пусто и холодно без тебя. А тебе не нравятся те стихи, которые я посылал тебе²?

Получила ли ты деньги?

Господь с тобой, моя единственная.

Твой

Я думал опять уехать в Шахматово, но теперь уж не стоит; ты ведь скоро приедешь? Знай, что каждый день для меня важен, без тебя точно жизнь проходит зря. И пиши мне чаще, насколько можешь, хоть по два слова. День приезда напиши. Я надеялся, что август мы проведем в Шахматове, и совсем пришел в отчаянье, когда узнал, что ты не приедешь 1-го, как писала. Ну, хоть сентябрь проведем, может быть, землю копать будем. Земля ведь многое объясняет³.

¹ Дрaму «Песня Судьбы» Блок закончил к 1 мая 1908 г. Он мечтал увидеть ее на сцене Художественного театра и потому «отвечал уклончиво» В. Ф. Комиссаржевской, которая просила пьесу для своего театра (см. VIII, 224—225). Тогда же, в мае 1908 г., Блок прочитал «Песню Судьбы» К. С. Станиславскому и В. И. Немировичу-Данченко. По предложению Станиславского он вернулся к доработке пьесы, в частности — свел в одну картину («На пустыре») две картины первоначальной редакции. В первой половине августа «Песня Судьбы» была, действительно, послана в Художественный театр. Вопрос о постановке ее оставался открытым до декабря 1908 г., когда К. С. Станиславский известил Блока, «что пьесы нельзя и не надо ставить».

² «Река раскинулась...» и «В ночь, когда Мамай...».

³ Это письмо уже не застало Л. Д. Блок в Боржоме. Она выехала оттуда 4 августа и приехала в Петербург 9 августа. Вскоре, 20 августа, они оба уехали в Шахматово.

Шахматовское уединение, как всегда, способствовало размышлениям поэта о проблемах современного общественного развития.

Маминка Бу! Надень краснень
 пелюшечку, на сада под окном,
 Буд розовая и веселая, очень
 красивая, а мы все любим, что
 никуда и никогда не покинем, нашу
 маминку и хорошенькую.

ШУТОЧНАЯ ЗАПИСКА БЛОКА Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Заметки Блока в записной книжке за сентябрь 1908 г., проведенный в Шахматове, свидетельствуют об исключительном интересе к проблеме народа и демократическим традициям русской литературы. Напр.: «12 сентября. Записывать просто разговоры. Ключев. Новая драма (тишина, зеркала вод в лесу, мужичья поступь). Мечты о журнале с традициями добролюбовского «Современника». Две интеллигенции. Дряньность «западнических» кампаний («Весы», мистический анархизм и т. п.). Единственный манифест и строжайшая программа. Чтобы не пахло никакой порнографией, ни страдальческой, ни хамской. Распроститься с «Весами». Бойкот новой западной литературы. Революционный завет — презрение. <...> Написать доклад о единственном возможном преодолении одиночества — приобщение к народной душе и занятие общественной деятельностью. Только чувствуя себя гражданином, — и т. д.» (ЗК, 113—114). Этот план был реализован в ноябре 1908 г., когда Блок выступил с докладом «Россия и интеллигенция» («Народ и интеллигенция» — V, 318—328).

С тем же кругом идей связана запись 29 октября 1908 г. (проект выступления в Религиозно-философском обществе): «Нужно понять, что все обстоит необыкновенно, страшно неблагоприятно. И если цвет русской интеллигенции ничего не может поделать с этим мраком и неблагоприятием, как этот цвет интеллигенции мог, положим, в 60-х годах, бороться с мраком, — то интеллигенции пора вопрошать новых людей. И главное, что я хотел сказать, это то, что нам, интеллигентам, уже нужно торопиться, что, может быть, уже вопросов теории и быть не может, ибо сама практика насущна и страшна» (ЗК, 119. Ср. письмо к матери 26 октября 1908 г. — VIII, 256).

⟨30 ноября 1909. Петербург⟩

Любе — зайцу — поручения ²:

1. Сказать Мережковским ³, что я уехал.
2. Пойти к Ремизовым ⁴ и снести Ал⟨ексею⟩ Мих⟨айловичу⟩ книги.
3. Пойти к Ясинскому ⁵ (вт⟨орник⟩ и пятн⟨ипа⟩, 5—8) и взять у него Теофила, если он не хочет его печатать. А, мож⟨ет⟩ быть, и хочет ⁶.
4. Пойти к Ивановым ⁷.
5. Сообщить также тете ⁸.
6. Написать вообще маме.
7. Сидеть!

Дом здравия д-ра Добрского. Аллея роз, 10 ⁹.

¹ Дата установлена по содержанию.

² Блок срочно выехал в Варшаву, получив известие о том, что отец его — профессор Варшавского университета Александр Львович Блок — тяжело болен и что положение его безнадежно (см. «Письма к родным», стр. 290).

³ Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус.

⁴ Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) и жена его — Серафима Павловна (1880—1943).

⁵ Иероним Иеронимович Ясинский (1850—1931) — поэт и беллетрист, в эти годы редактировал журнал «Новое слово» (приложение к газете «Биржевые ведомости»), в котором сотрудничал Блок.

⁶ «Действо о Теофиле» — переведенный Блоком в 1907 г. миракль средневекового трувера Рютбефа. Сохранилось письмо Блока к И. И. Ясинскому (без даты), в котором он писал: «Позвольте предложить Вам прилагаемое действо о Теофиле...» (Рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). В «Новом слове» перевод Блока напечатан не был. Вскоре «Действо о Теофиле» было набрано для газеты «Слово», но и там не появилось. В ноябре 1911 г. Блок посылал газетный набор тому же И. И. Ясинскому для опубликования в сборнике «Стожары» (письмо Блока к Ясинскому от 5 ноября 1911 г. — там же), а в декабре 1912 г. затребовал у него текст «Действа» обратно (письмо от 6 декабря 1912 г. — там же). «Действо о Теофиле» было опубликовано впервые лишь в 1915 г., в сборнике «Стрелец».

В период работы над «Действом о Теофиле» Блок писал Брюсову 20 октября 1907 г.: «Пока посылаю Вам для «Голоса Москвы» только два своих стихотворения, из которых первое («Она пришла из дикой дали») прошу Вас передать для помещения в первом № приложений, а второе («Пожар») — в следующем, или как Вам заблагорассудится. Возможно, что до 1 ноября я не пришлю ни одной прозаической рукописи, потому что к 1-му должен перевести для старинного театра целый миракль XIV века в 600 стихов («Miracle de Theophile») (VIII, 216).

⁷ Семья Е. П. Иванова.

⁸ М. А. Бекетова.

⁹ Адрес лечебницы в Варшаве, куда был определен заболевший А. Л. Блок.

БЛОК

Фотография с дарственной надписью: «Всеволоду Мейерхольду Александр Блок»
 Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

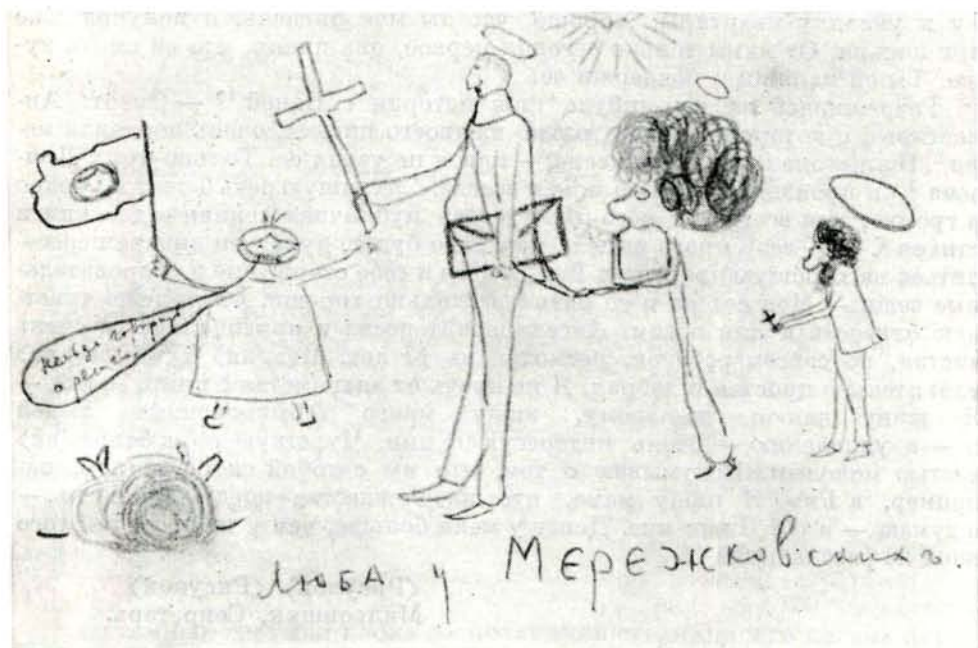
159

Варшава, 1 декабря <19>09

Люба, я застал отца уже покойным. Он умер в 5 час. дня. Ты, вероятно, получила телеграммы ¹. Он мне очень нравится, лицо спокойное, худое и бледное, и приподнятые плечи ². Ехать было страшно одиноко, все время тосковал и тоскую без тебя ³. Останусь здесь на несколько дней, на сколько — не знаю. Во-первых, — похороны только в пятницу. Во-вторых, — буду разбирать его квартиру и дела. Ты напиши мне. Я остановился в Венской гостинице (Маршалковская 102, против Венского вокзала). Комната № 58 (чисто, стоит 2 рубля, гостиница известная). Сейчас мы со Спекторским ⁴ исходили пол-Варшавы.

Впечатления буду рассказывать тебе потом. Устал, в конце концов. Теперь, во всяком случае, гораздо легче, чем было в поезде.

Главное, ты будь благополучна. Напиши. Господь с тобой.

«ЛЮБА У МЕРЕЖКОВСКИХ»

Шуточный рисунок Блока (Д. В. Filosofov, З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский встречаются Любовь Дмитриевну с крестами и нимбами над головами; она же несет на знамени изображение собственного лица и заявляет: «Нельзя говорить о религии!»)

Центральный архив литературы и искусства, Москва

¹ Л. Д. Блок писала Блоку 1 декабря в Варшаву: «...сегодня пришла телеграмма, что твой отец умирает».

² Ср. описание мертвого А. Л. Блока в III главе поэмы «Возмездие».

³ Ср. запись Блока в записной книжке под 30 ноября — 1 декабря 1909 г.: «Отец лежит в Долине роз и тяжело бредит, трудно дышит. А я — в длинном и жарком коридоре вагона, и искры освещают снег<...> Ничего не надо. Все, что я мог, у убогой жизни взял, взять больше у неба — не хватило сил. Заброшен я на Варшавскую дорогу так же, как в Петербург. Только ее со мной нет — чтобы по-детски скучать, качать головой, спать, шалить, смеяться<...> Подъезжаю к Варшаве. По обыкновению, томлюсь без Любы — не могу с ней расстаться» (ЗК, 161—162).

⁴ Евгений Васильевич Спекторский (1875—1951) — юрист, профессор Варшавского университета, ученик и биограф А. Л. Блока, автор книги «А. Л. Блок — государствовед и философ» (Варшава, 1911). А. А. Блок не раз встречался с Е. В. Спекторским в Петербурге, а в декабре 1909 г., — в Варшаве. Известно три письма Блока к Е. В. Спекторскому 1909—1911 гг. (см. «Радуга», 1960). Впоследствии, находясь в эмиграции, Спекторский опубликовал в Югославии, на сербском языке, статью «Поэт Блок и его отец» («Српски книжевни гласник». Нова серија, XXVIII, 1933, стр. 31—437).

Люба, ты моя милая, я ужасно скучаю по тебе. Постоянно хватает за сердце. Между тем, придется, вероятно, пробыть здесь еще не менее недели. Очень много дел и вещей. Большая часть времени уходит на разбор-

ку и укладку квартиры. Хорошо, что ты мне пишешь, я получил уже три письма. От мамы только сегодня первое, она пишет, что ей опять хуже. Ты ей напиши и поддержи ее.

Разрешилась ли чем-нибудь твоя история с Ваней¹? — Смерть Анненского, о которой я узнал только из твоего письма, очень поразила меня². На нем она не была написана, — или я не узнал ее. Только что у Дризена³ он произнес большую и, как всегда, блестящую речь о театре, бодро и громко, как всегда. У него была готова публичная лекция и две книги стихов⁴. — Я везу много вещей, нам надо будет, думаю, в январе переселиться на хорошую квартиру. Везу и тебе и себе старинные и очаровательные вещи. — Моя сестра и ее мать⁵ настолько хороши, что я даже чувствую близость к ним обеим. Ангелина интересна и оригинальна, и очень чистая, но совсем ребенок, несмотря на 17 лет. М<ария> Т<имофеевна> удивительно простая и добрая. Я не прочь от знакомства с ними. А ты? — Я живу как-то по-новому, вижу много «обыкновенных» людей и — к удивлению — очень интересуюсь ими. Чувствую себя больш<ей> частью молодым. Подумываю о том, что мы с тобой скоро поедем, например, в Рим. Я пишу маме, что на Рождестве поеду в Ревель, — я думаю — а ты? Пиши мне. Денег у меня больше, чем у тебя, но ты этого пока не рассказывай⁶.

⟨Рисунок⟩ ⟨Рисунок⟩
Миллионщик. Секретарь.

Зайди к Розановым⁷, если захочешь, с ними может быть уютно. Скажи Жене⁸, что я его целую.

¹ Ваня — Иван Дмитриевич Менделеев, брат Л. Д. Блок (см. о нем ниже — стр. 320). Вопрос Блока об «истории с Ваней» был вызван тем, что сообщила ему Любовь Дмитриевна в письме от 4 декабря 1909 г.: «... пришел Ваня, начал опять, хотя очень немного, поругивать, — «Тропинка» ему на этот раз попала под руку. Я ему и выпалила, очень глупо, что ненадо приходить, чтобы ругаться. Он ушел разозлившись, но очень сдержанно, и мне стало стыдно. Я написала ему письмо, где все изложила, и искренно и прямо, по-моему хорошо, я переписала письмо, чтобы показать тебе. Совсем не было в этом всем того, что ты ненавидишь — подразумевания тебя, ты увидишь». В одном из последующих писем (от 12 декабря) Любовь Дмитриевна дополнительно сообщила Блоку: «С Ваней я встретилась у мамы, сначала будто ничего, потом страшно накричал на меня за то, что кадеты требуют, чтобы в судах говорили на инородческих языках, очень обидно, я ушла от мамы тогда, а на другой день получила открытку с извинениями. Суть этого столкновения Л. Д. Блок с братом заключается в том, что И. Д. Менделеев придерживался ясно выраженных реакционно-националистических взглядов и с этой точки зрения, в частности, осуждал новейшую русскую литературу и тех писателей, которые составляли ближайшее окружение Блока. «Тропинка» — журнал для детей, издававшийся близкими Блоку людьми: П. С. Соловьевой (Allegro) и Н. И. Манашиной.

² Иннокентий Федорович Анненский (1855—1909) — поэт, литературный критик и филолог-классик, переводчик Эврипида и других античных авторов, пользовавшийся высоким уважением в литературной среде. Он внезапно скончался на улице от разрыва сердца 30 ноября 1909 г. Блок высоко ценил лирическое дарование И. Анненского (см. его рецензию 1906 г. на сборник стихов Анненского «Тихие песни» (V, 619) и письмо к Анненскому от 12 марта 1906 г. (VIII, 151).

³ Николай Васильевич Дризен, барон (1868—1935) — театральный деятель и историк русского театра, один из учредителей «Старинного театра», для которого Блок в 1907 г. перевел «Действо о Теофиле». В доме Дризена происходили еженедельные литературно-театральные собрания (по средам).

⁴ И. Ф. Анненский подготовил не две, а одну книгу стихов — «Кипарисовый ларец», которая вышла посмертно (М., изд-во «Гриф», 1910).

Подушка в том, что мы с тобой этого не-
дела, например, в Риме. Я пишу маме, что
не забуду поеду в Ревель, — а душно — ах?
Письмо от Денис у нас, Вильям, стим у тебя,
но мы этого все не размышляли.

ШУТОЧНЫЕ РИСУНКИ БЛОКА НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ЕГО ПИСЬМА К
Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК 9 ДЕКАБРЯ 1909 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

⁵ Вторая жена А. Л. Блока — Мария Тимофеевна Блок, урожденная Беляева (1876—1922), и их дочь — Ангелина Александровна (1892—1918), с которыми Блок встретился на похоровах отца. «Моя сестра и ее мать мне очень симпатичны, так что я даже сблизился с ними, — писал Блок матери в тот же день, 9 декабря. — Сестра интересная и оригинальная и чистая, у нас много общих черт (напр<имер> — «прония»), но в чем-то очень существенном — коренная разница, кажется, в том, что она — не мятежна; ее мать бесконечно добра, усталая и «безответная», но с характером... Мне было бы интересно не только продолжать знакомство с ними, но познакомить с ними и тебя и Любу» («Письма к родным», стр. 293). В дальнейшем Блок поддерживал близкие отношения с сестрой, хотя с трудом переносил ее реакционное — «гвардейское» и «православное» — семейное окружение. Он посвятил Ангелине Блок поэму «Возмездие» (во второй редакции 1911 г.), а впоследствии, в 1919 г., памяти ее — цикл стихов «Ямбы».

⁶ После смерти отца Блок получил довольно значительное наследство, которое позволило ему обеспечить себе независимую жизнь вплоть до 1917 г.

⁷ Семья В. В. Розанова (см. о нем примеч. 9 к письму № 38). Любовь Дмитриевна сообщила Блоку в письме от 6 декабря 1909 г.: «Вчера вдруг пришел Розанов днем, я так испугалась его любопытства, что не приняла его, уж не знаю, как это надо будет загладить».

⁸ Е. П. Иванову.

161

Телеграмма

11 декабря 1909. Варшава ¹

Здоров писал не тревожься С а ш а ².

¹ Дата телеграфного бланка.

² Ответ на телеграмму Л. Д. Блок от 10 декабря 1909 г.: «Не получаю писем здоров ли когда приедешь беспокоюсь Л ю б а».

162

<11 декабря 1909. Варшава>

11/24 Grudzień 1909

Моя милая, напиши, как ты за меня испугалась, когда послала телеграмму? Я ответил сегодня утром телеграммой. Неужели даже заказные письма теряются? Это — четвертое¹. Сегодня католический рождественский сочельник. Выяснилось, что выехать придется, вероятно, только еще через неделю, отчего я загрустил. Мне надоели Варшава и вещи, и я скучаю о тебе и о своем доме. Сейчас перешел в большую и более дорогую комнату (№ 47), в моей было невозможно спать от духоты. Пиши мне еще, твои письма меня ободряют. Когда приеду, телеграфирую.

Господь с тобой.

¹ Одно письмо Блока (посланное между 1 и 9 декабря), как видно, не дошло по назначению.

163

Телеграмма

15 декабря 1909. Варшава¹

Телеграфируй здорова ли беспокоюсь писем нет².

¹ Дата телеграфного бланка.

² Ответная телеграмма Л. Д. Блок от 15 декабря 1909 г.: «Здорова все благополучно пишу часто жду».

164

Телеграмма

16 декабря 1909. <Варшава>

Моя милая, я приеду в субботу утром, часов около 9-ти буду дома. Пришлю еще телеграмму.

165

Телеграмма

17 декабря 1909. Варшава¹

В субботу утром буду дома².

¹ Дата телеграфного бланка.

² Блок вернулся в Петербург в субботу 19 декабря.

21 августа <1910. Москва> ¹

Люба, я думаю приехать в Шахм<ато>во во вторник. Довольно скучно здесь. Трудно без тебя. Но полезно еще остаться, хотя делать здесь совершенно нечего. Все время о тебе сегодня думал. Господь с тобой. Не умею ничего написать.

21 VIII

¹ Блок, живя в августе 1910 г. в Шахматове, на несколько дней ездил в Москву (вернулся 24 августа). Л. Д. Блок в это время уехала по домашним делам в Петербург.

В Шахматове Блок получил письмо от А. Белого, первое после разрыва в 1908 г. Непосредственным поводом к нему явилась статья Блока «О современном состоянии русского символизма», прочитав которую Белый «почувствовал *долг*» написать, чтобы выразить «глубокое уважение за слова огромного мужества и благородной правды» и добавлял: «Во имя правды прошу у Тебя прощения» («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», 1940, стр. 233).

6 сентября 1910 г. Блок ответил Белому. Он, в частности, писал: «Твое письмо, пришедшее с прошлой почтой, глубоко дорого и важно для меня. Хочу и могу верить, что оно восстанавливает нашу связь, которая всегда была более чем личной (в сущности, ведь сверхличное главным образом и мешало личному). Нам не стоит заботиться о встречах и не нужно. Я, как и ты, скажу тебе, что у меня нет определенного желания встретиться. <...> Также мне хорошо то, что Ты просишь прощения у меня, — но я не принимаю этого. Или — принимаю лишь с тем, что и... Ты меня простишь за то, чего мы никогда не скажем (и не должны сказать) словами, но что я знаю, может быть, лучше Тебя. Есть какая-то великая отрада в том, что *есть*, за *что* прощать друг друга; потому что, действительно, то, что было, — *было*, это *НЕ* пустое место, это «бес всех нас попутал».

Еще мне очень дорого твое отношение к моей статье. Оно меня поддержит более, чем чье-либо мнение; когда я писал эту статью (и не одну эту), я внутренне, почти бессознательно справлялся у Тебя, отсутствующего: «Так ли? не так ли?» Да, по-братски. Ну так правда торжествует» (VIII, 314—315).

Телеграмма

26 <декабря> 1910. Ревель ¹

Писем нет телеграфируй С а ш а

¹ Блок ездил в Ревель к матери (пробыл в Ревеле с 24 по 30 декабря).

Александр Александрович Блока
 Я полюбил еще до встречи с ним.
 Когда расстанусь с ним, унесу
 с собой любовь к нему прочную
 навсегда. Люблю стихи его, люблю
 глаза его. А меня он не знает...

В. Мейерхольд

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Фотография с надписью: «Александра Александровича Блока я полюбил еще до встречи с ним. Когда расстанусь с ним, унесу с собой любовь к нему прочную навсегда. Люблю стихи его, люблю глаза его.

А меня он не знает... Вс. Мейерхольд»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

28 декабря 1910. Ревель

Поздравляю тебя, маленькая Люба¹. Подарков я тебе искал, но журналов нет. Все-таки я попробую завтра найти тебе что-нибудь небольшое. Не обижайся, что мало; вообще будь умной, здоровой и послушной. Два письма от тебя было, а сегодня опять нет. Я чувствую себя последние дни тоскливо. Приеду 31 утром.

Мама чувствует себя ничего. В Ревеле хорошо.
 Господь с тобой.

¹ Поздравление с днем рождения (29 декабря).

20 мая/2 июня 1911. Шахматов ¹

Люба, я о тебе все время думаю.

Когда я приехал в Шахматово, было серо, шел дождь; но тишина и свежесть. Первый день были неприятности с плотниками, но теперь пока наладилось. Главное построено — очень хорошо ². Еще до июня, по крайней мере, построим. Впрочем, об этом тебе не стоит писать.

Сегодня солнце и ветер. Много птиц и всяких тварей. Все свежо, кроме лип, дубов и роз — их съели мыши. Все звери и люди ведут себя добросовестно, кроме зайца, который пробил лбом забор в саду и обгрыз яблоноу.

Мне кажется, что я буду писать, — очень тихо. Единственно, что нет тебя. Если бы можно было не беспокоиться только, было бы совсем тихо.

Напиши мне умное письмо. Я еще не могу писать умного. Десны побаливают, я не ем мяса и мажу их. Сейчас пойду гулять. Господь с тобой.

С а ш а

Захожу к тебе в комнату. Грустно без тебя.

¹ 17 мая 1911 г. Блок уехал из Петербурга в Шахматово, а Любовь Дмитриевна — за границу.

Незадолго до отъезда Блок писал А. Белому, только что возвратившемуся из-за границы: «До ужаса знакомо то, что ты пишешь о первом впечатлении от России; у меня было подобное: моросящий дождь — и стражник трусит по намокшей пашне с винтовкой за плечами; и чувство, что все города России (и столица в том числе) — одна и та же станция «Режица» (жандарм, красная фуражка и баба, старающаяся перекричать ветер). — В этих глубоких и тревожных снах мы живем...» (VIII, 337). «Есть ли сейчас в России *хоть один человек*, — спрашивает Блок, — который здраво, честно, наяву и *по-божьи* (т. е. имея в себе в самых глубинах скрытое, но верное «ДА») сумел бы сказать *«НЕТ»* всему настоящему» (там же).

² Блок перестраивал дом в Шахматове.

23 мая/5 июня 1911. <Шахматово>

Люба, я еще не привык к Шахматову, все не хватает чего-то, и потому тяжело себя носить. Не хватает, очевидно, тебя. Весна прохладная, но сегодня под сад прилетел махаон — желтый с черным. Нарциссы крупные, луга еще не цветут. Я брожу пока без дела ¹. Вчера приезжали Кублицкие ²; вообще — тихо все, и постройка приближается к концу.

Я начал составлять III том³. Разбирал книги и письма. Пришло твое письмо и карточки из Вержболова. Напиши, когда и какие книжки тебе прислать.

24 мая

Сегодня едут за тетей⁴. Меня очень занимает новая собачка. Он ко мне привык и лижет руки. Сидит на цепи и жалуется детским голосом. Господь с тобой, Люба.

Напиши адрес.

С а ш а

¹ Одновременно Блок писал В. Я. Пясту: «Здесь, по обыкновению, сразу наступила полная оторванность от мира. Письма и газеты приходят два раза в неделю. Знаете что? Если бы вы могли приехать сюда на несколько дней? Много места, жить удобно, тишина и благоухание. Вам было бы интересно и нужно, я думаю, увидеть эту Россию: за 60 верст от Москвы, как за 1000: благоуханная глушь, и в земном раю — корявые, несчастные и забытые люди с допотопными понятиями. сами себя забывшие» (VIII, 337).

² Семья тетки Блока С. А. Кублицкой-Пиоттух (см. стр. 90 наст. тома), которая после того как Блок выкупил Шахматово (после получения наследства) приобрела себе в той же местности усадьбу Сафоново.

³ Третью книгу «Собрания стихотворений» — для издательства «Мусaget».

⁴ Тетя — М. А. Бекетова.

171

27 мая/10 июня 1911. <Шахматово>

Люба, я не могу отвечать на твои интересные письма¹ такими же из Шахматова. Мир, как всегда, удален, неизвестно, что делается в нем, а мы тихо живем с мамой и тетей. Мужики нищие и несчастные, большей частью холодный май, дни тянутся долго, пушистая собачка плачет на цепи, постройка тянется, но мало беспокоит. Все это ты знаешь. Я брожу, занимаюсь много дописываньем старых стихов, которые мне почти все надоели; хочу скорей развязаться со II и III книгой². Почти ничего еще не чувствую. Ем массу яиц и пью молоко.

Захожу каждый день в твою комнату.

Написал Пясту просьбу, чтобы он приехал³. А книги тебе надо? Что, кроме «Грозы» и «Гамлета»⁴?

Твои два письма о параде и о Гамлете — очень хорошие и умные⁵. Пиши еще такие, когда тебе будет время. Мне очень нужно получать такие известия. Мне захотелось в Берлин после твоего письма.

Господь с тобой, милая.

С а ш а

¹ Приводим выдержки из писем Л. Д. Блок с дороги и из Берлина: «Милый мой, еду по Литве, около Ковно<...> Литва похожа на наше, на Шахматовское, совсем. Поля и деревушки» (из Вержболова); «Три часа смотрела музей Фридриха. очень хорошо, внимательно и серьезно<...> После обеда до 6-ти смотрела египетский музей и гравюры. Потом отправилась гулять в Tiergarten, это загородный парк, где вместо Tier'ов — статуи Kaiser'ов»; «Театр Рейнгарт я теперь поняла и знаю. Он тоже зрительный — и это так, как нигде не бывало. Не декадентские плоскости, тупые стилизации, а весь зрительный мир на сцене; часто бесконечное небо занимает почти всю сцену до низу, иногда звездное, иногда серое. Затем несколько великолепных актеров — пока знаю Моисси, Бассермана, Эйзольд (это актриса). Но слабое место всего театра сверху до низу — полное игнорирование красоты слова» (из Берлина, 5 июня н. ст.); «Вот только можешь ли ты поверить, что я по-твоему смотрю и твое вижу в искусстве? Ты как-нибудь уж поверь этому; если в сравнении с твоим пониманием и твоим достиже-

НАЧАЛО ЗАПИСКИ БЛОКА
Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК
(1914):

«Звонила Петрова из студии Мейерхольда, костюмы из «Балаганчика» Мейерхольду надо, будет звонить вечером или из «Привала кавалерии» завтра утром, я сказал, что ты — пороховой завод...»

Автограф

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

Звонила
Петрова из
студии Мейерхольда,
костюмы из Балаганчика
Мейерхольду надо, будет
звонить вечером или
из Привала кавалерии
завтра утром, я
сказал что ты - поро-
хов. завод, Лаптева

нием мои порывчики кажутся тебе такими маленькими, будто их и нет, для меня-то они есть и большими кажутся, особенно теперь. Я уверена, что в ту же они точку. Я все время сама удивляюсь, как я все продолжаю развиваться и как быстро.. (из Берлина, 7 июня н. ст.).

² Вторая и третья книги «Собрания стихотворений».

³ См. письмо Блока к В. А. Пясту от 24 мая 1911 г. (VIII, 339—341).

⁴ «Гроза» — драма А. Н. Островского, «Гамлет» — трагедия Шекспира.

⁵ В письме от 1 июня н. ст. из Берлина Л. Д. Блок подробно описала военный парад с участием кайзера Вильгельма II, который она наблюдала в первый день приезда в Берлин. В другом письме, от 3 июня н. ст., она делилась впечатлениями от спектакля «Гамлет» в театре Макса Рейнгардта: «Ну, а театр мой не обманул. Гамлет был трагедией Шекспира, Гамлет — Гамлетом, да так, что и ты смотрел бы. Подробности тебе не интересны. Играл Бассерман, Моисси ничего теперь не играет. Бассерман, очевидно, образец Моисси, только он старше, и его «пафос» не так цветист что ли, так сказать, как у Моисси. Но подлинный, шекспировский, трагический. Зумурун — пантомима с музыкой; она трагичная, с комическими штуками, от которых трагизм еще больше. Постановка уверенно ведет к цели, все смелости не для себя, а для идеи. Опять подлинное, подлинное искусство».

172

30 мая/12 июня 1911. <Шахматово>
Духов день

Люба, вчера я был очень бодр и деятельно настроен, и понял очень много в своих отношениях ко многим. Прежде всего — к тебе.

Собирался писать тебе большое письмо, но сегодня уже не могу, опять наступила апатия. Уж очень здесь глухо, особенно в праздники некуда себя девать. И это подлое отсутствие даже почты, что теперь прямо тягостно, когда тебя нет.

Я хотел тебе писать о том, что все «единственное» в себе я уже отдал тебе и больше уже никому не могу отдать даже тогда, когда этого хотел временами. Это и определяет мою связь с тобой. Все, что во мне осталось для других, — это прежде всего ум и чувства дружбы (которая отличает-

ся от любви только тем, что она множественна и не теряет от этого); дальше уже только — демонические чувства или неопределенные влечения (все реже), или, наконец, низкие инстинкты.

Все это я мог вчера сказать еще определеннее, но я думаю, что ты и из этого поймешь то, что я хотел только точнее определить.

Накануне Троицы под вечер я зашел в нашу церковь¹, которую всю убирали березками, а пол усыпали травой.

Ты спрашиваешь все, нравятся ли мне твои письма. Да, почти целиком нравятся, иногда особенно. Мне интересно все, что ты думаешь, когда ты можешь это выразить в сколько-нибудь ясной форме. А в письмах — выражаешь.

Господь с тобой.

С а ш а

Я поставил около постели два твоих портрета: один — маленький и хитрый (лет — 17-ти), а другой — невестой.

Н. Н. Скворцова² прислала мне свой большой портрет. Вот девушка, с которой я был бы связан очень «единственно», если бы не отдал всего тебе. Это я также совершенно определенно понял только вчера.

Конечно, я знал это и прежде, но для всяких отношений, как для произведения искусства, нужен всегда «последний удар кисти».

Я чувствую себя все время на отлете.

Как ты думаешь, когда мне ехать, и встретиться ли нам именно в Quimper³, или в другом месте. После твоих писем мне захотелось также и в Берлин.

¹ Церковь в селе Тараканово (близ Шахматова), где в августе 1903 г. Блок венчался с Л. Д. Менделеевой.

² Наталия Николаевна Скворцова (1891—?) — одна из почитательниц Блока. В 1910 г. она писала Блоку анонимные письма, по его словам — «иронические» и «очень умные». Личное знакомство их произошло 27 февраля 1911 г. в Петербурге, куда Н. Н. Скворцова приехала специально, чтобы встретиться с Блоком. «Ей 20 лет, — писал Блок матери, — она очень живая, красивая (внешне и внутренне) и естественная. Во всем, до мелочей, даже в костюме — совершенно похожа на Гильду и говорит все, как должна говорить Гильда. Мы катались, гуляли в городе и за городом, сидели на вокзалах и в кафе. Сегодня она уехала в Москву» (VIII, 333—334). Гильда — героиня драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес». В дальнейшем между Блоком и Н. Н. Скворцовой завязалась оживленная переписка; из писем Блока к Скворцовой сохранилась малая часть (см. VII, 90—92; VIII, 377). В последний раз Блок и Н. Н. Скворцова встретились в Москве в мае 1920 г.; последнее письмо Блока к Скворцовой (не отправленное) относится к январю 1921 г. (не опубликовано; собрание В. Н. Орлова).

³ Кемпер — город во Франции (в Бретани), где Блок условился встретиться с Любовью Дмитриевной.

Люба, с прошлой почтой пришли от тебя письма — из Парижа и из Берлина — с карточками. Получила ли ты мое *poste restante* * — в Париж? Напиши, когда мне ехать. Все бы хорошо, если бы ты была здесь.

Здесь теплеет и пышнеет. Сегодня была сильная гроза. Я бродил по лесам, вымок до пояса и нашел новую породу грушевки.

Сегодня отпустили плотников. Завтра покончат все остальные. Дом вышел красивый и удобный. Мы с мамой на днях ездили в тележке: в Бо-

* До востребования (франц.).

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК

Фотография, 1905—1906 (?)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

рис-Глеб через Бородино, а возвратились через Соглево и Дубровки ¹. Я все смотрел на Бобловский дом с разных мест.

Появились тучи ласточек. Два раза влетали в мое окно. Им особенно хочется слепить гнездо над нашими окнами. Лепят, но я боюсь, что краска скользкая, как бы гнездо не упало ². — Много майских жуков. Соловьи учатся.

Боря написал длинное письмо из Луцка о Мусагетских делах — с настоятельным приглашением приехать к ним (и от Аси). Они живут у Асиной матери. Мне это трудно теперь, я не поеду ³.

Корректуры «Ночных часов» ⁴ нет, как нет.

Мне предстоит еще видеть много интересного до встречи с тобой, но выходит как-то, что я еду за границу к тебе, это последняя цель, а все, что перед этим, только станции. Мне даже досадно, что это так.

Я хочу все-таки ехать так: Стокгольм, (озера?), Копенгаген — Эльсинор, (Берлин?), Антверпен и проч., Брюссель и проч., Париж (надо ли Руан и проч.?) — и Бретань.

Вечер удивительный.

Господь с тобой.

С а ш а

¹ Окрестности Шахматова.

² В воспоминаниях Л. Д. Менделеевой-Блок читаем: «Трепетная нежность наших отношений никак не укладывалась в обыденные, человеческие: брат — сестра, отец — дочь... Нет! ... Больше, нежнее, невозможней... И у нас сразу же, с первого года нашей общей жизни, началась какая-то игра, мы для наших чувств нашли «маски», окружили себя выдуманскими, но совсем живыми для нас, существами, наш язык стал совсем условный. Как, что — «конкретно» сказать совсем невозможно, это совершенно невоспринимаемо для третьего человека; как отдаленное отражение этого мира в стихах — и все твари лесные, и все детское, и крабы и осел в «Соловьином саду». И потому, что бы ни случилось с нами, как бы ни терзала жизнь, — у нас всегда был выход в этот мир, где мы были неизбежно неразлучны, верны и чисты. В нем нам всегда было легко и надежно, если мы даже и плакали порой о земных наших бедах.

Когда Саша заболел, он не смог больше уходить туда. Еще в середине мая он нарисовал карикатуру на себя — оттуда; это было последнее. Болезнь отняла у него и этот отдых. Только за неделю до смерти, очнувшись от забытья, он спросил вдруг на нашем языке, отчего я вся в слезах, — последняя нежность».

³ *Боря* — Андрей Белый (Б. Н. Бугаев), незадолго перед тем женившийся на художнице Анне Алексеевне Тургеневой (*Ася*). Летом 1911 г. он гостил у матери жены — С. Н. Кампиони, на Волыни, возле Луцка, в поместье Боголюбы. Письмо А. Белого к Блоку от конца мая 1911 г. с приглашением приехать в Боголюбы и с просьбой принять близкое участие в делах издательства «Мусaget» — см. в книге: «Ал. Блок и А. Белый. Переписка». М., 1940, стр. 257—258.

В ответном письме 6 июня 1911 г. Блок анализирует причины своих сложных личных и идейных взаимоотношений с Белым и дает ныне широко известную характеристику собственного творческого пути: «...Единственно, что мне необходимо ответить Тебе, как самому проникновенному критику моих писаний, — это то, что таков мой путь, что теперь, когда он пройден, я твердо уверен, что это должное и что все стихи вместе — «трилогия вочеловечения» (от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес — к отчаянью, проклятиям, «возмездью» и ... к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру. <...> Потому отныне *Я не лирик*» (VIII, 344).

⁴ «*Ночные часы*» — четвертый сборник стихотворений Блока, готовившийся к изданию в изд-ве «Мусaget» (вышел в свет в октябре 1911 г.).

174

7/20 июня 1911. <Шахматово>

Люба, ничего не могу написать тебе нового; только скучно без тебя. Очень редки даже письма. Последнее письмо, от 10 июня — было одно, вместо двух, как бывало из Берлина, и неприятное. Во-первых — все о Ремизовых и о Чулкове; а мне тяжело, что ты с ними встретишься; и вообще тяжело, когда ты с кем-нибудь видишься далеко от меня¹. Потом, что-то дамско-парижское показалось мне в нем, даже безграмотное слово — «безусловно»². Или — мне показалось только? Я чувствую нелепость в том, что я сижу на месте, а ты путешествуешь где-то одна. Наоборот было бы еще естественнее.

Находишь ли ты себя? Не плохо ли влияет на тебя Париж? Неужели ты еще с кем-нибудь видишься?

Дни мои тянутся без конца. Я продержал корректуру «Ночных ча-

Маленькая Буся.
Я ушел к Вяч(еславу) Ив(анову) говорить об ответе Мережковскому.
Мережковскому.

ЗАПISКА БЛОКА Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК (1910):

«Маленькая Буся. Я ушел к Вяч(еславу) Ив(анову) говорить об ответе Мережковскому»

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

сов», скоро составлю второй и третий том ³ и уеду в Москву на несколько дней.

Ты не получила в Берлине одного моего письма — единственного интересного, которого я не хочу еще повторять ⁴. Другое мне вернули обратно — пересылаю тебе его, все-таки.

Пиши мне, пиши, милая, господь с тобой.

А. Б.

Когда мне ехать? — Сегодня я опять катался в тележке.

¹ В письме из Парижа от 10 июня (н. ст.) 1911 г. Л. Д. Блок сообщала о встрече с А. М. и С. П. Ремизовыми, жившими тогда в Париже по соседству с Г. И. Чулковым. Л. Д. Блок избегала встречи с Г. И. Чулковым, с которым в свое время ее связывали романтические отношения.

² Имеется в виду надпись, которую Л. Д. Блок сделала на изображении парижского отеля, где она жила. «Это преувеличенное раз в десять зрелище, отельчик мой маленький, но безусловно порядочный и приятный».

³ Вторую и третью книги «Собрания стихотворений».

⁴ Имеется в виду письмо от 30 мая 1911 г. (№ 172). Любовь Дмитриевна получила это письмо позже, о чем сообщила Блоку 20 июня 1911 г.: «Когда прочла, даже ослабела совсем — так ждала, так рада и так хорошо, что ты пишешь. Да, я понимаю, что ты пишешь об единственном».

Люба, сегодня я очень устал: ездил через Аладыно и Ивановское в Михалево и вернулся домой мимо Боблова ¹. Все думаю о тебе. Очень скучно без тебя; кроме беспокойства, — всегда пустое место в жизни. Ты не получаешь моих писем; я получаю их — их возвращают из Германии. Но главного ² все еще не вернули.

Прошное письмо к тебе я написал в очень нервном состоянии. На след(ующий) день пришли опять два письма от тебя — одно хорошее — о Версале, и без Ремизова и Чулкова³. Напиши мне, когда оставишь магазины в покое. Пойми, наконец, простейшую вещь: что все современное производство вещей есть пошлость и не стоит ломаного гроша, а потому покупать можно только книги и предметы первой необходимости.

Я читаю гениальную Историю франц(узской) Революции Карлейля⁴. Мож(ет) быть, ты и этого письма не получишь, потому что уедешь в Бретань? — Пишу кое-как. Я хочу ехать отсюда в 20-х числах в Петерб(ург). Не могу решить, ехать ли прямо к тебе или проехать все предположенные страны. Скучно без тебя, милая.

Господь с тобой.

А. Б.

Не знаю, поеду ли в Москву.

¹ Окрестности Шахматова.

² Имеется в виду письмо от 30 мая 1911 г. (№ 172).

³ В письме от 16 июня (н. ст.) 1911 г. Л. Д. Блок подробно излагала свои впечатления о Версале: «Вчера я была в Версале. Это действительно Версаль, какой только может быть. Во дворце теперь национальный музей — «A toutes les gloires de la France» *, очень много военного прославляется; да и есть что, как вспомнишь все это по картинкам. Наш Gaston de Foix из Равенны умирает на громадной картине **; Наполеона много. В Версале — несколько зал с портретами деятелей революции (очень интересно, а меня уж очень задевает). Цел, недалеко от дворца, «Jeu de Paume» ***, где клялись états généraux ****. Все цело, как было, на одной стене картина известная этой клятвы и бюсты их главных, тут я проливала слезы. Целы в Трианоне комнаты, где жила и спала Мария Антуанета, тут же ее бюст разбитый в революцию и склеенный. Целы неприкосновенно комнаты Наполеона, т. е. не неприкосновенно, в том-то и штука тут, что дух улетел, его французы нигде не удержали, остроты-то музея Фридриха нигде нет. Но парки невыносимо хороши, уж мы с тобой вместе непременно должны там побывать. В Трианоне есть большущий парк в простом стиле, как мог бы быть в имении в России, и сено сушится, и на нем сидят. Но главное — цветники, бесконечные, пышные, миллионы роз вокруг бассейнов, уж я ходила по ним, ходила. Есть в Версале роща Аполлона, настоящая. Входишь из таких розовых садов за железную решетку под деревья, и становится непроницаемо тенисто, дорожки вьются и все кусты зеленые до земли, и еще гирлянды плюща по земле, так что сплошная крупная темная и блестящая листва. Потом просвет на лужайку, за ней скала желтоватая и развалины таких же колонн, тоже поросли зеленью, а посередине — в гроте — Аполлон и музы иррациональные, группой, внизу вода».

⁴ Блок читал «Историю французской революции» Т. Карлейля в русском издании 1907 г. Экземпляр этого издания из библиотеки Блока испещрен его многочисленными пометами. В эти же дни (6 июня 1911 г.) Блок писал В. А. Пясту: «Зная по себе увлекательность Амфитеатрова (т. е. ему подобных), дружески советую не злоупотреблять им. Такие вещи не всегда проходят безнаказанно; можно совершенно незаметным образом испортить (на время, но не всегда краткое) часть души. Это касается, разумеется тех душ, на которых господь «издал эфирно-легкими перстами». Такую душу, между прочим, необходимо иметь не только поэту, но и историку и социологу. Знаете чудесную замену Амфитеатровых и К^о? Это не менее легко, не менее увлекательно и вместе с тем невыразимо очищает душу: «История французской революции» Карлейля» (VIII, 347).

* Вся слава Франции (франц.).

** Картина, изображающая смерть французского полководца Гастона де Фуа, герцога Немурского (1488—1512), убитого под Равенной.

*** Зал для игры в мяч (франц.). Здесь в 1789 г. собрались депутаты третьего сословия.

**** Генеральные штаты (франц.).

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК С ШАРОМ

Рисунок Блока

Центральный архив литературы и искусства, Москва

13/26 июня 1911 г. <Шахматово>¹

Люба, что за странность, что ты не получаешь моих писем? Я посылаю это заказным, хотя едва ли ты его получишь: вероятно, дошло хоть одно, и ты едешь в Бретань.

Я еду около 25-го в Петербург, хотя не получил от тебя ответа на свои вопросы. Завтра еду в Москву на несколько дней. Жара страшная. Везу Кожебаткину² рукописи второй и третьей книги. Приблизительно с нашего 23 числа (т. е. с 6 июля) пиши мне в Петербург, — и до 1 июля (13-го).

Твои письма доходят. Прошлой большое письмо опять меня встревожило; но, так как я не надеюсь, что это письмо дойдет, не пишу как (отдельные места, Ремизов, Чулков и пр. — не заграничное)³. Беспокоюсь о тебе постоянно. Происходит совершенно неестественная и нелепая вещь: ты едешь и смотришь, не имея времени углубиться и найти себя; я сижу на месте и питаюсь мыслями, находя и тебя и себя и то, что нас обоих кроет и соединяет.

Уезжай на океан, купайся, смотри на воду и думай. Мне временами невыносимо тяжело, что ты с Ремизовыми, а особенно, — что тебя видел Чулков, и что ты, вероятно, слушала его двусмысленности. Когда я думаю о тебе особенно хорошо и постоянно, как *теперь*, мне особенно больно видеть тень легкомыслия в тебе.

В сущности, я пишу тебе так нервно, потому что уже потерял терпение от нелепости положения (что ты едешь, а я сижу). Кроме того, проклятые письма мои не доходят, и ты теряешь связь со мной. Господь с тобой.

А. Б.

Сегодня я составлял книги⁴ у тебя в комнате. Все будет кончаться «Равенной»⁵. Пробовал написать заключительные «Шаги Командора», но бросил⁶; все равно, выйдет не первого сорта, лучше «Равенны» не написать.

Да, мне очень не хочется, чтобы ты была без меня в чужих больших городах, особенно с русскими знакомыми. И знаешь что: твои письма из Берлина

были для меня чем-то необыкновенно нежным и ласкающим, а из Парижа — сплошная тревога. Я люблю Париж за революцию и за многое. Но *тебя* в *Париже* я не люблю. Ты теряешь в душевном весе, становишься средним человеком, какая-то суета нападает на тебя. Уезжай поскорее, милая ⁷.

¹ Это письмо было послано лишь 17 июня (см. следующее письмо).

² Александр Мелентьевич *Кожебаткин* (1884—1942)—секретарь издательства «Мусaget», где выходили книги Блока — сборник стихотворений «Ночные часы» и «Собрание стихотворений» в трех книгах.

³ Имеется в виду письмо Л. Д. Блок от 18 июня (н. ст.) 1911 г., в котором она сообщила о посещении музея «Capavalet» («где целые комнаты воспоминаний о революции и Наполеоне, — очень потрясает») и Люксембургского музея, о католическом богослужении и религиозной процессии, о посещении зоологического сада, а также о визите к Ремизовым, где Любовь Дмитриевна встретила с Г. И. Чулковым. Об этой встрече Любовь Дмитриевна написала Блоку следующее: «Он поехал о моем приезде, что не узнал меня, что я похудела, и я, по-видимому, ему изволила понравиться, что было мне приятно в смысле того, что я сама знаю, что я теперь гораздо лучше на вид, и неприятно, что это Чулков. Я краснела до ушей, но скоро он стал уходить, его никто не удержал».

⁴ Т. е. сборник «Ночные часы» и третью книгу «Собрания стихотворений».

⁵ «Равенна» — стихотворение Блока (из цикла «Итальянские стихи»), которым заканчивается сборник «Ночные часы».

⁶ Стихотворение «Шаги Командора», впервые набросанное осенью 1910 г., было дописано лишь 16 февраля 1912 г.

⁷ В ответ на упреки Блока Любовь Дмитриевна писала ему 24 июня (н. ст.) 1911 г., «... ты прав, и защищаться мне нечего, конечно, я хуже в Париже, чем в Берлине, единственное, что могу сказать себе в утешение, что продержаться на такой настоящей высоте, как я была в Берлине, и всякому трудно, а мне так очень непривычно. Не знаю, как было бы, если бы Париж был первый в моем путешествии, а так — это правда, высокого я унесу из него только немногие минуты, а то эти две недели разменяла на мелочи. И хочу очень уехать скорей опять к высокому, к одиночеству, и так встретить тебя».

177

17/30 июня 1911. <Шахматово>

Люба, посылаю тебе и прошлое непосланное письмо ¹, хотя получил от тебя много нового ². Ты уже в Бретани теперь; я надеюсь, что тебе перешлют это из Парижа.

Вчера я вернулся из Москвы, где пробыл только два дня. Был в двух хороших местах: на Воробьевых горах и на концерте в Сокольниках (Бетховен). Но в Москве так жарко, что я не выдержал больше двух дней. И сегодня жарко, я чувствую себя вяло. Судя по твоим письмам, ты получила мое главное письмо в Берлин; но там сказано очень коротко, да я и не хотел говорить длинно ³. Я думаю, ты и так понимаешь.

Пришли и химеры, и Notre Dame ⁴. Ты думаешь жить и купаться на острове? Я боюсь, что это неудобно. Мне бы хотелось жить во время этого купанья (если купаться даже в Бретани, чего я еще не знаю) как-нибудь с удобством, вроде курортного. Не могу еще решить, как ехать и где купаться, посоветуюсь с доктором в Петербурге. — Бедный Алексей Михайлович ⁵; напиши, если будешь им писать, что я его целую. А тебе кланяются Ангелина ⁶ и еще кто-то (просили в письмах).

Я пишу так вяло от жары. В твоих последних письмах много успокоительного и хорошего. Значит, я был прав относительно Парижа для те-

бя? — Нам нужно когда-нибудь пожить в Париже вместе и найти под хламом современности — древний, святой и революционный город. Я уверен, что это возможно.

Господь с тобой.

С а ш а

P. S. Я хочу ехать отсюда 27—30 (10—13 июля) в П(етер)б(ург), а оттуда — через неделю — не больше.

Я в Москве никого не видал.

¹ От 13 июня.

² В письме от 25 июня (н. ст.) 1911 г. Л. Д. Блок писала, между прочим: «Сегодня я видела могилу Наполеона, я не буду ее тебе описывать, ты должен ее увидеть и обязан написать про нее стихи, потому что только так и только ты, я думаю, можешь о ней сказать; одно слово — могила героя». Там же — резко отрицательная оценка модернистской французской живописи: «Ну и уровень, я тебе скажу! Совсем даже и забыли, что есть искусство, не только что не пытаются его воплотить. «Много красивой живописи», как пишут в газетах, но ни воспоминания о прекрасном. Тут нет последних модернистов, но я видела маленькую выставку этого самого Ван-Донжана: орет во все горло, а толку никакого».

³ Имеется в виду письмо от 30 мая 1911 г. (№ 172).

⁴ Любовь Дмитриевна прислала Блоку серию почтовых открыток с изображениями знаменитых химер Собора Парижской богородицы.

⁵ А. М. Ремизов, который в это время страдал от мучительной боли в руке (воспаление надкостницы).

⁶ Сестра Блока — Ангелина Александровна.

178

21 июня/4 июля 1911. <Шахматово>

Люба, с прошлой почтой пришло письмо о том, что ты уезжаешь в Раимпол (не знаю, где это) ¹. Я поеду через неделю отсюда. Чувствую себя почти больным от жары и жду только дождя. Не пишу тебе ничего поэтому и еще потому, что письмо может не дойти до тебя. Господь с тобой, милая.

С а ш а

К вечеру прошла гроза, легче дышать. Раимпол'а нет ни в указателях, ни на карте — где это?

Ты, может быть, спутала? — У меня есть хороший путеводитель Мейера (Париж и Сев(ерная) Франция) и русский. Изучаю Париж и уже хорошо знаю его по путеводителям и по ист(ории) Франц(узской) революции. Простой город.

¹ Раимпол — приморское местечко во Франции, на берегу Ламанша.

179

30 июня/13 июля 1911. СПб.

Люба, сейчас я приехал из Шахматова, разобрал вещи, пил чай. Нашел твои четыре письма (последнее от 7 июля). Прости, что я писал тебе злые письма, но в Шахматове всегда обо всем беспокоюсь больше, чем где бы то ни было. Очевидно, тишина и глушь возбуждают беспокойство. Я еще не прочел хорошенько твоих писем, видел только, что в одном из них ты пишешь о кнутике ¹.

Мне много дела, и я, пожалуй, не успею уехать отсюда раньше 7-го (20-го). Решил в одну из ночей в Шахматове, что поеду *прямо* к тебе (через Берлин и Париж); остановки при этом возможны, но короткие, м. б., только для перерыва почти четырехсуточной езды (твои Бедекеры лежат на столе, но мне их мало нужно). Потому — *не буду* телеграфировать тебе (ты получишь это письмо дня через четыре), не знаю точно дня отъезда и еще не купил *Livre de caisse* *.

Здесь мне нужно: Иванов, Пяст², *нервный* доктор (мама посылает, я согласен, у меня страшно расстроены нервы), который и посоветует, где купаться, аккредитив, паспорт и т. д.

Куда ехать, мы обсудим вместе, я хочу ездить и жить с тобой. И говорить будем. Не беспокойся обо мне, я тебя люблю. Господь с тобой.

А. Б.

Очевидно, приеду, действительно, незадолго до сдачи комнат; я и не хочу глуши, только хорошее чувство, что едешь на другой конец Европы — к маяку. Потом мы уедем, м. б., прямо в Quimper³? А оттуда — купаться в удобное место, где доктор. А, м. б., и нет, все будет видно.

В Шахм(атове) провел день Сережа⁴ — было очень хорошо.

¹ В одном из писем (6 июля) Л. Д. Блок писала: «Милый Лалачка, не посылай мне больше злых писем, они меня мучат невыносимо своей жестокостью; когда ты приедешь, я тебе их покажу, и ты сам увидишь, что они очень несправедливы и что так писать нельзя, когда находишься за 5 дней езды. Я *знаю*, что тебе диктует их *мое* нервное состояние, а не отношение ко мне, но это не помогает, и слова бьют прямо в сердце. Я об этом всем буду с тобой говорить, когда приедешь; тогда же стоворимся, как нам быть дальше... За время, когда я пишу это письмо, говорю с тобой, каким я тебя знаю, прошла боль от письма, в котором сказано, что ты не любишь меня, что я средний человек и потеряла душевный вес; подумай сам, зачем это писать за тысячи верст? После этого успокоительное и доброе письмо — совсем не то, что оно само по себе. Мой Лала, надо очень много силы, всякой, ты уж поверь, чтобы через три часа (я его получила три часа приблизительно назад) быть уже спокойной, видеть тебя, милого и любимого моего Лалаку, а не какого-то с кнутиком».

² О посещении Е. П. Иванова и В. А. Пяста Блок сообщил матери 5 июня: «Вчера был у Пяста в Парголово, а третьего дня — в Царском (у Иванова). То и другое было совершенно разное и очень хорошо» (VIII, 350).

³ См. примеч. 3 к письму № 172.

⁴ Сергей Михайлович Соловьев (см. о нем выше — стр. 90). В 1907 г. Блок, в связи с литературными разногласиями, прервал отношения с С. М. Соловьевым. Заочно примирились они осенью 1910 г., а встретились впервые после размолвки — в апреле 1911 г., в Петербурге. О своей поездке в Шахматове в июне 1911 г. С. М. Соловьев рассказал в воспоминаниях о Блоке («Письма Александра Блока». Л., 1925, стр. 35—37).

180

2/15 июля 1911. <Петербург>
(суббота)

Люба, в Петербурге печально. Слава богу, я уезжаю к тебе во *вторник* (5/18) в 11 час. 15 мин. вечера. Взял билет прямо до Парижа. Не жди меня в определенный день, я может быть остановлюсь где-нибудь по дороге.

Аничков¹ рекомендовал мне нервного доктора, у которого я буду в понедельник. Все это скучно и не в том дело. Здесь такая летняя глушь и

* Сберегательная (чековая) книжка (*франц.*).

ЗАПИСКА БЛОКА Л. Д. МЕНДЕ-
ЛЕЕВОЙ-БЛОК

Автограф

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

Будь, я очень
разговорчива и
много читаю.
Нужно поехать
на запад и на море,
купать Боду меду.

тоска, что может иногда показаться, что весь мир такой ²; но я уже чувствую, что поеду к маяку ³.

Господь с тобой, милая.

А. Б.

¹ О Е. В. Аничкове см. примеч. 6 к письму № 121.

² На другой день, 3 июля, Блок писал В. А. Пясту: «Дело в том, что Петербург — глухая провинция, а глухая провинция — «страшный мир» (VIII, 350).

³ Л. Д. Блок долго искала место, где бы поселиться для отдыха и куда должен был приехать к ней Блок. С этой целью она ездила по Бретани, посетила ряд приморских деревень и близлежащих островов. Блок хотел, чтобы место было тихое, «не нарядное» и «не элегантно». В конце концов Л. Д. остановилась на деревушке Аберврак (L'Aberwrach), расположенной на берегу Атлантического океана. Блок 5 июля выехал из Петербурга и через Берлин, Кельн, Париж и Брест 9 (22 по н. ст.) июля приехал в Аберврак, где ему очень понравилось. Поскольку пейзаж Аберврака привлек Блока, а в дальнейшем отразился в драме «Роза и Крест», приводим выдержки из писем Л. Д. Блок, непосредственно касающиеся этого местечка.

«...я остановилась на несколько дней в маленькой деревушке L'Aberwrach. Погода ужасная, туман и дождь — ничего не видно, но гостиница наша тоже в старой церкви, как в Венеции. Большая комната у меня с камином и есть другая для тебя, такая же, со скамеечками в стене у окна. Вид на море, через старую стену и калитку. Так — хорошо, боюсь, что плоско только здесь и мало моря<...> Отсюда мы бы с тобой поехали по разным местечкам и где понравилось — там бы купались» (от 22 июня н. ст.).

«Милый мой, мне здесь очень хорошо. Море есть и оно говорит, здесь я его вижу и слышу. Надо подняться за нашу гостиницу на холм, тогда открывается полгоризонта моря, сначала скалы и островки, потом открытое море. Проходят на горизонте большие корабли — надо бы бинокль или трубу: не видно их, только дым и под ним что-то маленькое. Но направо от нас на Ile Vierge один из самых больших маяков во Франции, его видно хорошо<...>это тот самый, который светит на 75 километров<...>За одно я спо-

койна — это отель, в нем хорошо. На дворе стоит св. Марк из церкви с отломанной головой и львом ужасно смешным; перед окнами большая смоковница, есть фруктовый сад и огород<...> Гуляя по берегу, я уже видела кого-то небольшого, кто бежит бочком, но их мало. Сейчас отлив, здесь очень большой, я его не люблю — все пустеет и некрасиво. А в приливе скажут белые волны по камням» (от 1 июля н. ст.).

«Милый, с каждым днем ценю больше найденный мною L'Aberwagach<...> Гостиница, оказывается, в бывшем маленьком францисканском монастыре, разоренном в Революцию. Церковь стоит без крыши — в нее прячут обломки лодок и кораблей. Св. Марка обезглавили тоже в Революцию, его нашли в саду, а голову еще не нашли. Монастырь был основан в 1603 г.; наверно, балки и полы — того времени — вот ты увидишь<...> Сегодня я ходила за 5 километров уж к самому подлинному океану. Во время отлива обнажаются камни и дно, и по ним можно дойти, как по дороге, до самых последних скал, и у самых ног будут разбиваться волны, а перед глазами только синий, синий океан. На горизонте (всегда только на горизонте) корабли, сегодня видела парусный, трехмачтовый — можно было разглядеть. Поближе — рыбацьи лодки<...> Маяк горит не все время, а вспыхивает — ужасно ярко светит, как звезды» (от 2 июля н. ст.).

181¹

<23 августа (5 сентября н. ст.) 1911. Антверпен>²

Люба, rapide оказался действительно rapid'ом³. Я сижу в ресторане и собираюсь обедать, остановившись вот в *этом* поганом домище (под названием H<otel> Metropole)⁴.

Антверпен, кажется, гадок.

Днем бывает так же жарко. Попробую завтра посмотреть что-нибудь. Вечер немного прохладней парижского.

Господь с тобой. Люблю тебя.

С а ш а

¹ Письмо на трех открытках с видами Антверпена. Адресовано в Париж.

² Дата почтового штемпеля. После пребывания в Абервраке Блок с Любовью Дмитриевной посетили Кэмпер и Париж.

Из Кэмпера Блок писал матери 20 августа: «Жизнь — страшное чудовище, счастлив человек, который может, наконец, спокойно протянуться в могиле», так я слышу голос Европы, и никакая работа и никакое веселье не может заглушить его. Здесь ясна вся чудовищная бессмыслица, до которой дошла цивилизация, ее подчеркивают напряженные лица и богатых и бедных, шныряние автомобилей, лишенное всякого внутреннего смысла, и пресса — продажная, талантливая, свободная и голосистая.

Сегодня английские стачки кончаются (по-видимому), но вчера бастовало до 250 000 рабочих. Это — «всемирный рекорд», говорят парижские газеты и выражают удивление, что стачка достигла таких размеров в *самой демократической стране*! При этом одна Франция теряла до миллиона франков в день. Англия — нечего и говорить, потому что 60% английской промышленности сосредоточено в наиболее пострадавшем Ливерпуле. На сотнях *больших* пароходов сгнили фрукты, рыба и прочее. Не было хлеба, не было света. Все это сопровождалось бесконечными анекдотами, начиная с того, что лорды (у которых только что отнято их знаменитое veto) уверяли в парламенте, что *все благополучно*, — и кончая обществом эсперантистов, которые уныло сидели на чемоданах на лондонском вокзале и тшкетно ждали поезда, мечтая о соединении всех народов при помощи эсперанто. Но они мечтали об этом в «самой демократической стране», где рабочие доведены до истощения *двенадцатичасовым* рабочим днем (в доках) и низкой платой и где все силы идут на держание в кулаке колоний и на постройку «супер-дреднаутов». Именно *все* силы — в последние годы, когда Европе НЕКОГДА тратить силы ни на что другое, до того заселены все углы и до того прошли времена романтизма.

БЛОК

Фотография, 1907

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

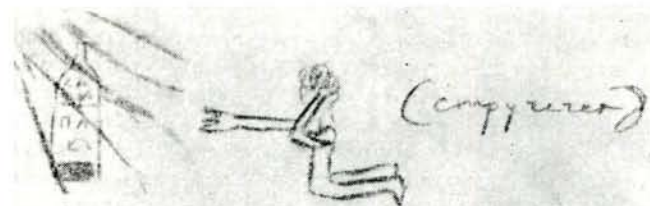
В Германии и Франции — нисколько не лучше. Вильгельм ищет войны и, по-видимому, будет воевать. <...> Газеты уже исчисляют флоты, военные гавани в Ламанше мобилизуются. Французы поминают лихом Наполеона III и собираются «mourir pour la patrie». Все это вместе напоминает оглушительную и усталую ярмарку, на которую я сейчас смотрю» (VIII, 365—366).

В Париже Блок намерен разыскать на задворках Notre Dame островок, где жили Бодлер и Теофиль Готье: «Теперь там в старом доме — польская библиотека и при ней — маленький музей Мицкевича (который читал в Париже лекции в 40-х годах). Иначе говоря, на этом островке, мало обитаемом и тихом, хотя и в центре Парижа, как бы поставлен знак; это — один из ферментов будущего — волшебное зеркало, в котором можно видеть духов Байрона, Мицкевича, революции французской и славянской, и т. д. и т. д.» (VIII, 367).

5 сентября (н. ст.) Блок уехал из Парижа в Брюссель, а Любовь Дмитриевна через неделю — прямо в Петербург.

³ Курьерский поезд. Rapide — по-французски: стремительный.

⁴ На первой открытке — изображение отеля «Метрополь».

Хорошего вкуса опять не было!...
 Этот вкус продается в магазине
 Латипака, ~~и в других магазинах~~ Коринтеванту
 окраску, приятен на вкус, незаметен
 для любителей хлеба, которые
 привыкли считать его с хорошим
 русским вкусом Домашнего изго-
 вления, и доступен по цене даже
 самым небогатым. Единственный истин-
 ный недостаток в том, что передо-
 мной стоит козлы без этого хоро-
 шего вкуса, сокращающего мою трудовую
 жизнь, изурна мой, и без того слабый

ШУТОЧНАЯ ЗАПИСКА БЛОКА Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК С ЕГО РИСУНКАМИ

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

182

⟨24 августа (6 сентября н. ст.) 1911. Антверпен⟩
 6. September. 1911. Anvers

Люба, я ошибся относительно Антверпена, он очарователен. Несмотря на жару (меньше парижской), я сегодня с раннего утра исходил почти весь город и музеи. Накупил фотографий и карточек. Здесь удивительная Шельда с кораблями, доками, кранами и запахом моря¹, собор, статуи, фонтаны, фламандская древность, уже близкая мне, и великолепный музей. Даже кое-что у Рубенса мне понравилось². По-французски говорят

ки, орнамент. Сегодня наконец мы
 siamo и сибя опубликовали за
 mt dft некоторым котлеи, которые
 составили мой счастливый завтрак.
 Во виду этого, позвольте вам
 сказать, что мы подмучи и отбрасыв
 перед будущим поколением.

ШУТОЧНАЯ ЗАПИСКА БЛОКА Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК С ЕГО РИСУНКАМИ

Автограф (оборотная сторона)

Центральный архив литературы и искусства. Москва

туго, больше всего по-фламандски, часто по-немецки. Сейчас иду смотреть всяких миленьких³, а потом перееду Шельду на пароме. Завтра поеду в Брюгге, или в Гент.

Господь с тобой, милая.

А. Б.

¹ Ср. в стихотворении Блока «Антверпен» (1914).

² «Музей так хорош, что даже у Рубенса не все противно», — писал Блок матери в тот же день (VIII, 371—372). В статье «О «Голубой птице» Метерлинка», написанной в 1920 г., Блок говорит о «старой школе фламандской живописи», в том числе о Рубенсе (VI, 411).

³ Имеются в виду звери в зоологическом саду.

183

⟨25 августа (7 сентября н. ст.) 1911. Антверпен⟩
7 сент.

Люба, сегодня уезжаю в Гент. Вчера сидел усталый в зоологическом саду около бегемотиков (их 3)¹. Вдруг знакомый шум. Поднимаю голову, а надо мной высоко Блерио. Покружился и улетел. Вздрагивает и покачивается, бедняжка². Господь с тобой, милая.

¹ «От Бельгии я многого не жду, однако хочу увидеть 18 бегемотов в зоологическом саду в Антверпене», — писал Блок матери из Парижа (VIII, 371). В черновике стихотворения «Антверпен» есть строфа (вычеркнутая с пометой: «Это уж слишком»):

Спят львы, вздыхают бегемоты
В зоологическом саду —
Торговля, мир, покой, дремота,
Лишь я, чужой, чего-то жду.

² Блок был сильно увлечен авиацией и ее первыми успехами. Ср. заключительную строфу стихотворения «Антверпен»:

Но все — притворство, все — обман:
Взгляни навверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.

184

⟨25 августа (7 сентября н. ст.) 1911. Гент⟩¹

Сегодня очень жарко. Сейчас уезжаю в Брюгге. Beffroi² в лесах. В музее хорошие примитивы и Босх³. Господь с тобой.

¹ Дата почтового штемпеля.

² *Beffroi* — одна из достопримечательностей Гента, сторожевая башня вышиной в 118 м, построенная в 1388 г.

³ Акен Иероним *Ван Босх* (ок.1450—1516) — известный нидерландский живописец.

185

⟨26 августа (8 сентября н. ст.) 1911. Брюгге⟩
8 сентября

Вчера приехал в Брюгге.

Что-то не очень нравится пока¹. К тому же жара возобновилась. Сейчас пойду в музей и в церкви.

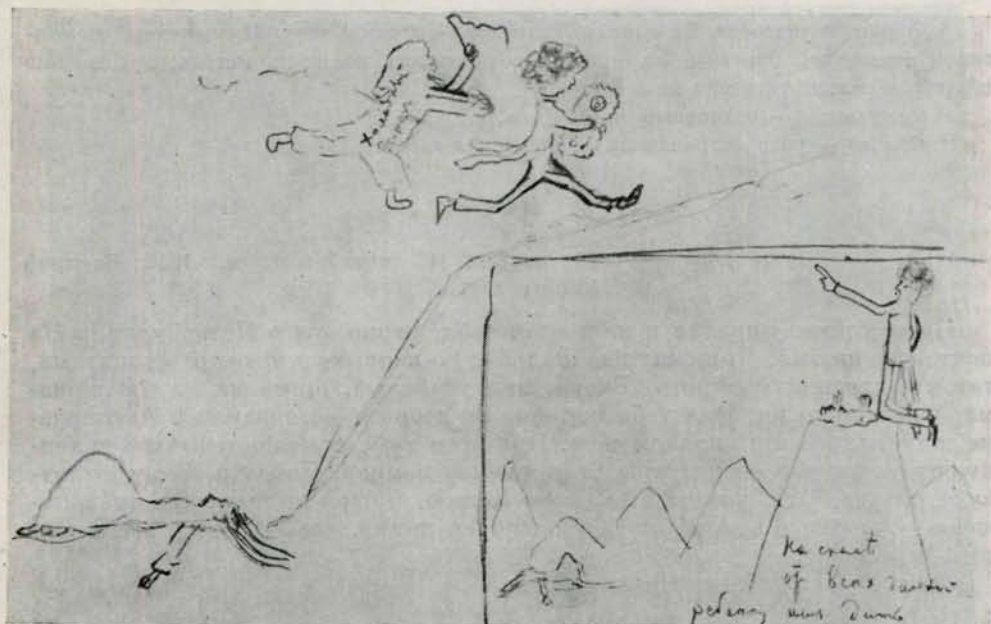
Теперь буду писать тебе в Петербург, завтра ты уезжаешь². А я завтра хочу перебраться в Голландию — через Флиссинген. В Амстердаме спрошу твое письмо. Мне хорошо в общем ездить одному, но также будет хорошо вернуться.

Господь с тобой, маленькая Люба.

А. Б.

¹ Ср. в письме к матери из Роттердама от 10 сентября (н. ст.) 1911 г., «А вот Брюгге, из которого Роденбах и туристы сделали «Северную Венецию» (*Venise du Nord*), довольно отчаянная мурья. Лодочник полтора часа таскал меня по каналам. Действительно — каналы, лебеди, средневековое старье, какие-то тысячелетние подсолнухи и бузины по берегам» (VIII. 373).

² Из Парижа в Берлин.

ШУТОЧНЫЕ РИСУНКИ БЛОКА С ЕГО ПОМЕТАМИ НА МОТИВЫ СТИХОТВОРЕНИЯ
«СПУСТИТЬСЯ В ПОДЗЕМНЫЕ УЩЕЛЬЯ...» (21 НОЯБРЯ 1963 г.)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

186

⟨30 августа (12 сентября н. ст.) 1911. Амстердам⟩
12 September 1911

Буся, я сегодня получил твое письмо и мамино. Ф⟨ранц⟩ получил бригаду, штаб которой в Петербурге, а полки — в Петергофе и Ораниенбауме, так что они будут жить в Петербурге¹. Мама страшно радуется этому, и я этому очень обрадовался, так что сегодня пришел в музей очень веселый.

А мне уже почти мучительно путешествовать. Во-первых, здесь меня окончательно сожрали мускиты, во-вторых — жара и грязь не прекращаются. Из Брюгге, который есть помойная яма, я тащился целый день по пропитанной пылью дорогам, ждал трамваев в разных клоаках — на пляже в Heyst'e, в L'Ecluse, на пристани в Breskens, потом три часа полз в «буммельцуге»² и остался ночевать в лучшем отеле Дордрехта, где, по кр⟨айней⟩ мере, взял ванну. Дордрехт — очень милый, но ничего замечательного нет. След⟨ующий⟩ день провел в Роттердаме, который мне больше всего понравился. На след⟨ующий⟩ день сунулся в Гаагу и от отвращения не мог пробыть там дольше двух часов. Вчера же приехал в Амстердам. Мечтаю вернуться домой как можно скорее, в Данию едва ли поеду, в Берлине буду ждать твоего письма. Давно бы пора нам обоим быть в Петербурге, все это путешествие ужасно мучительно.

Ну, господь с тобой, милая. Я не понимаю, как ты могла жить в этом чудовищном Париже? Вчера из «Matin»³ я узнал, что там было 36 граду-

Напишу тебе еще из Берлина.

Господь с тобой.

А. Б.

¹ Франц Феликсович *Кублицкий-Пиоттух* — отчим Блока. Назначенный командиром стрелковой бригады, он получил возможность покинуть Ревель, пребывание в котором сильно тяготило мать Блока.

² *Буммельцуг* — медленный поезд (нем.).

³ «*Matin*» — распространенная французская газета.

187

⟨31 августа (13 сентября н. ст.) 1911. Берлин⟩
13 сент. 1911.

Буся, сейчас приехал и не застал тебя, верно, ты в Петербурге ¹. На почте еще не был. Приношу две жалобы: во-первых, я искусан мускитами, так что страшно смотреть. Вчера, как угорелый, бросился из Амстердама, как только написал тебе письмо. Во-вторых — слоненок в Амстердаме запустил в меня клочком сена. При всем этом, я, едва переехав границу, почувствовал себя лучше, так люблю немцев. Пойду в ванну, отдохну и, может быть, поеду даже через Данию, смотря по тому, что ты напишешь о квартире ². А лучше бы поскорей домой, чтобы меня вычесали и огладили.

Господь с тобой, маленькая Буся.

А.

¹ Л. Д. Блок проехала из Парижа прямо в Петербург, не задерживаясь в Берлине (приехала в Петербург 30 августа ст. ст.).

² Л. Д. Блок искала в Петербурге новую квартиру. В телеграмме от 17 сентября (н. ст.) она сообщила, что нашла квартиру, но по возвращении Блока в Петербург они решили остаться на прежней, переменяв только расположение комнат.

188

Телеграмма

⟨31 августа (13 сентября н. ст.) 1911. Берлин⟩
13 сентября

На почте нет письма от тебя, где ты?

Берлин

А. Б.

189

Телеграмма

3 (16 н. ст.) сентября ⟨1911⟩. Берлин ¹

Kein Brief telegraphier Berlin, Monopol Hotel Block *.

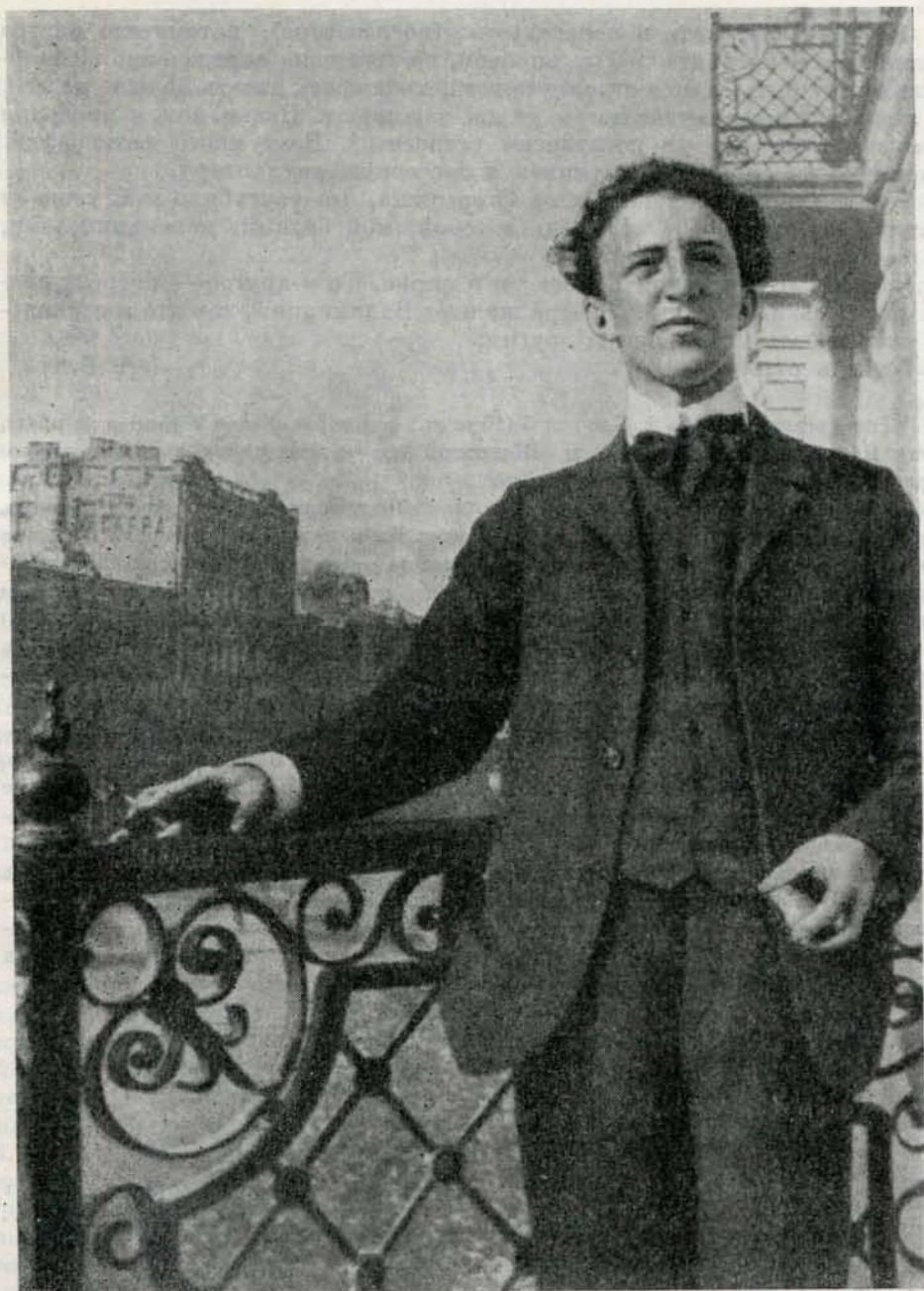
¹ Дата телеграфного бланка.

190

⟨3 (16 н. ст.) сентября 1911. Берлин⟩
16 сентября 1911.

Буся, Буся, слава богу, сейчас получил твою телеграмму ¹. Вчера и сегодня отчаянно стал беспокоиться, я четвертый день в Берлине — и никаких писем. Сегодня утром, наконец, получил от мамы. Сейчас бродил по улицам, сидел на вокзале, с ужасом читал газеты ². Зачем же ты не пишешь писем?

* Письма нет, телеграфируй Берлин отель Монополь Блоку (нем.).

БЛОК

Фотография, октябрь 1907 (Киев)

Собрание С. М. Алянского, Москва

Я собирался ехать в понедельник (послезавтра), потому что завтра «Гамлет» у Рейнгардта ³. Ты, впрочем, не жди меня определенно во вторник; может быть, я еще отложу приезд, хотя здесь делать больше нечего. Я здесь отдыхаю, мускеткины укусы заживают. Целые дни я проводил в музеях, которые не по-луврски устроены ⁴. Везу много фотографий. Очень много смотрел итальянцев и греческую скульптуру.

Вчера узнал о покушении на Столыпина, это усугубило мой ужас от отсутствия писем. Ну, Господь с тобой, мой бедный, маленький зайц, ты бегаешь и ищешь квартиру.

Я был в «Прекрасной Елене» ⁵ и в цирке. То и другое — посредственно. Надеюсь на Гамлета. Завтра же идет Валькирия ⁶, так что я несколько разрываюсь между тем и другим.

Господь с тобой.

А. Б.

¹ Текст телеграммы Л. Д. Блок от 3 (16 н. ст.) сентября: «Keine Wohnung gefunden schwer finden sonst alles gut Luba» («Квартиры нет трудно найти в остальном все хорошо Л ю б а»).

² «Вчера узнал о покушении на Столыпина. Зоологический сад помог преодолеть суматоху, возникшую от этого в душе», — писал Блок матери в тот же день («Письма к родным», т. II, стр. 180). Председатель Комитета министров П. А. Столыпин, вдохновитель правительственной реакции, был убит в Киеве 1 сентября 1911 г. сотрудником охранного отделения Богровым.

³ Макс Рейнгардт (1873—1943) — немецкий режиссер, сыгравший заметную роль в развитии театра нового времени. Свои впечатления от «Гамлета» в постановке М. Рейнгардта Блок подробно изложил в письме к матери от 5 (18 н. ст.) сентября:

«Вчера было очень хорошее впечатление в «Гамлете». Смотреть Александра Моисеи во второй раз уже значительно хуже, чем в первый (он был Эдином). Однако он очень талантливый актер. Это — берлинский Качалов, только помоложе и потому — менее развит. Впрочем, нужно иметь много такта, чтобы возбуждать недоумение в роли Гамлета всего два — три раза. Несколько мест у него было очень хороших» (VIII, 375).

⁴ Блок писал матери из Берлина: «Все музеи художественные я уже смотрел. Здесь не то, что в Париже: искусство можно видеть и *понимать*... Хожение по музеям — целая наука и особого рода подвижничество; в Германии (и, надо отдать справедливость, в Голландии и Бельгии) музеи устроены почти идеально в смысле особого уюта и обстановки» («Письма к родным», т. II, стр. 180).

⁵ «Прекрасная Елена» — оперетта Ж. Оффенбаха.

⁶ «Валькирия» — музыкальная драма Р. Вагнера.

191

Телеграмма

4 (17 н. ст.) <сентября 1911>. Берлин ¹

Nimm Wohnung, bleibe hier noch zwei-drei Tage *.

¹ Дата телеграфного бланка.

192

Телеграмма

6 <сентября 1911> Кибарты ¹

Приезжаю завтра утром.

¹ Дата телеграфного бланка, поданного на ст. Кибарты.

* Сними квартиру, остаюсь здесь еще два-три дня (нем.).

31 мая вечером <1912. Петербург>

Маленькая, сейчас я получил твое письмо ¹. Мне пока недурно и спокойно. Чувствую себя хорошо, пишу, не знаю, как дальше пойдет. Обливаюсь каждый день холодной водой. Кухарка сносная, вчера обедал Пяст.

Вчера я проводил маму на вокзале ². Вечером мы с Пястом были в Старом Петергофе и смотрели закат в море. Туда же приехал на велосипеде Женья ³ (из Царского). Очень хорошо провели время.

Завтра у меня будет Руманов ⁴.

На днях приходил Вася ⁵, я не знал, что это он. Вера ⁶ сказала ему, что ты уехала «на дачу». Вам надо развесить афиши на станциях и на Финляндском вокзале (говорит Пяст, который хочет ехать на открытие ⁷. А ехать ли мне, — все не могу решить).

Если бы мне удалось прожить долго так, как эти три дня, я бы поправился, отдохнул и наработал много. Особенной жары нет.

Господь с тобой, Люба.

А.

¹ Летом 1912 г. Л. Д. Блок принимала участие в гастролях, устроенных «Товариществом актеров, писателей, художников и музыкантов» под художественным руководством В. Э. Мейерхольда. Спектакли устраивались на территории Финляндии, в театре-казино курорта Териоки (ныне — Зеленогорск). Директором-распорядителем «Товарищества» был актер Б. К. Пронин. В состав труппы входили: актеры В. П. Веригина, Ю. Л. Слонимская, В. В. Чекап, А. А. Голубев, А. А. Мгебров, Н. А. Подгорный, В. П. Лачинов, М. П. Сазонов, К. Э. Гишман, художники Ю. М. Бонди, Н. И. Кульбин, Н. Н. Сапунов, были близки к ней драматург и режиссер В. Н. Соловьев, композитор Ю. Л. Де-Бур, поэт и композитор М. А. Кузмин. В мае большинство участников «Товарищества» переселилось в Териоки, где была снята для всех большая дача. Л. Д. Блок поселилась на этой даче, а А. А. Блок в течение лета несколько раз приезжал туда. К этому театральному предприятию Блок с самого начала относился настороженно: «Переменилось много в духе предприятия, как мне кажется, — записал он в дневнике под 28 мая 1912 г. — Вначале они хотели большого идейного дела, учиться и т. д. Но не зная, были впотьмах, бродили ошупью. Понемногу стали присоединяться предприимчивые модернисты, и, как всюду теперь, оказались и талантливыми и находчивыми, быстро наложив свою руку и... вместо БОЛЬШОГО дела, традиционно, на которое никто не способен, возникло талантливое декадентское МАЛЕНЬКОЕ дело. Тут нашлись и руки и пафос. Речи были о Шекспире и идеях, дело пошло прежде всего о мейерхольдовских пантомимах, Кузмин с Сапуновым сватают Кромельников и т. д., — до чего дойдет, посмотрим, не хочу осуждать сразу» (VII, 146).

² А. А. Кублицкая-Пиоттх уезжала в Шахматово.

³ Е. П. Иванов.

⁴ Аркадий Вениаминович Руманов (1876—1960)— журналист, представитель редакции московской газеты «Русское слово» в Петербурге. В 1912 г. он часто встречался с Блоком, которого редакция «Русского слова» пыталась привлечь к активному участию в газете (не только в качестве поэта, но и в роли публициста и критика). По предположению К. И. Чуковского, в первом стихотворении блоковского цикла «Пляски смерти» (1912) «под видом мертвеца выведен... Аркадий Руманов, ловкий и бездушный делец, талантливо симулировавший надрывную искренность и размашистую поэтичность души» («Литературная Москва». М., 1956, стр. 783).

⁵ Василий Дмитриевич Менделеев (1886—1922)— младший брат Л. Д. Блок.

⁶ Прислуга Блоков.

⁷ Открытие спектаклей в Териоках было назначено на 3 июня, но затем перенесено на 9 июня (см. VIII, 391). Блок приезжал в Териоки и 3 и 9 июня. О своих впечатлениях от первой поездки он сообщил матери в письме от 5 июня: «Сидели у них в даче, она большая и пахнет, как старый помещичий дом, странно — столько разных людей живет вместе; все вместе ели, пили чай, ходили по их огромному парку. Так как ко мне все относятся хорошо и почтительно, мне было легко. Позже приехал Пяст, мы присутствовали на репетиции, я видел, как Люба танцует испанку, — танцует свободно и легко, хотя и по-ученически. Трудно судить без декораций и костюмов. Хотя у них еще ничего не налажено и довольно богемно, но духа пустоты нет, они все очень подолгу заняты, действительно. Все веселые и серьезные...» (VIII, 391). На открытии театра были показаны три «пролога», пантомима «Влюбленные», интермедия Сервантеса «Два болтуна» и арлекинада «Арлекин — ходатай свадеб»; в заключение состоялся концерт. Блок отзывался о спектакле отрицательно: «Мне ничего не понравилось<...> Правда, прекрасную и пеструю шутку Сервантеса разыграли бойко<...> пантомима, по-моему, очень бессмысленная и необыкновенно банально придуманная и поставленная Мейерхольдом. Спектаклю предшествовали две речи — Кульбина и Мейерхольда, очень запутанные и дилетантские (к счастью — короткие), содержания (насколько я сумел уловить) очень мне враждебного (о людях как о куклах, об искусстве как о «счастье»). Впечатление у меня было неприятное...» (VIII, 392; ср. VII, 149).

194

11 июня <1912. Петербург>

Сегодня я думал утром, не приедешь ли ты? Пошел купить газеты; рецензий нет нигде, кроме «Речи», где Василевский ¹ (которого я, впрочем, видел на станции) пишет сочувственно, а тебя два раза похвалил: говорит, что в пантомиме ты была «интересна», а в «Болтунах» «выделялась». Также одобрительно относится Зин<аида> Венгерова ², с которой я разговаривал на станции.

Ну, я знаю, что тебе некогда, ты приедешь после Мольера и Стриндберга ³. Напиши мне, когда эти спектакли состоятся и хорошо ли ты играла в «Трактирщице» ⁴.

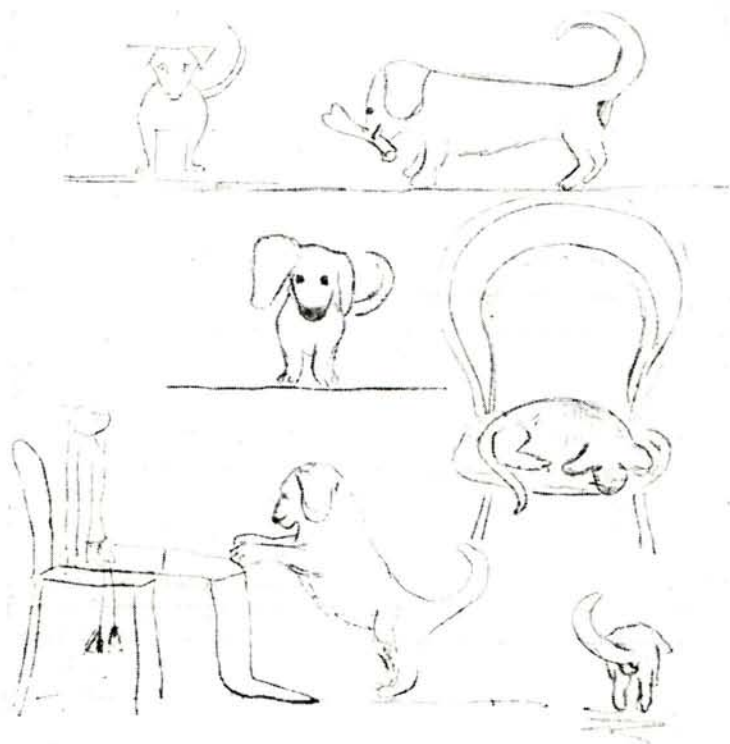
Целую твою маленькую ручку, Господь с тобой.

А.

P. S. Пришел один № твоего немецкого журнала, я не посылаю; тебе, вероятно, не до него.

¹ Лев Маркович Василевский (1876—1936)— поэт и журналист. В газете «Речь» 1912, № 157 от 11 июня помещена его заметка «Театр в Териоках» (подпись: Л. Вас—ий), в которой дважды сочувственно упомянута Л. Д. Блок («интересна» в пантомиме «Влюбленные» и «выделялась» в интермедии Сервантеса «Два болтуна»).

² Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867—1941)— переводчица и литературный критик.

ШУТОЧНЫЕ РИСУНКИ БЛОКА

Центральный архив литературы и искусства. Москва

³ В Териокском театре предполагалось осуществить постановки комедии Мольера «Мнимый больной» и драмы А. Стриндберга «Виновны — не виновны».

⁴ «Трактирищица» («Хозяйка гостиницы») — комедия Гольдони. Премьера состоялась 10 июня; Блок на этом спектакле не присутствовал.

195

14 июня <1912. Петербург>

Милая моя,

ты не пишешь, и я не знаю, ехать ли в субботу или в воскресенье на спектакль ¹.

Меня ловит Кузмин, Сапунов ² и компания. Сейчас звали по телефону к вам с какими-то дамами и пр. Я не определенно отвечал, но не еду несомненно; во-первых, сейчас ко мне придут обедать Женья ³ и Александр Павлович ⁴; во-вторых, я боюсь этой компании и для вашего театра и для себя; нечего мне там делать; говорят по телефону, что записали меня в комиссию по устройству «карнавала» у вас — на лодках, в парке и проч. Все это очень последовательно, состав вашей труппы таков, что интермедии и карнавалы в конце концов займут первое место, а остальное, если и останется, то затертое и загнанное.

Я этим, в конце концов, не возмущаюсь, все люди могут делать только то, что им предназначено. Меня заботит только то, как эта атмосфера коснется тебя.

Сейчас поздний вечер, ушли Женья и Александр Павлович. Иду опустить тебе письмо.

Господь с тобой.

А.

¹ Имеется в виду комедия О. Уайльда «Что иногда нужно женщине», шедшая 16 июня в постановке В. Мейерхольда и с декорациями Н. Кульбина. Блок был на этом спектакле и отозвался о нем следующим образом: «Маленькая моя играла светскую старуху в очень пошлой комедии Уайльда; спектакль, в котором чувствовалась работа, хотя и очень короткая, был весь опять ни к чему» (VII, 151).

² Николай Николаевич Сапунов (1880—1912)— художник, талантливый живописец и декоратор. Именно в этот день он трагически погиб — утонул в море возле Териок. Под свежим впечатлением известия о гибели Сапунова Блок писал матери: «Не беспокойся обо мне, когда прочтешь в газетах известие, что Сапунов утонул в море около Териок. Меня там не было, я не поехал, хотя за 6 часов до этого он меня звал туда по телефону устраивать карнавал. Мы с ним часто виделись последние дни, он был очень чистый и простой. На днях должен был писать мой портрет» («Письма к родным», т. II, стр. 203—204). 15 июня Л. Д. Блок сообщила А. А. Блоку подробности о гибели Сапунова: «Сегодня ночью утонул в море Сапунов. Приехал вчера вечером с Кузминным и двумя художниками к нам. Они поехали кататься на лодке с «принцессой» (Бэллой Назарбек.— В. О.), которой Сапунов увлекался. Лодка опрокинулась в 3-х верстах от берега, Сапунов один не умел плавать; они все растерялись, цеплялись за лодку так, что она все время поворачивалась и топила их. На помощь подоспел матрос в лодке, но когда он подъехал и стал спасать четверых, Сапунова уже не было. Тело ищут все время, но еще не нашли. Кузмин в ужасном состоянии, у него болезнь сердца и потрясение на него страшно подействовало. Кульбин ухаживает за ним и принцессой, которая в отчаянии,— Сапунов все время держался за ее руку и успел ей сказать, что он не умеет плавать, и что ему предсказано, что он утонет в море...».

³ Е. П. Иванов.

⁴ Александр Павлович Иванов (1876—1933) брат Е. П. Иванова, писатель и художественный критик, автор рассказа «Стереоскоп» (СПб., 1909; 2 изд.— Пг., 1918), высоко оцененного Блоком (VIII, 292). «А. П. Иванов, действительно, человек совершенно исключительный, как вся семья Ивановых,— писал Блок В. Н. Княжину в апреле 1913 г.— Оттого только, что живут на свете такие люди, жить легче; в них — опора» («Письма Александра Блока». Л., 1925, стр. 202).

196

23 июня <1912. Петербург>

Моя милая.

Сегодня я получил твое письмо ¹. Был на панихиде по Сапунове в Исаакиевском соборе, немногочисленной, но трогательной. Оттуда поехал в квартиру, где ремонт уже идет, просят обои, я обещал во вторник или в среду. Недели через три можно будет переехать ².

Сейчас Руманов ³ угощал меня на крыше Европейской гостиницы, отсюда виден весь город. Книжки мои Сытин уже печатает ⁴.

Не знаю, поеду ли завтра посмотреть тебя ⁵. Буду тебя ждать во вторник утром — не правда ли?

Господь с тобой.

А.

¹ Письмо от 22 июня.

² Блок готовился к переезду на новую квартиру (Офицерская, 57).

³ О Руманове см. примеч. 4 к письму № 193.

⁴ Имеются в виду две книжки стихов для детей — «Сказки» и «Круглый год», готовившиеся в издательстве И. Д. Сытина (при посредстве А. В. Руманова). Вряд ли

в июне месяце эти книжки уже печатались, так как вышли в свет они лишь в декабре 1912 г.

⁵ В спектакле 24 июня Л. Д. Блок играла главную роль в пьесе Б. Шоу «Доходы мистрисс Уоррен». Блок на этом спектакле не был.

197

4 июля <1912. Петербург>

Уезжаю сегодня в 7 часов в Шахматово через Клин¹. Напиши после спектакля². Господь с тобой, моя милая.

А.

¹ Блок уезжал в Шахматово на несколько дней (вернулся в Петербург 13 июля).

² Имеются в виду две интермедии Сервантеса — «Саламанкская пещера» и «Ревнивый старик» — в постановке В. Н. Соловьева («Вольмара Люсциниуса»), шедшие 8 июля.

198

18 июля <1912. Петербург>

Моя милая, я пишу сейчас перевозчику, чтобы в понедельник 23-го пришел укладывать вещи, а во *вторник* переедем¹. Пожалуй, тебе лучше приехать в понедельник же (перевозчик будет часов в 12) — посмотреть за укладкой твоих вещей.

Я не уверен, приеду ли до тех пор. — Весь Стриндберговский вечер произвел на меня такое цельное и сильное впечатление, что я мог бы написать о нем статью². Расскажу тебе.

Господь с тобой, милая.

А.

¹ На новую квартиру.

² Имеется в виду устроенный териокским «Товариществом» вечер памяти Августа Стриндберга (скончавшегося незадолго перед тем — 1 мая 1912 г.). Вечер состоялся 14 июля. Перед началом спектакля поэт В. А. Пяст произнес вступительное слово. Затем была показана неизданная пьеса Стриндберга «Винновы — не виновны» в постановке В. Мейерхольда и художника Ю. Бонди. Блок присутствовал на вечере и подробно описал его в письме к матери от 15 июля: «Спектакль был весь праздничный и, несмотря на некоторые частные неудачи, был настоящий... Все первое действие Люба не сходила со сцены и, наконец, по-настоящему понравилась мне как актриса: очень сильно играла... Люба говорила, наконец, своим, очень сильным и по звуку и по выражению, голосом, который очень шел к языку Стриндберга. Впервые услышав этот язык со сцены, я поразился: простота доведена до размеров пугающих: жизнь души переведена на язык математических формул, а эти формулы, в свою очередь, написаны условными знаками, напоминающими зигзаги молний на очень черной туче... Режиссер (Мейерхольд) и декораторы (с помощью режиссера), по-видимому, это если не поняли, то почувствовали... Ничего, кроме сине-черного и красного. Таковы Софокл и Стриндберг» (VIII, 398—399). Блок познакомился с творчеством Августа Стриндберга в 1912 г. и относил это знакомство к числу «событий, явлений и веяний», особенно сильно на него повлиявших («Автобиография»). К 1912 г. относятся две статьи Блока — «От Ибсена к Стриндбергу» и «Памяти Августа Стриндберга» (V, 455).

В последней из них Блок так передает свои впечатления от внешности Стриндберга, от всего его человеческого облика: «Я смотрю на эти рабочие плечи, на непокорную голову и страдальческое лицо, и мне хочется назвать великого шведа просто: «старый Август». Этот большой упрямый лоб, эти сердитые брови, этот нос «простого» человека, рабочего, этот упорный взгляд строгих глаз, перед которым, кажется, должно притихнуть все мелкое, все нечестное, не умеющее сказать ни на что определенное «да» или «нет»... Ведь все это так дорого и так бесконечно близко нам; может быть,

никому так не дорого и не нужно, как русским, а русским писателям, в особенности. <...> товарищем хочется назвать *старого Августа*; ведь он — демократ, ведь он вдохновляет на ближайшую работу и, главное, ведь огромное наследие, оставленное им, — общедоступно, почти без исключения <...> Наследие демократа — идейно, оно не может служить поводом ни для чьей корысти. Наследие Стриндберга открыто для веселой и мятежной юности всех стран» (V, 463—469).

199

1 августа <1912. Петербург>

Моя милая, сегодня я получил твое письмо. Сажу здесь и все время занимаюсь квартирой, сделано уже очень много, но все еще не все. Здесь теперь не жарко, и я подожду (полок) еще несколько дней, а когда поеду ¹, напишу тебе. От мамы ответ получен только вчера, она рада нашему приезду и пишет, между прочим, что ты должна «подпоясать» крестницу: «купить розовую ленту, розовых батистов или сатинов на рубашечки» ².

Все мелкие куски, какие я разыскал, подклеены, стулья взяты, твой умывальный стол выкрашен белым и почиен.

Я тут видел разных лиц, а первое посещение квартиры было самое дикое: отец Скворцовой, старый шестидесятник, привозил от нее предложение... жениться!.. ³.

Господь с тобой, милая. В Териоки я, значит, не приеду ⁴.

А.

¹ В Шахматово.

² У Л. Д. Блок была крестница в соседней с Шахматовом деревне Гудино.

³ См. подробнее в письме к матери от 29 июля («Письма к родным», т. II, стр. 223). О Н. Н. Скворцовой см. примеч. 2 к письму № 172.

⁴ 4 августа в Териоках, в бенефис Л. Д. Блок, шла комедия К. Джерома «Мисс Гоббс», смотреть которую сама Любовь Дмитриевна «не очень рекомендовала». (Афишу спектакля см. в наст. томе, стр. 315.) Блок писал матери 5 августа: «В Териоки я так и не ездил; вчера был Любин бенефис, мне было бы как-то неловко» («Письма к родным», т. II, стр. 226).

200

5 августа <1912. Петербург>

Моя милая, я еду, наконец, 8-го в Шахматово. Очень соскучился о тебе и устал, приезжай туда поскорее ¹. Ты напишешь, в какой день приедешь, чтобы выслать лошадей? Господь с тобой, милая.

А.

Если что вспомню, оставлю тебе записку на столе.

¹ Л. Д. Блок приехала в Шахматово 14 августа. Через три дня, 17 августа, она вместе с Блоком выехала обратно в Петербург.

201

28 августа <1912. Петербург>

Моя маленькая Бу, я думал, что ты приедешь раньше ¹. Ну, живи, в лесочке, маленький зайц, если там отдыхаешь. Мне скучно, а здоровье — ничего. Ты напиши точно, когда приедешь, чтобы я знал, когда можно звать рабочих и устраивать квартиру. Господь с тобой. Скучаю о тебе.

¹ Л. Д. Блок снова находилась в Териоках.

БЛОК В ШАХМАТОВЕ

Фотография, 1909

Собрание В. Н. Орлова, Ленинград

202

Телеграмма

5 сентября 1912. Петербург ¹Беспокоюсь телеграфируй немедленно когда приедешь С а ш а ²¹ Дата телеграфного бланка.² Ответная телеграмма Л. Д. Блок из Тернок от 5 сентября: «Здорова приеду восьмого вечером Л ю б а».

203

Телеграмма

5 сентября 1912. Петербург ¹Ответа нет не знаю что думать жду телеграмму С а ш а ².

¹ Дата телеграфного бланка.

² Ответная телеграмма Л. Д. Блок из Териок от 6 сентября: «Телеграфировала пятого приеду восьмого все хорошо не беспокойся Л ю б а».

204

1912 г. 12 ноября <Петербург>

Сейчас пришло твое письмо ¹. Сегодня ночью я видел тебя во сне. Я думаю о тебе все время. Не нужно и невозможно писать тебе длинно, что я думаю. В кратких словах: я убеждаюсь с каждым днем и моей душой и моим мозгом, которые к старости крепнут и работают все гармоничнее, увереннее и действеннее, что ты погружена в непробудный сон, в котором неуклонно совершаются свои события: на Кавказе ² ты ставила на карту только тело, теперь же (я уверен, почти нет сомнения) ты ставишь на карту и тело, и душу, т. е. гармонию. Каждый день я жду момента, когда эта гармония, когда-то созданная великими и высокими усилиями, но не укрепленная и подтачиваемая и нами самими и чужими, врагами, — в течение десяти лет, — разрушится. То, что ты совершаешь, есть заключительный момент сна, который ведет к катастрофе, или — к разрушению первоначальной и единственной гармонии, смысла жизни, найденного когда-то, но еще не оправданного, не заключенного в форму.

Переводя на свой язык, ты можешь назвать эту катастрофу — новым пробуждением, установлением новой гармонии (для себя и для третьего лица). Я в эту новую гармонию не верю, я ее *проклиная* заранее не только лично, но и объективно. Она — низшего порядка, чем та, которая была достигнута когда-то, и в том, что это так, я клянусь всем, что мне было дорого и есть дорого.

Если ты сомневаешься в этом, то я — не сомневаюсь. Если ты веришь в установление новой гармонии для себя, то я готов к устранению себя с твоего пути, готов гораздо определеннее, чем 7 ноября 1902 года ³. Поверь мне, что это не угроза и не злоба, а ясный *религиозный* вывод, решительный отказ от всякого компромисса.

Твое письмо лишь немногим отчетливее, чем прежние письма. Надо быть отчетливей, потому что каждый новый день теперь — есть *действие*, близящееся к тому или другому окончанию.

Прошу тебя оставить домашний язык в обращении ко мне ⁴. Просыпайся, иначе — за тебя проснетесь другие. Благослови тебя бог, помоги он тебе быть не женщиной-разрушительницей, а — создательницей ⁵.

Александр Блок

¹ В конце 1912 г. отношения Блока с Любовью Дмитриевной снова осложнились; 2 ноября Любовь Дмитриевна уехала на неопределенный срок в Житомир. Блок имеет в виду следующее ее письмо из Житомира от 9 ноября: «Мое отношение к тебе стало мне здесь совсем ясно: пятнадцать лет не полетели к черту, как ты говорил; конечно, они на всю жизнь, и здесь я чувствую к тебе не только привычку и привязанность, но и возможность снова встретиться сердцем. Я не буду писать тебе длинного письма, не буду тебе объяснять, как все обстоит теперь, — я приеду после половины ноября и смогу тогда сказать тебе много. Я только хотела дать тебе знать о себе и о том, что я думаю о тебе — ты понимаешь как; что ты не чужой мне, как было в П(етер)б(ур)ге. Сейчас мне кажется, что я буду жить зиму в Житомире, но я не могу еще сказать, что решила это окончательно. И еще я не могу никак сказать, что с тобой порываю. А как все это устроить, мы поговорим. Господь с тобой. Целую тебя. Б(у)ся».

² См. переписку А. А. и Л. Д. Блоков за 1908 г.

БЛОК, Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК И А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ В ШАХМАТОВЕ

Фотография, 1909

Собрание В. Н. Орлова, Ленинград

³ День решительного объяснения Блока с Л. Д. Менделеевой. В этот день Блок помышлял о самоубийстве (см. стр. 54—57 наст. тома).

⁴ Блок имеет в виду ласковое обращение, которым Любовь Дмитриевна начала свое письмо («Дорогой мой Лала»).

⁵ На это письмо Л. Д. Блок ответила телеграммой из Житомира от 14 ноября: «Получила письмо понимаю приеду девятнадцатого Л ю б а». В дневнике Блока под 20 ноября записано: «Милая моя вчера утром в 9 часов, когда еще темно, приехала. Несколько разговоров в течение дня...» (VII, 180). Однако вскоре же, 14 декабря, Любовь Дмитриевна снова уехала в Житомир (вернулась к Новому году — 31 декабря).

205

Телеграмма

24 декабря 1912. Петербург ¹

Здорова ли ты очень скучаю господь с тобой телеграфируй вестей нет ².

¹ Дата телеграфного бланка.

² Ответная телеграмма Л. Д. Блок от 25 декабря: «Здорова писала не беспокойся господь с тобой».

206

Телеграмма

27 декабря 1912. Петербург ¹

Жду тридцатого утром телеграфируй в день отъезда господь с тобой ².

¹ Дата телеграфного бланка.

² Ответная телеграмма Л. Д. Блок от 28 декабря: «Выезжаю двадцать девятого приеду тридцать первого утром господь с тобой».

14 февраля <1913. Петербург>¹

Я думаю, ты знаешь, что я хочу, чтобы ты мне писала². У меня сейчас упадок духа, скучно. Раз слушал музыку — «Садко» — помогло³. Очень сильный мороз. Господь с тобой, милая.

А.

¹ 7 февраля 1913 г. Л. Д. Блок опять уехала в Житомир (VII, 216).

² В письме от 12 февраля 1912 г. Любовь Дмитриевна спрашивала Блока: «Милый, если хочешь, чтобы я тебе писала, напиши мне, я буду писать».

³ «Садко» — опера Н. А. Римского-Корсакова. Ср. запись в дневнике Блока от 9 февраля: «Вечером — «Садко» в «Музыкальной Дrame». Ничего нет нужнее музыки на свете, омытый ею, усталый» (VII, 216).

20 февраля <1913. Петербург>

Милая, сейчас получил твое письмо. Спасибо тебе, что ты пишешь и что так пишешь¹. Нет-нет и беспокоюсь о тебе, все думаю, где и как ты, часто думаю, скучаю иногда, каждый вечер хожу к тебе и окрепчиваю твою кроватку. У тебя стало красиво, только очень холодно.

Оттепель полная, сильный ветер, пахнет весной. Я еще ничего своего не делаю, часто вижусь с Терещенкой² и все больше его люблю. Эти дни были бы интересны для тебя. Третьего дня были на первом представлении «Электры»³ (в закрытом бенуаре, мама, тетя, Франц⁴ и я) — все неправда, как и ждали. Хорошо написал Философов (в «Рус<ском> слове») ⁵. На Мейерхольда я не сержусь, потому что Гофмансталь испортить нельзя (Штрауса не понимаю). Еще больше возмущаюсь этим венским <...>, чем 4 года назад⁶. Но на очереди теперь — Мейерхольдова порча Софокла и Лермонтова⁷. Он погибнет, если не опомнится, не бросит *вовсе* кукольное и не вернется к человеку. Для последнего ему нужно, вероятно, *годы* поста, на что он не пойдет. — В последнем № «Масок» Коммиссаржевский написал длинную статью о книге Мейерхольда⁸. Там много личной злобы и мстительности, но, к сожалению, много и верного, *очень* верного, и, кроме того, — очень тяжкие улики. — Вчера были мы на открытии Зоновского театра⁹. Так плохо, что говорить не стоит, только одна актриса подает кой-какие слабые надежды (конечно, не Дымшиц¹⁰; фамилия ее — Фетисова¹¹, играла Русалку). Были там с Терещенкой, Волконским¹², Ремизовым и Философовым, — и все согласны. (М<жду> пр<очим>, играл брат Гнесина¹³. Я не знал, кто это, и был в ужасе: старый провинциальный пошлый актер. Играют еще двое из Мариинского театра).

Много еще писем, планов, как всегда. Не люблю я актеров, милая, постоянно мне больно, что ты хочешь играть. Тут *стыдное* что-то. Спаса-

ет только гений, нет гения — стыдно, скучно, не нужно. Гениальный театр — искусство, не гениальный — неблагоприятное ремесло. К Станиславскому поедом. Пьеса ¹⁴ с тех пор, как ты была, так еще никому и не читана. Мама почти все время больна, у нее часто жар.

Господь с тобой, милая и единственная.

А.

Спасибо тебе, пиши.

Новый адрес напиши. Не думаешь ли вернуться вскоре? Наш абонемент ¹⁵ начинается на второй неделе. — Время без тебя долго идет.

¹ Л. Д. Блок писала в письме от 17 февраля: «Все утро о тебе вспоминала и скучала о тебе очень. Я тебя люблю, Лала, я хочу, чтобы судьба перестала играть мной скорее, хочу быть с тобой и не расставаться. Вчера в газете «Киевская мысль» была заметка о том, что ты закончил «Розу и Крест»; всего строк 30 с верными сведениями о ней(<...>) Я еще не привыкла тебе писать и пишу мало, буду больше».

² Михаил Иванович Терещенко (1886—1958) — крупный капиталист, сахарозаводчик, в ту пору — чиновник особых поручений при директоре императорских театров; в 1917 г. министр финансов и министр иностранных дел в составе Временного правительства, после Октября — эмигрант. Блок познакомился с М. И. Терещенко через А. М. Ремизова в марте 1912 г., когда Терещенко, связанный с Мариинским театром, предложил Блоку написать сценарий балета из жизни провансальских трубадуров XIV—XV вв. для композитора А. К. Глазунова. В дальнейшем из этого проекта родилась драма «Роза и Крест», которую Блок писал в тесном общении с Терещенко. Дружески сблизившись с Терещенко, Блок внимательно прислушивался к его суждениям об искусстве. Художественные взгляды и вкусы Терещенко, носившие эстетский характер, бесспорно оказывали известное воздействие на Блока. Впоследствии, в 1919 г., он сам засвидетельствовал это, записав в дневнике: «Решаясь включить в «Театр» «Песню Судьбы», из которой я стараюсь выкинуть все уж очень глупое (хорошего и глупого времени произведение), я окончательно освобождаюсь от воли М. И. Т(ерещенко). Мы с ним в свое время загнипотизировали друг друга искусством. Если бы так шло дальше, мы ушли бы в этот бездонный колодезь; оно — Искусство — увело бы нас туда, заставило бы забраковать не только всего меня, а и все; и остались бы: три штриха рисунка Микель-Анджело, строка Эсхила, и — все; кругом пусто, веревка на шею» (VII, 355).

Сохранился печатный оттиск драмы Блока «Роза и Крест» с авторской надписью: «Михаилу Ивановичу Терещенко эта пьеса, с ним глубоко связанная и ему молчаливо посвященная, — от любящего его автора, который никогда не забудет тех печальных и милых дней. Александр Блок. Январь 1914». (Впервые опубликовано в статье И. Зильберштейн. Александр Блок: неизданное. — «Литературная газета», 1973, № 14, 4 апреля.)

³ «Электра» — опера Р. Штрауса (1909) по либретто Г. Гофманстали, была поставлена в Мариинском театре В. Э. Мейерхольдом с декорациями и костюмами по эскизам А. Я. Головина. В печати вокруг этой пышной постановки заранее был поднят большой шум как об из ряда вон выходящем событии театральной жизни. Однако опера не имела успеха в публике и после трех представлений была снята со сцены. Отзыв Блока см. VII, 220, 239.

⁴ Тетя — М. А. Бекетова, Франц — отчим Блока Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

⁵ В газете «Русское слово» № 40 от 17 февраля 1913 г. были помещены две статьи Д. В. Filosofova, касающиеся постановки оперы Р. Штрауса: фельетон «Электра и Вяльцева» и заметка «Электра». Впечатления от генеральной репетиции». Блок, очевидно, имел в виду вторую заметку, где было сказано, между прочим: «Постановка прекрасная, великолепная, но никакого отношения ни к драме Гофманстали, ни к музыке Штрауса не имеющая». Вывод Д. В. Filosofova был такой: «До слез жалко эту бездну труда, знаний, таланта, брошенных впустую». Дмитрий Владимирович Filosofov (1872—1940) — буржуазный публицист и литературный критик, постоянный сотрудник Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, после Октября — эмигрант.

I Как долго ты думал...

Мотырь Розы (?) и...

ШУТОЧНЫЕ РИСУНКИ БЛОКА НА МОТИВЫ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ «Я УМЕР. Я ПАЛ ОТ РАНЫ...» (19 мая 1903 г.)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

⁶ Блок резко отрицательно относился к декадентскому творчеству австрийского драматурга Гуго фон Гофманстала (1874—1929) (см. «Письма к родным», стр. 221).

⁷ В газетах 1912 г. появились сообщения о том, что В. Э. Мейерхольд готовится к постановке трагедии Софокла «Электра» и драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад».

⁸ Имеется в виду остро-критическая статья Ф. Ф. Коммиссаржевского «По поводу книги В. Э. Мейерхольда» («Маски», 1913, № 4). О Ф. Ф. Коммиссаржевском см. выше — стр. 237. Книга Мейерхольда — «О театре», СПб., 1912.

⁹ Аркадий Павлович Зонов (1875—1922) — актер и режиссер, организатор общедоступного, рассчитанного на демократического зрителя «Нашего театра», открывшегося 19 февраля 1913 г. спектаклем «Русалка» (по драме А. С. Пушкина).

¹⁰ Софья Исааковна Дымшиц (1885—1963) — драматическая актриса, жена писателя А. Н. Толстого.

¹¹ Ксения Александровна Фетисова — драматическая актриса.

¹² Сергей Михайлович Волконский, князь (1860—1937) — театральный деятель, состоял директором императорских театров в 1899—1901 гг., писал по вопросам театра.

¹³ Григорий Фабианович Гнесин — драматический актер, брат известного композитора М. Ф. Гнесина.

¹⁴ «Роза и Крест». 26 июня 1912 г. Блок читал пьесу Любови Дмитриевне, затем записал в дневнике: «...Я читал ей свою оперу, ей понравилось. Она сказала, что это — не драма, а именно опера, для драмы — мозаично. Это верно. Меня ввел в заблуждение мой несчастный Бертран, в его характере есть нечто переросшее оперу» (VII, 154). Ср. запись, сделанную позднее, 21 ноября 1912 г.: «Утром Люба подала мне мысль: Бертран кончает тем, что строит капеллу Святой Розы. Обдумав мучительно это положение, я пришел к заключению, что не имею права говорить о мистической Розе, что явствует из того простого факта, что я не имею достаточной духовной силы для того, чтобы разобраться в спутанных «для красы» только, только художественно, символах Розы и Креста. Конца судьбы Бертрана я продолжаю не знать» (там же, 181).

¹⁵ В Мариинском театре.

25 февраля <1913. Петербург>

Милая, сегодня пришло твое письмо. Пиши, милая, почаще. Теперь здесь тоже весна, часто солнце и тает, мне бывает хорошо. Думаю о поэме¹. Мы все сообща все время делаем дела в «Сирине»², многое налаживается. Я хожу иногда за город. Получаю много писем.

О тебе думаю сквозь все с последней нежностью, все меньше хочу для тебя театра (вижу, думаю каждый день, как это теперь трудно и еще долго будет трудно — театральное дело), все больше хочу, чтобы ты была со мной. По-прежнему мы оба не знаем, что ты будешь делать, но все больше я знаю, что я — с тобой. Тебе, я знаю, теперь не во всем хорошо, также, как и здесь, — не во всем. Но везде бывает в чем-нибудь нехорошо, что же делать; «жизнь проходит, как пехота»³, но в шаг ее врывется мазурка (лейтмотив поэмы)⁴; и все этапы жизни нам с тобой суждено пройти вместе, чувствовать все вместе⁵.

Мне много говорят и пишут обо мне⁶, так что эти дни я стал сам себе нравиться. Это можно себе позволить ненадолго.

Господь с тобой, моя милая.

А.

Я тебе писал недавно — о театре («Электра» и Зонов)⁷.

¹ Имеется в виду поэма «Возмездие», над которой Блок интенсивно работал в течение 1911 г., на которую в 1912 г. оставил, отвлеченный другим замыслом (драмой «Роза и Крест»). В феврале 1913 г. Блок наметил новый план поэмы — в четырех главах с прологом и эпилогом, но вернуться к работе над поэмой ему удалось лишь в августе 1914 г.

² «Сирин» — издательство, организованное М. И. Терещенко и его сестрами, выпускало альманахи «Сирин» и сочинения символистов (А. М. Ремизова, Ф. К. Сологуба, В. Я. Брюсова, А. Белого). Блок наряду с А. М. Ремизовым принимал самое близкое участие в делах этого издательства. В эти дни он хлопотал об издании в «Сирине» романа А. Белого «Петербург» (роман был напечатан в альманахах «Сирин»).

³ Стих, получивший окончательное оформление в 1916 г. в первой главе поэмы «Возмездие»:

Вся жизнь в столице, как пехота,
Гремит по камню мостовых...

⁴ В плане поэмы «Возмездие», датированном 21 февраля 1913 г., читаем: «Два лейтмотива: один — жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой — мазурка». Мотив «мазурки» должен был трижды возникать в поэме (см. III, 461).

⁵ 1 марта Любовь Дмитриевна писала Блоку: «Я тебе буду писать коротенькие письма, только чтобы сказать, что все так же думаю о тебе хорошо, что очень хочу, чтобы тебе было хорошо, чтобы ты гулять ходил на солнце, чтобы работалось тебе так, как ты любишь, и обо мне чтобы ты думал, как теперь думал».

⁶ В тот же день Блок ответил на письмо К. П. Цинговатовой от 15 февраля 1913 г. Корреспондентка благодарила Блока за все, что дает его поэзия — «солнце», в которое она «поверила» (ЦГАЛИ). «Спасибо вам, — отвечал ей Блок, — за ваше искреннее письмо. В нем много горького. Разве вы не знаете, что в жизни происходит непрестанное чудо: сегодня мы плачем, а завтра нам будет светло и легко.

Вы пишете: «Я не умею жить». А кто умеет?

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Беспечные и праздные умы?

Что в нас любовь и нежность не горели

И красоте не жертвовали мы? (Фет)» (VIII, 412).

⁷ См. письмо № 208 от 20 февраля 1913 г.

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК В ШАХМАТОВЕ

Фотография, 1909

Собрание В. Н. Орлова, Ленинград

210

2 марта 1913. <Петербург>

Моя милая, беспокоюсь о тебе временами, ты редко пишешь.

Я все провожу время с Сиринами¹. Катаемся иногда. Вчера читал им поэму Пяста², потом вышел и застудил горло, голос пропал. Приходится отменить завтра Л. Андреева, который хотел прийти ко мне с женой, а послезавтра, вероятно, чтение пьесы³ у меня (позвал я уже А. П. Иванова⁴ с женой, Гонди обоих⁵, Соловьева⁶, Пяста, Княжнина⁷, Чеботаревскую⁸, Философова и Женю⁹). Вчера утром твоя мама спрашивала по телефону, дома ли ты, а вечером я с ней встретился на лекции Сологуба¹⁰, она спрашивала, где ты, играешь ли ты, — я все врал, что не знаю. — Раз днем встретил одного неврастеника, В.-Ивановца¹¹ — в трамвае, он — вдруг сказал мне, что его портрет рисует Кузьмина-Караваева, только «не поэтесса, а генеральша»¹². Мне стало страшно неловко и тяжело, я с трудом скрыл смущение. Вообще, пристают иногда, и к маме — тоже¹³.

Посижу дома, буду делать компрессы.

Получаешь ли ты мои письма? Это, если не ошибаюсь, третье.

Ты не думаешь приехать? — Тоскую временами. Господь с тобой.

А.

ЗАПИСКА Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-
БЛОК К БЛОКУ 30 АВГУСТА
1909 г.

Автограф

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

Нам бы летом куда-нибудь поехать вместе.

3 марта

Сегодня сижу дома — без голоса. Меня навестят мама, Терещенко и Ремизов. Господь с тобой.

¹ Имеются в виду М. И. Терещенко и его сестры — Елизавета Ивановна и Пелагея Ивановна.

² «Поэма в наоях» Вл. Пяста, напечатанная (с купюрами) во втором сборнике «Сирин» (1913). Отдельное издание поэмы, вышедшее в 1911 г., было уничтожено автором. Во второй главе этой поэмы фигурирует Блок (анонимно).

³ «Роза и Крест». Чтение из-за болезни Блока было отложено.

⁴ Об А. П. Иванове см. примеч. к письму № 195.

⁵ Бонди — братья Юрий Михайлович (1889—1926) — режиссер и художник, сотрудник В. Э. Мейерхольда и Сергей Михайлович (р. 1891) — филолог.

⁶ Владимир Николаевич Соловьев (1887—1941) — режиссер, драматург и театровед, сотрудник В. Э. Мейерхольда.

⁷ Княжнин — литературный псевдоним Владимира Николаевича Ивойлова (1883—1942) — поэта, критика и историка литературы, с которым Блок поддерживал дружеские отношения. Позднее В. Н. Княжнин писал Блоку о своих впечатлениях от пьесы «Роза и Крест» и романа А. Белого «Петербург». Блок ответил Княжнину 3 ноября 1913 г.: «Спасибо Вам за слова о «Розе и Кресте», но не об Андрее Белом. Впрочем, все его ругают, я только одного человека встретил сочувствующего, кроме себя» (VIII, 429).

⁸ Александра Николаевна Чеботаревская (1869—1925) — переводчица.

⁹ Е. П. Иванов.

¹⁰ Лекция Ф. К. Сологуба «Об искусстве наших дней» была прочитана 1 марта 1913 г. в зале Тенишевского училища.

¹¹ Кто имеется в виду, не установлено.

¹² «Поэтесса» — Е. Ю. Кузьмина-Караваева. «Генеральша» — мать К. К. Кузьмина-Караваева.

¹³ «Пристают» — по поводу отъезда Л. Д. Блок из Петербурга.

211

<3 марта 1913. Петербург>

Дружочек мой, сижу один, скучаю без тебя, господь с тобой.

А.

3 марта, вечером

212

8 марта 1913. <Петербург>

Милая, я иду сейчас на «Золото Рейна»¹ — мамин абонемент (мама была на моем, потому что я только вчера начал выходить из дому). Сейчас пришел с кладбища, смотрел Митину могилу².

Вчера был месяц, как ты уехала.

Пока я сидел дома, меня многие навещали: мама, Терещенко, тетя³, Ремизов, Пяст, Клюев⁴, Ге⁵, Женья⁶, Княжнин, посторонние.

Мама получила твою карточку 6 марта. А я получил твое письмо 4-го. Завтра будет тетина «Кармозина» у Зонова⁷, мы все опять пойдем. В среду наша «Валькирия»⁸.

Может быть, я буду читать «Розу и Крест» в студенческой столовой — в пользу курсисток⁹.

Пиши мне, милая, почаще, господь с тобой.

А.

¹ Музыкальная драма Р. Вагнера.

² Могила сына Л. Д. Блок, скончавшегося в младенчестве в феврале 1909 г.

³ М. А. Бекетова.

⁴ Николай Алексеевич *Клюев* (1887—1937) — поэт, с которым Блок переписывался и встречался с 1908 г. В дневнике Блока под 4 марта 1913 г. записано: «Пришла мама, Потом *Клюев*, очень хороший, рассказывал, как живет» (VII, 227).

⁵ Николай Петрович *Ге* (1884—1920) — внук известного художника, художественный критик, давний знакомый Блока. В дневнике Блока под 5 марта 1913 г. записано: «...Обедал — Н. П. Ге. Много я ему говорил о Грибоедове» (VII, 227).

⁶ Е. П. Иванов.

⁷ «*Кармозина*» — драма А. Мюссе в переводе М. А. Бекетовой, поставленная в «Нашем театре» А. П. Зоновым. Свои впечатления от спектакля Блок изложил в следующем письме к Л. Д. Блок от 10 марта.

⁸ Музыкальная драма Р. Вагнера (по абонементу в Марининском театре).

⁹ Это чтение не состоялось. См. запись в дневнике под 20 апреля 1913 г.: «...Звонила т-те Копельман и говорила, что теперь курсистки заняты экзаменами, так что лучше отложить чтение «Розы и Креста» до осени» (VII, 238).

213

10 марта 1913 <Петербург>

Моя милая, вчера мы все были на «Кармозине»¹, и, представь себе, многое было недурно. Очень плохи мужчины, а дамы — лучше. Кармозину играла Дымшиц², и некоторые фразы говорила совсем хорошо. Она <... молоденькая, со слабым голосом, конечно, не без подражания Комиссаржевской, с неуверенными жестами. В декорациях, очень простых и дешевых, есть своеобразный вкус. В труппе, как в самом Зонове, пленяет отсутствие пошлости (кроме некоторых актеров). Видно, что очень работают и о себе много не думают. Публики было немного, но успех был настоящий, тетка³ довольна! Удивительно, что на этих актеров можно смотреть; а третьего дня еще меня оскорбляло какое-то порнографическое ломанье Ершова⁴ в «Золоте Рейна».

При всем том, из всего, что я пишу о театре Зюлова, можно вывести, что «они немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут»⁵. Однако, у меня была мысль предложить им «Розу и Крест»; мысль мимолетная. — Как-нибудь еще раз пойду в этот театр.

Милая, скучаю о тебе и беспокоюсь.

Ты когда приедешь?

Господь с тобой. Пиши мне хоть короткие письма.

А.

¹ См. примеч. 7 к письму № 212.

² См. примеч. 10 к письму № 208.

³ М. А. Бекетова.

⁴ Иван Васильевич *Ершов* (1867—1943) — оперный актер, получивший известность в ролях вагнеровского репертуара.

⁵ Цитата из басни И. А. Крылова «Музыканты».

214

13 марта 1913. <Петербург>

Моя милая, сейчас я вернулся с «Валькирии», усталый.

Третьего дня получил твое письмо, часто думаю о нем. Оно для меня — почва¹. Если мы, действительно, вместе с тобой уедем куда-нибудь летом тихо отдыхать, это лето перестает мне представляться бессмысленным и пустым. Ехать куда-то за границу одному — такая ненужность, одинокое погибание. Потом хорошо бы нам хоть ненадолго побывать в Шахматове — вместе. Мы так и не пошли гулять, потому что встретили на дворе тетю Соню² с документом из Москвы. Горло мое совсем прошло. Я гуляю, бывает солнце, иногда — необыкновенное небо. По-прежнему чаще всего вижусь с Сиринами³.

Благодарю тебя за присылку портрета, но из него видно, что ты — обыкновенной породы. Может быть, фотограф тебя обманул?

Мережковский отвечает мне в «Русском слове» (12 марта) на мои статьи в «Рус<ской> молве»⁴. Не могу прислать тебе, потому что не нашел нигде на улице «Р<усского> слова», а мое мне нужно.

«Розу и Крест», может быть, буду на днях читать Дягилеву⁵.

Господь с тобой, милая.

А.

¹ В письме от 8 марта Л. Д. Блок писала: «Милый ты мой, об лете я так и думаю — куда-нибудь с тобой поедem, будешь купаться и поправляться».

² С. А. Кублицкая-Пиотух.

³ То есть с Терешенками.

⁴ Имеется в виду статья Д. Мережковского «О черных колодцах» («Русское слово», 1913, № 59 от 12 марта), написанная в ответ на статьи Блока «Искусство и газета» («Русская молва», 1912, № 1 от 9 декабря) и «Непонимание или нежелание понять?» («Русская молва», 1912, № 15 от 23 декабря).

В последней статье Блок протестовал против упреков Д. В. Философова, который обвинял поэта в антидемократизме и отрыве искусства от жизни («Уединенный эстетизм» — «Речь», 1912, 18 декабря): «Это — утверждения Философова, к которым я, по моему убеждению, никакого повода не давал. Сознательно говорил я о *вульгарном*, метя именно в него, а не в демократию, о которой памятовал. (...) То, что можно разумеет под демократией будущего, подобно радио; так мало этих веяний в мире, так легко они улечиваются. Люди, которые будут жить после нас, назовут это, вероятно, другим именем, — священным. Но недаром Карлейль говорил так призывно о демократии, опоясанной бурей» (V, 482). Цитата — из книги Т. Карлейля «Французская революция» (СПб., 1907, стр. 31).

В ШАХМАТОВЕ ЗА ЧАЙНЫМ СТОЛОМ

Справа налево: Блок, И. Д. Менделеев, Ф. А. Кублицкий-Пиоттух, А. А. Кублицкий-Пиоттух, А. А. Кублицкая-Пиоттух, С. А. Кублицкая-Пиоттух, Л. Д. Менделеева-Блок, М. А. Бекетова

Фотография, 1909

Собрание В. Н. Орлова, Ленинград

⁵ Сергей Павлович *Дягилев* (1872—1929)— художественный и театральный деятель, один из руководителей творческого объединения «Мир искусства», организатор русских художественных выставок и театральных выступлений за границей. Чтение «Розы и Креста» С. П. Дягилеву не состоялось. См. запись о Дягилеве (со слов М. П. Терещенко) в дневнике Блока под 12 марта 1913 г. (VII, 230).

215

17 марта 1913 г. <Петербург>

Моя милая, сейчас я получил твоё письмо. Как-то мне очень грустно эти дни, было тревожно, теперь грустно. Ничего я особенного не делаю и не могу делать.

Пиши мне почаще, хоть коротко, если долго ещё не приедешь. Скучаю по тебе.

Господь с тобой, милая ¹.

А.

¹ В ответ на это Л. Д. Блок написала 20 марта: «Лалака мой дорогой, получила твоё письмо — ты пишешь, что грустно тебе. Милый, милый Лала, как я хочу, чтобы тебе не было грустно из-за меня, чтобы ты думал о моем отсутствии легко, — ведь ты же знаешь, что я вернусь и лето мы проведем вместе, товарищами. Я думаю о тебе всегда; сегодня утром читала «Ночные часы» и, конечно, проливала обильные слезы. Лала мой, но сейчас я еще не приеду».

20 марта 1913. <Петербург>

Милый мой друг, я тревожусь о тебе, не знаю, как и зачем ты там живешь.

Вообще тревожусь. Бывает грустно и спутанно все.

Сейчас звонила Муся¹, спрашивала, вернулась ли ты? — Не понимаю, что им надо.

22-го у Мейерхольда собрание. Прислана записка на наши имена, там сказано:

«Милостивая дама и кавалер!

Три чудака нашли у знакомого старьевщика клочки истлевшего сценария под названием «Любовь к трем апельсинам»².

Не угодно ли Вам послушать, что из этого вышло.

Надоело это порядочно.

Если пойду, то с М. И.³ Если он не пойдет, пожалуй, я испугаюсь.

Вчера Княжнин тоже осведомлялся, приехала ли ты.

Солнце, днем бывает почти жарко, а по ночам — прохладно, и Нева все еще стоит.

Господь с тобой, моя милая, пиши чаще, пиши.

А.

На столе у меня опять цветы — большой букет от какой-то дамы. Повидимому, — от Щеголевой⁴. Я наугад послал ей в ответ тоже цветы.

¹ М. Д. Менделеева, сестра Л. Д. Блок.

² «Любовь к трем апельсинам» — дивертимент, сочиненный К. А. Вогаком, В. Э. Мейерхольдом и В. Н. Соловьевым по сценарию итальянского драматурга Карло Гоцци. Эта пьеса была опубликована в феврале 1914 г. в первой книжке журнала «Любовь к трем апельсинам», издававшегося В. Э. Мейерхольдом.

³ М. И. Терещенко.

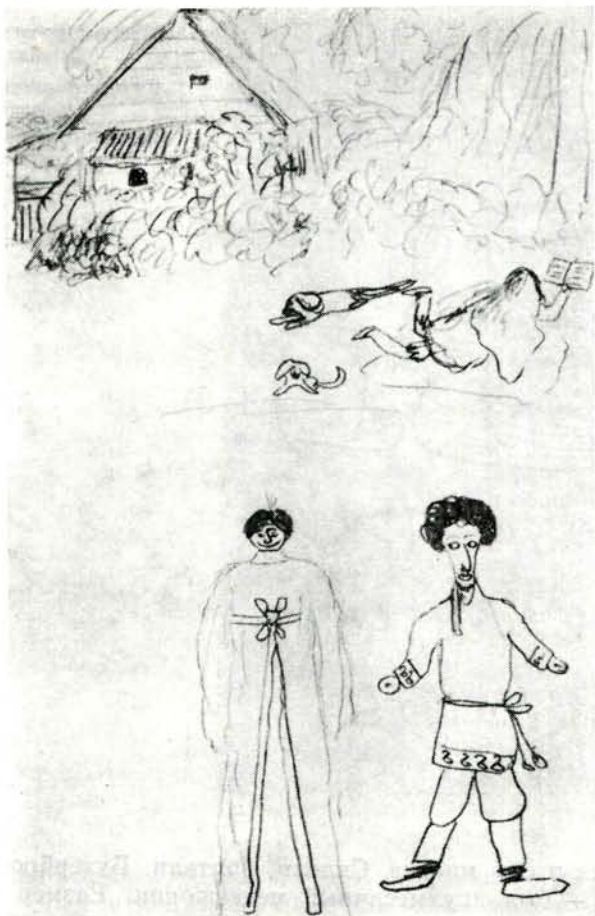
⁴ Валентина Андреевна Щеголева (Богуславская) (1878—1931) — драматическая актриса, адресат «Трех посланий» Блока (1908—1910).

22 марта 1913. <Петербург>

Милая, мне стало жить совсем горько. Жить тяжело, все враги кругом. Самый жестокий вид гонения — равнодушие¹. Я очень устал и изнервничался. Твоя жизнь там меня тревожит и заботит. Не знаю, почему ты там, на меня оттуда веет забвением всего и смертью. Приехала бы; весна, я тебя бы покатал и сладкого тебе купил. Ты даже почти не пишешь. Господь с тобой.

А.

¹ 11 марта 1913 г. в «Дневнике» Блока записано: «Меня же злит и беспокоит все связанное с «литературной жизнью»: (...) Все говорят об оздоровлении, об «оживлении», о «нравственности». Пройдет год, *** удесятерятся. Они будут «бодро», много и бездарно писать во всех пятидесяти толстых журналах, которые родятся к тому времени. Критики же будут опять (как сегодня Вл. Гиппиус в «Речи») обмозговывать, «что случилось». Случилось... — бездарность, она, матушка. Все, кажется, благородно и бодро, а скоро придется смертельно затосковать о предреволюционной «развратности» эпохи «Мира искусства»... Пройдет еще пять лет, и «нравственность» и «бодрость» подготавливают новую революцию (может быть, от них так уж станет нестерпимо жить, как ни от какого отчаяния, ни от какой тоски)... (...) То, что называют «жизнью» самые «здоровые» из нас, есть не более, чем *сплетня о жизни*. Я не скулю, напротив, много светлых мест было в эти дни. Бисние сердца о милой» (VII, 228—229).

ШУТОЧНЫЙ РИСУНОК БЛОКА: БЛОК И Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК В ШАХМАТОВЕ
(1904—1905)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

В заметке, сделанной в день отправления данного письма, 22 марта, читаем:

«По всему литературному фронту идет очищение атмосферы. Это отраднo, но и тяжело также. Люди перестают притворяться, будто «понимают символизм» и будто любят его. Скоро перестанут притворяться в любви и к искусству. Искусство и религия умирают в мире, мы идем в катакомбы, нас презирают окончательно. Самый жестокий вид гонения — полное равнодушие. Но — слава богу, нас от этого станет меньше числом, и мы станем качественно лучше.

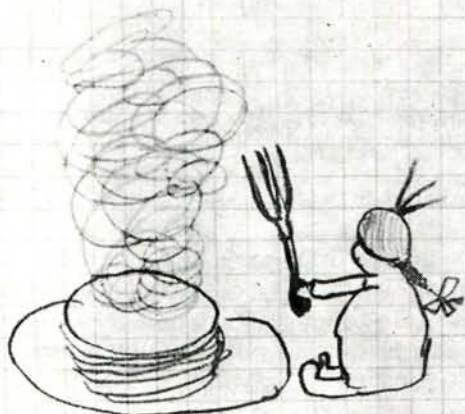
Тревожит и заботит Люба. Я буду, кажется, просить ее вернуться» (VII, 231—232).

Милая, вчера, чтобы разогнать тоску, пошел я к Мейерхольду один (Терещенку и Ремизова не звали). «Любовь к трем апельсинам», составленная Мейерхольдом, Соловьевым и Вогаком по сценарию Гоцци¹, не произвела никакого впечатления: сухо и пестро. Были там Валентина Петровна², Пяст, Мосолов³, Соловьев, два Бонди⁴, Ярцев⁵, Юрьев⁶, Ракитин⁷, Пронин⁸, Лозинский⁹, Левинсон¹⁰, какие-то актрисы дека-

«ЛЮБА ПРИГOTOВЛЯЕТСЯ
ПОКУШАТЬ»

Шуточный рисунок Блока с его
надписью

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

ЛЮБА ПРИГО-
ТОВЛЯЕТСЯ
ПОКУШАТЬ

дентского вида и еще многие. Сидели, болтали. Бутерброды были, как у нас. Главное — был двухмесячный медвежонок. Размер его — вершков шесть. На руках у меня визжал и свистел; во время чтения ревел в кухне, потом пил молоко, стоя и держа бутылку в руках, ночью все не мог заснуть, играл с бумажкой. Вообще, показал свою полную миленькость во всех отношениях.

Мейерхольды усталые, 28-го уезжают в Париж.

Вчера я получил очень замечательное письмо от какой-то дамы, оно меня поддержало.

А ты думаешь приехать? Господь с тобой, милая.

А.

Мне бы хотелось еще устроить одно чтение пьесы¹¹, чтобы ты присутствовала.

¹ См. примеч. 2 к письму № 216.

² Валентина Петровна *Веригина* (1882—1974)—драматическая актриса, подруга Л. Д. Блок.

³ Борис Сергеевич *Мосолов* (1888—1941)—филолог, секретарь редакции журнала «Старые годы», театрал, близко стоявший к кругу В. Э. Мейерхольда.

⁴ См. примеч. 5 к письму № 210.

⁵ Петр Михайлович *Ярцев* (1871—1930)—режиссер, работавший с В. Э. Мейерхольдом в театре В. Ф. Коммиссаржевской, театральный критик.

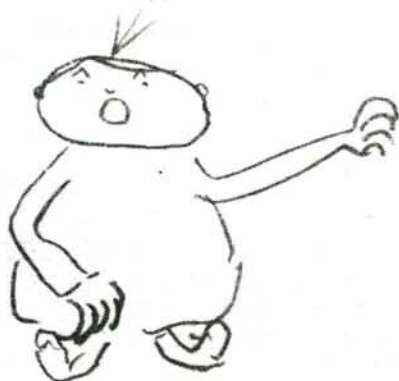
⁶ Юрий Михайлович *Юрьев* (1872—1948)—драматический актер.

⁷ Юрий Львович *Ракитин* — драматический актер и режиссер; после Октября — эмигрант.

«ЛЮБА СЛУШАЕТ РАССКАЗ ОБ
АНТИКИТЕ»

Шуточный рисунок Блока с его
надписью

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

ЛЮБА СЛУ-
ШАЕТЪ РАЗ
СКАЗЪ ОБЪ
АНТИКИТЪ.

⁸ Борис Константинович *Пронин* (1875—1946)— драматический артист, органи-
затор литературно-артистических клубов «Бродячая собака» и «Привал комедиантов».

⁹ Михаил Леонидович *Лозинский* (1886—1955)— поэт, впоследствии известный
переводчик.

¹⁰ Андрей Яковлевич *Левинсон* (1887—1933)— художественный и театральный
критик; после Октября жил за рубежом.

¹¹ «Роза и Крест».

219

<23 марта 1913. Петербург>

Милая, я запечатал письмо к тебе и получил твое.

Беспокойно и грустно. Верно, ты и к пасхе не думаешь приехать.
Ну, господь с тобой.

А.

220

Телеграмма

29 марта 1913. Петербург¹

Телеграфируй очень беспокоюсь².

¹ Дата телеграфного бланка.

² В тот же день Л. Д. Блок телеграфировала: «Милый не беспокойся все благопо-
лучно господь с тобой Л ю б а» и послала письмо, в котором, между прочим, писала:
«Я была бы рада тебя видеть, *очень рада*, мой Лала, но на другой же затосковала
бы о том, что бросила бы, м. б., навсегда, и жизнь наша была бы совсем не такая, как
может быть у нас, а с моими постоянными «надутыми рожками» и нервными гримасами,

кот(орые) тебя совершенно выбивают из колеи. Помни, Лала, что лето я хочу провести с тобой, и так и будет, и после лета вернемся вместе в Петербург. Господь с тобой, мой родной, прости за то, что мучаю тебя, прости, п(отому) ч(то) знаешь, что я тебя люблю и что все, что во мне есть и было хорошего, все я отдала тебе.

221

30 марта 1913. <Петербург>

Милая, сегодня я получил твои телеграмму ¹ и письмо ². Пусть будет по-твоему, я не буду ждать тебя к пасхе.

Событий нет. 4-го апреля буду читать «Розу и Крест» в первом заседании нового общества (близкое участие принимают Недоброво и т. д.). Будет много народу, между прочим, все те, кому я давно собираюсь прочесть пьесу ³.

Событий нет, я говорю, потому что все омрачилось и за туманом не разобрать, с кем что делается ⁴. И в природе был эти дни тоже туман — желтый, от ледохода ⁵.

Сегодня опять солнце.

Господь с тобой, моя милая.

А.

¹ Телеграмма от 29 марта. См. примеч. 2 к письму № 220.

² Письмо от 27 марта, которое приводим полностью: «Дорогой мой Лалалка, получила твои письма. Милый, я не хочу еще уезжать отсюда. Я думаю, что в сущности ты понимаешь, как и почему я здесь, и пишешь о «забвении всего и смерти» только под влиянием того, что тебе очень скверно в ту минуту. Ты знаешь тоже, что если бы я почувствовала, что я *должна* быть у тебя, я могла бы разбить все свое и уехать к тебе, п(отому) ч(то) я люблю тебя и могу себя забыть для тебя. Но и ты меня любишь и отпустил меня сюда, и я так тебе за это «благодарна» (глупое слово, но я его чувствую всем существом). Ты не захотел отнять у меня счастье, которое судьба вдруг мне послала, — зачем, почему, что это? разве я знаю. Я только знаю, что это — не смерть, и не забвение, и совсем, совсем не измена тебе, п(отому) ч(то) это хорошее, п(отому) ч(то) связь с тобой я тут знаю, куда лучше, чем все последние годы рядом с тобой. Милый, я очень неуклюже говорю, но посмотри на эти все слова, как на условные знаки, которыми я стараюсь тебе сказать то, что, опять-таки, думается мне, ты сам знаешь. Господь с тобой, мой родной Лала, целую тебя. Б.»

³ Имеется в виду «Общество поэтов», организованное поэтом и критиком Николаем Владимировичем Недоброво (1884—1919). Собрания этого общества, на которых читались стихи и доклады о поэзии, происходили вплоть до середины 1914 г. (см. неполный перечень докладов и выступлений в «Письмах Александра Блока». Л., 1925, стр. 212—213). В «Дневнике» Блока отмечено «... 4-го — чтение «Розы и Креста» в тяжелой обстановке. Успех. Присутствовало 70 человек» (VII, 235).

⁴ В эти дни, как видно из дневника Блока, внимание его привлекли, в частности, два диспута: о современной живописи и о новейшей поэзии, устроенные 23 и 24 марта 1913 г. футуристическим «Союзом молодежи». На первом с докладом выступил Д. Бурлюк, на втором — В. Маяковский. В докладе «Пришедший сам» Маяковский резко критиковал символистов, в том числе — поэзию Блока. «Эти дни, — пишет Блок, — диспуты футуристов, со скандалами. Я так и не собрался. Бурлюки, которых я еще не видал, отпугивают меня<....> Футуристы в целом, вероятно, явление более крупное, чем акмеизм<...>

Футуристы прежде всего дали уже Игоря Северянина. Подозреваю, что значителен Хлебников. Е. Гуро достойна внимания. У Бурлюка есть кулак. Это более земное и живое, чем акмеизм» (VII, 232).

⁵ Запись в «Дневнике» Блока 30 марта: «Дни невыразимой тоски и страшных сумерек — от ледохода, но не только от ледохода. Вчера, беспокоясь, послал милой телеграмму, а сегодня получил ответ <...> Сегодня же получил письмо о *счастье*» (VII, 234—235). См. выше — примеч. 1 и 2.

БЛОК

Фотография, 1911

Литературный музей, Москва

222

5 апреля 1913. <Петербург>

Моя милая, я получил твои письма. Господь с тобой, я много думаю о тебе и, что думаю, не сказать словами.

Вчера я читал «Розу и Крест» среди врагов, светских людей, холодных «нововременцев»¹. Внутренне очень боролся и, кажется, победил. Мне помогало присутствие близких — мамы и тети², Терещенок, Ремизовых, Пяста — и некоторых людей, сочувствующих мне. Всего было человек до ста — в актовом зале шестой гимназии. Думаю, что буду читать еще раз — в пользу курсов³.

Столяр Гофман пишет, что стулья готовы. Если ты мне напишешь, сколько их, сколько за них платить и что с него требовать, я ему скажу, чтобы доставил, и заплачу.

Напиши мне. Мож^{ет} быть, я уеду куда-нибудь на часть Страстной и Пасхи, но, может быть, и нет; потому ты все-таки напиши мне.

Мне было тяжело эти дни, но сегодня я чувствую возбуждение от борьбы и думаю, что был вчера живым среди мертвых. Да, путь еще верный пока.

Господь с тобой, милая.

А.

¹ См. примеч. 3 к письму № 221.

Об этом вечере мать Блока писала приятельнице, М. П. Ивановой, 6 апреля 1913 г.: «Вот Саллино чтение было в такой неожиданной обстановке лакированных ботинок, белых гвоздик и страшных личин светского разврата. Раскрашенные женские лица, наряды, улыбки. Мы, простые люди, чающие воскрешения, жались друг к другу в тоске. А на меня и, оказывается, и на Ремизова, смятение находило. Саша прорезал этот зараженный воздух своими стихами о Кресте, горящем над вихрями, о радости страдания».

² М. А. Бекетова.

³ См. примеч. 9 к письму № 212.

223

10 апреля 1913. <Петербург>

Милая, сейчас я получил твое письмо. Не знаю, уеду ли я. Мне тяжело.

Летом я хотел бы купаться в Адриатическом море, где-нибудь около Римини, или — на противоположном берегу. Это советует доктор. Впрочем, все это зависит от тебя, где и как ты будешь.

На днях мне звонил г-н Всеволодский ¹ и спрашивал, дома ли ты. Сегодня он опять звонил без меня и спрашивал Сашу ² твой адрес, который она не сказала, так как я не велел говорить. Он оставил номер своего телефона и просил передать тебе, что, по просьбе Мейерхольда, может устроить тебя «играть» на лето. Пожалуйста, ответь мне относительно этого господина и относит^{ельно} столера.

Я, наверное, не уеду на праздники, решил сейчас.

Уеду, может быть, после, — не знаю ³.

Господь с тобой.

А.

¹ Всеволод Николаевич Всеволодский-Гернгросс (1882—1962) — историк русского театра.

² Саша — прислуга.

³ В этот же день, 10 апреля, Блок записал в дневнике: «Я купил путеводитель по Новгороду, но решил не уезжать до Пасхи» (VII, 236).

224

15 апреля 1913. <Петербург>

Милая, ты опять долго не пишешь мне.

Праздник прошел тихо. В субботу ночью ¹ я ходил с мамой и Францем по Исаакиевской площади. Ночь была теплая и туманная. Здесь совсем весна, днем бывает жарко. — В воскресенье обедал у мамы и вечером сидел. Сегодня иду к Ремизовым поздравлять их, там будут Терешенки.

Сегодня утром мне звонила Анна Ивановна ², спрашивала твой адрес. Я сказал ей (любезно), что не знаю, и поздравил ее с праздником.

Веригина была у мамы на днях, говорила, что они не оставляют мысли о «студии Мейерхольда», ищут денег и имеют какие-то в виду, а Мейерхольд уехал ³ с надеждой, что с осени у него будет «студия».

Люба с визитом у мадам
Аничковой

«ЛЮБА С ВИЗИТОМ У МАДАМ АНИЧКОВОЙ»

Шуточный рисунок Блока с его надписью

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Еще говорят, что отцу Мгеброва предлагают уйти в отставку — из-за сына ⁴.

Вот все, что я знаю о твоих знакомых. Напиши мне, отвечать ли «г. Всеволодскому» ⁵ и что ответить столяру.

Мое отношение ко всему этому ⁶ ты знаешь. Ты напиши мне, главное, о себе самой, независимо от всего, что я считаю посторонним тебе. Можешь ли ты хоть приблизительно решить, каково будет твое лето, где и с кем ты хочешь быть. — Я пишу это и думаю, что пишу напрасно, и ты все равно не можешь ответить.

Господь с тобой.

А.

¹ В пасхальную ночь. В дневнике Блока под 13 апреля записано: «Крестный ход был меньше, жандарм раздавил человека, ночь была прекрасна и туманна. Празднично было» (VII, 236).

² А. И. Менделеева, мать Л. Д. Блок.

³ В Париж.

⁴ Александр Авелевич Мгебров (1884—1966) — драматический актер, играл в Художественном театре, в театре В. Ф. Коммиссаржевской, в Старинном театре, в театре «Товарищество» 1912 г., в студии В. Э. Мейерхольда. Выходец из военной среды, окончивший кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. А. А. Мгебров сблизился с революционно настроенной молодежью и в 1905 г., будучи уже артиллерийским офицером, принял непосредственное участие в революционных событиях — в Петербурге и на Кавказе. Результатом этого явился длительный политический процесс, тянувшийся до 1913 г. Мгебров был арестован, судим военным судом и приговорен к расстрелу, от которого ему благодаря хлопотам отца, видного генерала, удалось спастись и затем выбраться за границу. Осенью 1910 г. по возвращении из-за границы, Мгебров был снова арестован и находился в тюремном заключении до весны 1911 г. Выйдя из тюрьмы, он очутился в очень тяжелом материальном положении, и в это время Блок оказал ему существенную поддержку. «В те дни светлым призраком вырос на моем пути Блок, широко и человечно подойдя ко мне, — пишет А. А. Мгебров

в своих воспоминаниях. — Он единственный протянул мне руку помощи, даже не зная меня хорошенько и только уважая как художника, попавшего в бесконечно нелепую и ненужную беду. Блок предложил некоторую сумму денег, чтобы облегчить положение...» (А. А. Мгебров. Жизнь в театре, II. М. — Л., 1932, стр. 224). На этом злоключения Мгеброва, однако, не кончились: в середине апреля 1913 г. он был снова арестован и в дальнейшем судим и приговорен к ссылке навечно, но и на этот раз благодаря хлопотам отца приговор был отменен «за давностью преступления» (см. там же, стр. 226—229).

⁵ См. письмо № 223. В письме от 14 апреля Л. Д. Блок писала: «Г-ну Всеволодскому я прошу очень ответить *очень вежливо* и любезно, хотя бы через Сашу, что я уже своим летом не располагаю и очень благодарю за внимание и т. п.»

⁶ Имеется в виду актерская деятельность Л. Д. Блок.

225

18 апреля 1913. <Петербург>

Милая, ты хочешь, чтобы я написал тебе точно о лете, т. е., «что я хотел бы».

С конца апреля до конца мая я буду лечиться. В конце мая доктор велит сейчас же ехать купаться в море; думаю — около Римини. После купанья (месяц? — не знаю) советует ехать в горы (Карпаты в Галиции; этого я не знаю). После этого — я всего меньше знаю. Думаю, что хорошо бы побывать в Шахматове, а, по дороге, в Петербурге проездом увидеться с Терещенко, который будет здесь в июле. Наконец, возвращение в Петербург осенью для меня — самое больное место, так как Терещенко будет жить б<ольшую> ч<асть> будущей зимы в Киеве, а я без него Петербурга боюсь и предчувствую ужасную зиму. А так как все лето, как я его описал выше, предназначается для того, чтобы «отдохнуть» и подготовиться к зиме, то и лето мне представляется достаточно бессмысленным: подготовляться приходится к тому, чтобы набраться сверхъестественных сил, ибо меня будут, так сказать, травить прямо и косвенно *все* обстоятельства моей жизни.

Думать обо всем этом без ненависти я не могу, потому пора прекращать письмо.

Господь с тобой.

А.

Это я не послал, но ответил 21-го — письмом, м. б., еще более нервным¹.

¹ Эта приписка к непсланному письму была сделана позже.

226

21 апреля 1913. <Петербург>

Милая, сейчас я ждал Станиславского — читать «Р<озу> и К<рест>». Он прихворнул и не пришел. На днях, может быть, завтра — придет. Это очень важно для меня и *внутренно* (а, мож<ет> быть, и внешне) решит *все*: я способен верить *только ему лично* (в театре), остальное меня просто бесит — и твой Мейерхольд в том числе. Если Станиславский найдет возможность *сам* поставить и играть пьесу, я буду спокоен за все окружающее его (он — центр). Если нет, я опять закопаюсь в свою мурью, как все последние годы, буду писать до времени для себя, про себя, одного (хотя бы и пьесы)¹. Положение театральное — и мое в частности — очень тяжелое, но я ничего не скрываю от себя, ни на какие половинки не пойду.

Если бы ты была сейчас здесь, мне было бы легче. Но ты вот уже 2 1/2 месяца «где-то», очевидно, меняешься, очевидно, вовсе забываешь *все*. Три дня назад я получил твое письмо, хотел ответить, но очень волновался и не ответил. Волнуюсь и теперь. Но — все равно, надо ответить. Ты спрашиваешь о лете. Мало знаю об этом, это зависит от того, какая ты. Весь

«ЛЮБА ИСПОЛНЯЕТ НАЗНАЧЕНИЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ»

Шуточный рисунок Блока с его надписью

На календаре: «1 янв. 1950», на часах — 12

Центральный архив литературы и искусства. Москва

май я буду лечиться. В конце мая доктор велит ехать купаться в Средиземном море. Потом — в горы (Карпаты? Галиция?). Хорошо бы попасть в Шахматово. А впрочем, почему я знаю все это? *Осень* в Петербурге, начало того сезона, для меня — самое болезненное, самое неизвестное. Видел я на днях твою Веригину (у мамы), слышал проекты о «студии» г-на Мейерхольда, который, не зная ни слова по-французски, поехал ставить французскую пьесу в Париже ² (*отношение к слову* — NB!). Все, все грозит мне несчастьем и бедой той осенью — и твои сухие и торопливые вопросы прежде всего, и то, что тебя окружает (здесь и в Базарном тупике ³), и все, что может и будет меня отравлять в ту зиму.

Г-ну Всеволодскому отвечено через прислугу. Г-ну Гофману ответил я.

Я думал, подожду несколько дней, и отвечу спокойнее. Но нет, не выходит. Все — живая рана, посыпаемая солью. Господь с тобой.

А.

¹ Московский Художественный театр в это время гастролитировал в Петербурге. Ср. записи в дневнике Блока от 20 апреля 1913 г.: «После обеда <19 апреля>, на холодном закате, я снес письмо К. С. Станиславскому с просьбой выслушать «Розу и Крест» в присутствии А. М. Р<емизова> только... <20 апреля> посыльный принес необыкновенно милый ответ от К. С. Станиславского. Может быть, он придет завтра слушать «Розу и Крест»... Все утро прождал я К. С. Станиславского. В 1-м часу позвонил он — жар, боится, послал за градусником — будет сидеть дома, может быть, — завтра <...> Как всегда, *вокруг центрального*: пока ждал Станиславского, звонок от Зверевой, которая хорошо знает одного из режиссеров студии Художественного театра — *Вахтангова*. Хочет познакомиться, хочет ставить «Розу и Крест» с «любимым художником — Бенуа, Рерих» (!!??). Это через третьи руки, и этот «бабий» голос. Нервит и путает. Нет, решаю так:

пока не поговорю с Станиславским, ничего не предпринимаю. Если Станиславскому пьеса понравится и он найдет ее театральной, хочу сказать ему твердо, что довольно насмотрелся я на актеров и режиссеров, недаром высидел последние годы в своей мурье, никому не верю, кроме него одного. Если захочет — ставил бы и играл бы сам — Бертрана. Если *коснется пьесы его гений*, буду спокоен за все остальное. Ошибки Станиславского так же громадны, как и его положительные дела. *Если не хочет сам он*, — я опять уйду в «мурию», больше никого мне не надо. А Вахтангов — самая фамилия приводит в ужас. Буду писать до времени — про себя, хотя бы и пьесы. Современный театр болен параличом — и казенный (Мейерхольд; ведь *«Электра» прежде всего — БЕЗДАРНАЯ ШУМИХА*). Боюсь всех Мейерхольдов, Гайдебуровых (не видал), Обводных каналов (Зонов не в счет), Немировичей, Бенуа...» (VII, 238—239).

Через три года (в марте 1916 г.) Блок сделал ряд заметок о том, какой должна быть постановка «Розы и Креста» в Художественном театре. Он, в частности, писал: «Выяснить, чем я могу быть полезен при постановке «Розы и Креста». Одним из главных моих «вдохновений» была *честность*, т. е. желание не провраться *«мистически»*. Так, чтобы все можно было объяснить *психологически*, «просто». События идут, как в жизни, и если они приобретают *иной* смысл, символический, значит, я сумел углубиться в них» (ЗК, 285).

² В. Э. Мейерхольд ставил в Париже трагедию Г. д'Аннунцио «Пизанелла».

³ *Базарный тупик* — житомирский адрес Л. Д. Блок.

227

22 апреля 1913. <Петербург>

Милая,

вчера я написал тебе письмо нервное и озлобленное, а потом так тебя жалел, кровать твою вечером окречивал. Ты меня прости, мне теперь трудно все переносить. Когда-то ты ко мне возвратишься. И как мы лето проведем — и зиму.

Господь с тобой, милая.

А.

228¹<23 апреля 1913. Петербург>²

Я открыл, потому что увидел почерк.

Хорошее письмо.

Ты не пишешь давно.

¹ Это — приписка карандашом на вскрытом Блоком письме прислуги Паши, которая писала Л. Д. Блок, что у нее родился сын и как проходили роды.

² Дата почтового штемпеля.

229

29 апреля 1913. <Петербург>

Милая, ты ничего мне не пишешь. Я ничего не знаю о тебе, думаешь ли ты возвратиться, как и чем ты живешь.

Третьего дня у меня был Станиславский. Он сидел у меня *девять* часов подряд, и мы без перерыва говорили. Он прекрасен, как всегда, конечно. Но вышло так, оттого ли, что он очень состарился, оттого ли, что он полон другим (Мольером), оттого ли, что в нем нет моего и мое ему не нужно, — только он *ничего не понял* в моей пьесе, совсем не воспринял ее, ничего не почувствовал. Он даже извинялся, боялся мне «повредить» и т. д., говорил, что он не понял и четверти, что надо считать, что я ему рассказал только схему (я ему рассказывал уже после чтения все сначала, разжевывая, как ребенку, кое-что он понимал — холодно — фантазировал, представлял —

«ЛЮБА ЗА ЧТЕНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКИХ НОВОСТЕЙ. 7.I 1910.
REWAL»

Шуточный рисунок Блока с его надписями

Центральный архив литературы и искусства, Москва

7.I 1910.
Rewal.

Люба за чтением
политических
новостей

по-актерски, доходил даже до пошлости иногда). Он много рассказал мне о своей студии, работу которой я пойду сегодня смотреть с мамой.

С<таниславский> не «повредил» мне, моя пьеса мне нравится, кроме того, я еще раз из разговора с С<таниславским> убедился, что она — правдива. А все-таки — горько. Опять писать, держа все «под спудом», кругом — травля от старых и от молодых, тесный, тесный круг близких, непонимание тех, кто мог бы понять, полная неизвестность относительно жизни, и ты — далеко ¹.<...>

Если б можно было узнать, когда кончится твое безвестное отсутствие. Господь с тобой.

А:

Из твоего письма (неделю назад) я узнал только, что ты опять что-то подозреваешь о маме, чего нет, опять какая-то ненужная путаница — «вечное возвращение» ².

¹ Подробно о своей встрече с К. С. Станиславским и о чтении ему драмы «Роза и Крест» Блок рассказал в дневнике 27 апреля (VII, 240—245). Итогом грустных размышлений Блока после этой встречи служит его запись в дневнике от 29 апреля: «Печально все-таки все это. Год писал, жил пьесой, она правдивая. Баяны, Котляревские. Неведомские, Батюшковы, Яблоновские, будто сговорившись, объясняют успех футуристов тем, что «мы» («символисты» что ли) — гнилые, дряхлые. С них я не требую сочувствия. Но пришел человек чуткий, которому я верю, который создал великое (Чехов в Художественном театре) и ничего не понял, ничего не «принял» и не почувствовал. Опять, значит, писать «под спудом». «Свои» стараются (Станиславский. Философов — брюжжит, либеральничает. Мережковский читает доклады о «Св. Лье», одинаково компрометируя Толстого и святых. Гинзбург строчит свои бездарные религиозно-политические романы. А. Белый — слишком во многом нас жизнь разделила). М. И. Т<ерещен-

29 X
1911

Любв.

АЛЕКСАНДР БЛОКЪ

БЛОК. «НОЧНЫЕ ЧАСЫ»

М., «Мусагет», 1911

Обложка с дарственной надписью
Блока: «Любе 29 X 1911»Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Ночные часы

Четвертый сборник стихов

(1908—1910).

Книгоиздательство «Мусагетъ»
Москва—МСИХИ

ко» уходит в свои дела, хотя бы и временно. Остальных просто нет для меня — тех, которые «были» (Вячеслав Иванов, Чулков...)» (VII, 245—246).

² Л. Д. писала Блоку 22 апреля: «Я помню, что завтра мамины именины, но не поздравляю ее — м(ожет) б(ыть), она случайно не ответила на мою карточку к рождению, а, может быть, ей и неприятно». «Вечное возвращение» — термин Ф. Ницше.

230

29 апреля 1913. <Петербург>

Милая, я только запечатал письмо к тебе и сейчас же получил твое.

Неужели ты не приедешь *прежде* конца мая и совсем не поживешь со мной? Во-первых, мне совсем постыла эта пустая квартира. Во-вторых, надо же хоть сообразить все, опомниться. Я тут без тебя прожил долгую и трудную жизнь, от которой ты — за тридевять земель (опять волнуюсь и мучусь; эти вздорные слова должны идти тысячу верст, через две недели я получу ответ — опять не о том, что меня волнует, опять — из какой-то *летаргии*; с ума можно сойти; мне вовсе не сладко) <...>

Куда ехать и когда, я не знаю. И не хочу знать (после этого ты опять будешь ждать «ласкового письма», какое пишется, когда в человеке еще, и еще, и еще раз все перевернулось вверх дном, и застыло в нежности, а душа... непоправимо устает и стареет от стужи, от неизвестности, от *сна близких*). «Просто нервы»... — нет, не просто ¹.

О Станиславском я написал утром. О Мейерхольде — лучше не будем говорить. Двух пудов соли я с этим вторым Чулковым не съем ². Мне не надо прирожденных плагиаторов с *убогим содержанием души*, но с впечатлительностью, которая производит впечатление таланта. Буду, насколько хватит сил, работать «про себя». А когда станет невтерпеж — сопьюсь.

«Станиславский «сейчас» лучше, чем Мейерхольд!» (твои слова). Да ты очнись, пойми, до чего вы все заврались, не отличаете бриллианта от бутылочного стекла! Тоже — художниками хотите быть. А ведь, наверное, все там рассуждаешь о «театре», пожалуй еще, о «новом театре» (пошлые шаблоны, слова до дыр протертые, одно решето осталось).

Конечно, в моих словах есть и нервы, но не они одни — ты знаешь. Если бы ты приехала, хоть в середине мая.

Господь с тобой, милая.

Ответь мне.

А.

⟨На обороте⟩ Май на печатке — «товарищи»³.

¹ Л. Д. Блок писала 26 апреля: «...Как хорошо, что ты меня пожалел, написав то письмо. Я им совсем расстроилась и очень мне было тяжело, сколько я себе ни говорила, что тут много просто нервов».

² В том же письме от 26 апреля Л. Д. Блок спрашивала: «Что-то со Станиславским? Я знаю, как тебе это важно — что он скажет, и очень жду. И думаю теперь, что *сейчас* — он лучше, чем М(ейерхоль)д, п(отому) ч(то) с М(ейерхоль)дом надо бы сначала два пуда соли съесть, тогда бы его талантливость можно было повернуть, куда тебе надо».

Несколько ранее, 27 марта 1913 г., Блок записал о Мейерхольде: «...Мейерхольд сам, по-видимому, сомневается в себе все более. Их самих мучит их сухая пестрота, они ломаются с «театральностью» в открытую дверь и никак не хотят понять, что *человечность* не только не убьет, но возвысит и осмыслит правдивое в их «исканиях» (VII, 234).

³ В то время при заклеивании писем Блок пользовался своими печатями, на которых, кроме названий месяца, были различные изображения. (На майской печати — две фигуры — «товарищи».)

231

1 мая 1913. ⟨Петербург⟩

Милая, третьего дня мы с мамой смотрели «Гибель «Надежды» Гейерманса¹ в Студии Моск(овского) Худ(ожественного) театра. Пьеса довольно фальшивая, но игра превосходная. Напоминает первые времена Худож(ественного) театра. Все почти играют хорошо, но главное — ансамбль. Все сделано без помощи старших, только все воспитаны в той строгой дисциплине, которая только Худ(ожественному) т(еатру) свойственна. В публике — слезы. После постановок Мейерхольда и Зюлова — отрадное чувство творческой работы, твердой почвы и заслуженного успеха. Мне было интересно следить за тем, как пользуются актеры приемами, которые подробно разъяснил мне Станиславский. В студии я встретился с Вл. Немировичем-Данченко, и, в весьма любезной форме, дал ему понять все, что думаю о нем (разговор был о «Розе и Кресте», котор(ую) он хотел узнать). Думаю, что путь в Худ(ожественный) т(еатр) мне закрыт окончательно, и сейчас мне очень тяжело от многого, и от этого тоже.

Очень жаль, что ты не видала студии и не увидишь. Там бы можно научиться чему-нибудь путному. Во всяком случае, дух *работы* (единственно поучительный) существует только там; а все остальное (и Мейерхольд особенно) — одно невежественное нутро.

Я пойду непременно посмотреть также и «Праздник примирения» Гауптмана (другой режиссер — тоже молодой)².

Кроме того, мне дадут билет на Мольера³.

Напиши мне, не приедешь ли ты в половине мая(...)

Господь с тобой, милая. Снег идет.

А.

11-го приезжает из Волынской губернии А. Белый с женой.

¹ Герман Гейерманс (1864—1924)— голландский драматург и романист натуралистического направления, социал-демократ, автор драмы из жизни рыбаков «Гибель Надежды» (1900), шедшей с большим успехом в студии Московского Художественного театра в постановке Р. В. Болеславского и Л. А. Сулержицкого. Из актеров, участвовавших в спектакле, Блок особо выделил М. А. Чехова и Б. М. Сушкевича (см. VII, 246). Блок вторично смотрел этот спектакль 7 мая, вместе с М. И. Терещенко (VII, 249).

² «Праздник примирения» («Праздник мира»)— драма немецкого драматурга Герхарта Гауптмана (1862—1946), шла в студии Московского Художественного театра в постановке Е. Б. Вахтангова.

³ На спектакль «Мнимый больной».

232

2 мая 1913. <Петербург>

Милая, сегодня по телефону спрашивал г. Сазонов ¹, в Петербурге ли ты. Я ответил, что ты будешь в конце мая, но сам думаю, что ты будешь прежде — в середине.

Пиши мне, мне тяжело. Господь с тобой.

А.

¹ М. П. Сазонов (1875—1959)— драматический актер.

233

4 мая <1913. Петербург>

Милая, сегодня пришло письмо от тебя, и мне кажется, что ты приедешь скоро. Платье m-me Гибшман найдено, я пошлю его на этих днях ¹.

Станиславский наговорил мне ужасных глупостей, говорят, он всегда так. Все-таки я не жалею, что ему читал ².

В одной книге футуриста я нашел поэму, не длинную, касающуюся тебя. Вот она:

Бубая горя

Буба. Буба. Буба ³.

У меня для тебя есть маленькое яичко из белого кварца; когда я купал к Пасхе, и тебе, Бубе, купил.

Вчера у мамы была Веригина с мужем, я пришел вечером и уговорил их идти в Луна-Парк, кататься по горам. Сначала Н. П. ⁴ струсил, мы проехали вдвоем с Веригиной, потом уговорили его. Впечатление чрезвычайное. Прокатились еще два раза, они скисли и ушли, а я так уж и катался до 1 часу ночи, пока меня не прогнали от кассы, которая запиралась.

Когда ты приедешь, мы вместе покатаемся.

Приезжай, милая, поскорее. Господь с тобой.

А.

Хорошо, что ты плакала над маминым письмом ⁵.

¹ Исполнение просьбы Л. Д. Блок. *M-me Гибшман* — жена актера, игравшего вместе с Л. Д. Блок.

² Речь идет о чтении драмы «Роза и Крест» К. С. Станиславскому (см. письмо № 229).

³ «Бубая горя» — однострочная «поэма», состоящая из трех слов: «Буба. Буба. Буба», напечатана в книжечке поэта-футуриста Василиска Гнедова «Смерть искусству», (СПб.), 1913, стр. 6. — Этой справкой я обязан Н. И. Харджиеву. *Буба* — ласкательное прозвище Л. Д. Блок.

⁴ Николай Павлович Бычков (1882—1971) — муж В. П. Веригиной, инженер.

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК

Фотография. 1912 (?)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

⁵ Л. Д. Блок писала 1 мая: «Я получила письмо от мамы и очень от него плакала, оттого, что хорошо ко мне мама относится, а ответить не могу — сяду писать и опять «проливаю слезы» и ничего не могу сказать».

234

7 мая 1913. (Петербург)

Моя милая, вчера, вернувшись с мольеровского спектакля ¹, я получил твое письмо. Ну, хорошо, приезжай 26-го мая, что же делать; я тебя ни в чем не виню, напротив, иногда думаю, как бы тебе не было скучно со мной. Мне трудно все-таки жить.

Впечатление от вчерашнего спектакля у меня самое дурное; прежде всего. Мольер устарел. Затем — Бенуа — жизнерадостный труп, и трупом пахнет от его выдумок.

«Ансамбль» Х<удожественного> т<еатра> испарился, большая часть актеров (много новых) играет хуже, чем в Александринке. Любовники — Юрьевы ² чистой воды. Станиславский восхитителен, минутами смертельно жаль его, попавшего в эту мертвецкую бездарностей и пошляков. Та «смерть Прекрасному», которой пропитан весь спектакль, заставляет ненавидеть все красоты; но и на красоты Бенуа, по-видимому, уже не способен. По крайней мере, от самых «показных» мест — тошнит. Минутами, кощунство. Я совсем разбит сегодня от этого впечатления, давно не было такой ненужной тяжести ³. Сегодня пойду второй раз смотреть «Гибель «Надежды» с Терещенкой. Там будет Веригина, которую Станиславский зовет в студию, и я поддерживаю.

Когда еще ты вернешься. Три недели.

Господь с тобой, милая.

А.

¹ «Мнимый больной» в Московском Художественном театре.

² Имеется в виду Ю. М. Юрьев.

³ В дневнике Блока под 7 мая записано: «Впечатление от Мольеровского спектакля самое ужасное: хорош Станиславский (Арган), местами Лилина (Туанет), Лужский (Сганарель), кое-какие мелочи. Все остальное и прежде всего Бенуа — мертвое, ненужное, кощунственное. Судна и ночные горшки, ужасный перевод (Вейнберг). Мольер устарел, ансамбль Художественного театра исчез бесследно, вторые роли — хуже Александринки, молодые люди — Юрьевы» (VII, 248—249). Александр Николаевич Бенуа (1870—1960) — художник, оформлявший постановку «Мнимого больного» в Художественном театре.

В тот же день Блок написал Станиславскому. «...Я не хочу от вас скрывать, что спектакль в целом мне не понравился; нравились только вы, Лужский в Сганареле, иные частности у некоторых, а остальное было тяжело и ненужно. И Мольер устарел, решаюсь сказать это, потому что чувствую отчетливо, как вчера, так и сегодня. В студии вашей, напротив, было много впечатлений истинно прекрасных» (VIII, 422).

235

Телеграмма

12 мая 1913. Петербург ¹

Прошу тебя приехать около двадцатого двадцать четвертого позже вернется Т ² и будут дела очень прошу телеграфируй ³ А.

¹ Дата телеграфного бланка. В дневнике Блока 10 мая записано, что в этот день он написал жене «отчаянные письма», которые, однако, не послал и сжег (VII, 249).

² М. И. Терещенко.

³ Л. Д. Блок ответила в тот же день телеграммой из Житомира: «Прости милый не могу лучше приеду когда кончишь дела господь с тобой Л ю б а».

236

13 мая 1913. <Петербург>

Прошу тебя, если ты знаешь срок возвращения в Петербург, сообщить мне о нем, независимо от моих дел.

Содержание телеграммы мне непонятно ¹.

А. Б.

¹ Имеется в виду телеграмма Л. Д. Блок от 12 мая — см. примеч. 3 к письму № 235. В письме от 16 мая Любовь Дмитриевна писала: «Конечно, нелепо, но отнять у себя еще два дня — я не могу. И вот сквозь все мое счастье здесь, сквозь отчаяние отъезда и долгой разлуки, которая мне предстоит, я сохранила для тебя такую нежность, так уверена была, что сумею быть тебе хорошим и полезным, ободряющим «товарищем»

ТЕРИОКИ. ТЕАТРЪ „КАЗИНО“.

Товарищество актеровъ, писателей, художниковъ и музыкантовъ

ВОСЕННАДЦАТЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Въ Субботу, 4 Августа

БЕНЕФИСЪ Л. Д. БЛОКЪ

ПРЕДСТАВЛЯЕНО БУДЕТЬ

МИССЪ ГОББСЪ

КОМЕДИЯ

ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА.

ПЕТАНОВКА К. Э. ГИШМАНА

Начало въ 8½ час. вечера.

Цѣны мѣстамъ обыкновенныя.

Билеты въ кассѣ театра ежедневно отъ 7 до 10 час. вечера, а въ день спектакля съ утра до окончанія спектакля

Замѣченный — въ 9.30 час. (Гришманъ).

АФИША СПЕКТАКЛЯ «МИСС ГОББС» ПО ПЬЕСЕ ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА (БЕНЕФИС
Л. Д. БЛОК, ТЕРИОКИ, 4 АВГУСТА 1912 г.)

Институт русской литературы АН СССР. Ленинград

этим летом... А теперь боюсь, что после всех этих «инцидентов», отсрочек и т. п. — ты и рад мне не будешь, одно расстройство — А если говорить о деле, так вот: я свой приезд назначила на 26-е, если тебе это удобно, так я приеду. <...> Должна тебе сказать, что мне в Петербурге делать совершенно нечего, если ты будешь очень занят <...>, может быть, ты и отложишь мой приезд. Но это, как ты хочешь».

237

Телеграмма

16 мая 1913. Петербург¹

Жду тебя двадцать шестого за границу может быть не ехать господь с тобой А.

¹ Дата телеграфного бланка.

238

Телеграмма

19 мая 1913. Петербург¹

Милая отвечай беспокоюсь А.

¹ Дата телеграфного бланка.

239

Телеграмма

19 мая 1913. Петербург¹

Две телеграммы без ответа здорова ли ты телеграфируй А.

¹ Дата телеграфного бланка.

240

Телеграмма

20 мая 1913. Петербург¹

Не выезжай пишу сегодня письмо А.

¹ Дата телеграфного бланка.

241

20 мая 1913. <Петербург>

Милая, вчера я получил твое письмо¹ и телеграмму.

Ну, не приезжай теперь. Приезжай, когда захочешь. Я только прошу тебя писать мне не раз в восемь дней, а чаще. Если нечего писать, пиши только: «Я здорова» или что-нибудь в этом роде; или — телеграфируй также коротко, если забудешь написать письмо.

Я буду тебе сообщать, где я.

Я совсем был готов ехать за границу с тобой и потому волновался; знаю, что билетов достать все меньше вероятности, что в конце мая их придется ждать долго, и т. д. и т. д.

Последние недели стал уже понимать, что не стоит ехать за границу. Доктор позволяет сделать это во второй половине лета. Если ты согласишься тогда, я бы, может быть, поехал.

Пока я до конца мая буду лечиться; что потом, еще не могу решить; может быть, уеду куда-нибудь.

Настоящего дела, как было в прошлом году, у меня нет, все дела мелкие. Потому я устал и не знаю, что делать с собой. Ну, господь с тобой.

А.

Все-таки, напоминаю тебе, что, чем раньше и чем точнее я узнаю о сроке твоего возвращения, тем мне будет легче.

Р. S. Если тебе надо поручить мне что-нибудь относительно вещей, сделай это *сейчас же*, потому что я скоро буду все убирать и запирать.

¹ Письмо от 16 мая. См. примеч. к письму № 236.

242

Телеграмма

23 мая 1913. Петербург¹

Обдумай еще телеграфируй окончательно я рад но за границу скорее позже теперь не знаю А.²

¹ Дата телеграфного бланка.

² Любовь Дмитриевна ответила 23 мая телеграммой из Житомира: «Приеду вторник утром билеты за границу можешь взять теперь господь с тобой Л ю б а». Она вернулась в Петербург 28 мая, 12 июня Блок с нею уехал за границу.

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК

Фотография, 1912 (?)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Шахматово, 21 августа 1913¹

Моя милая, я получил от тебя два письма, а сегодня получил телеграмму², которую захотел понять также и символически; захотел этого потому, что здесь мне кажется очень странным то, что ты постоянно ездишь в какие-то Бердичевы (точно — глупый сон). Иногда бывает от этого и грустно и тяжело. Мне и кинематограф не особенно нравится, надеюсь только, что если эти <...> предложат тебе представить что-нибудь непристойное, ты откажешься³.

Не думай, что я ворчу или брюзжу, я просто часто думаю об этом, и постоянно думаю о тебе; часто мне кажется диким, почему ты не здесь и не со мной. Мне здесь жить очень хорошо, тихо, я понемногу собираюсь с мыслями, растерянными в паршивой Франции ⁴, но ничего еще не делаю; все очищаю сад от сучи и гуляю. Засуха и жарко, дождь только сегодня пошел. Вот бы ты приехала, мы бы уехали вместе.

Сегодня я отослал исправленную корректуру первых двух действий «Розы и Креста» ⁵. Твое письмо о Мейерхольде как-то не произвело на меня впечатления, показалось устаревшим что ли ⁶. Мне бы нечего было отвечать ему даже; я совсем не чувствую внутренне его бытия, как художника, и очень боюсь его внешне, так как знаю, что есть в Александринке такой «режиссер». Да еще ты приводишь в письме мнение Вали ⁷: Валя, она — Валя и есть, очень милая, но, в самом деле, нельзя же считать серьезно, что она относится к театру.

Ты не думай, что я все это пишу под влиянием злости или какого-либо аффекта. Нет, я просто мысленно пробуждаюсь, и многое возвращается в мою голову, только не возвращаются вовсе все эти странные понятия о том, что есть «новый театр», что есть кризис в сценическом искусстве, что есть разница будто бы в «идеях» разных модных режиссеров, и т. д., и т. д. Точно все это я видел в детстве во сне; сначала это была милая чепуха с мистическими оттенками, потом осталась голая чепуха, потом о ней все режиссеры написали книги, которые начали злить, а теперь... ей богу, все это прошло безвозвратно, и книги, и «опыты», и «студии», и осталось прежнее деление людей на людей с головой и сердцем и людей без сердца и без головы.

Сейчас заходил к нам, гуляя, Ваня, которому я страшно обрадовался, потому что он похож на тебя. Он пообедал; был очень мил и интересен; издает уже четвертую книгу; кажется, что он именно *делает* много ⁸. Я его выспросил о Васе ⁹, который служит на заводе, хотя и недоволен этим; дела его пока благополучны, т. е., переданы из сената в окружной суд, и, следовательно, отложены, а, может быть, прекратятся вовсе; также, о Мусе, которая ездит по собачьим делам в Москву и собирается за границу ¹⁰.

По вечерам мы с мамой и тетей занимаемся шарадами, над которыми ты бы хохотала ¹¹. Мама все почти время чувствует себя плохо, бывают припадки, устает. Много хозяйничает.

Я с каждой почтой боюсь, что меня вызовут в П(етер)б(ург) для театр(ально)-литерат(урного) комитета ¹². Пока еще не было ничего, кроме письма от Ремизова о том, что Терещенко 19-го августа приезжает в Петербург, и о мелочах.

А может статься, что я все-таки скоро поеду — в конце августа или в начале сентября. Все-таки, на душе не очень спокойно. Да и ты, главное, со своими Бердичевыми и кинематографами; — ребячества. Боюсь я, что тебя так ветер носит.

Если бы ты знала, как здесь тихо и хорошо, ты бы приехала. После заграницы ценишь все подлинное особенно.

Зимы не вижу; боюсь; прежде всего, ворочусь — и возникнет «вопрос» о «Розе и Кресте» и о Мейерхольде; вопроса такого *нет*, но он *существует*, вот в чем несчастье! Изволь решать, «да» или «нет» относительно того, что — дым и призрак. Так вот постоянно в *городской* жизни бывает; глупо, нудно, неразрешимо, утомительно и... в конце концов, очень, очень неприятно. Что ты об этом думаешь? Да ты не поймешь, у тебя головка набита Бердичевым и Валей.

22 августа

Сегодня дождливо, все деревья радуются. Господь с тобой, маленькая Бу. Если будут письма (нужные), перешли мне. А то бы сама приехала.

À Mme Henriette Rodgers.
(Chère Madame.)

Veillez, Madame, accepter dans votre
service mon petit Libre, qui vous
vaut plus, que moi l'Esprit, Madame,
que vous comptiez bien que
cette litt. sale et mal blanchie
vaut bien d'être pendue dans
la porte d'une bucherie; mais,
comme je suis ^(et exilée) sentimentale, martyr
toutes les guerres et ^{Tout:} les révolutions
je préfère, que vous lui don-
niez quelques bonnes leçons, sachant
bien, que vous êtes ~~bonne~~
charitable envers les animaux sauvages.
^{Qu'on}
Votre D.

ПУТОЧНОЕ ПИСЬМО БЛОКА НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ ОТ ИМЕНИ Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ
БЛОК

Письмо пародирует восторженное отношение Любови Дмитриевны к известной французской актрисе
Генриетте Роджерс

Автограф, 1912 г. (?)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

¹ 3 августа 1913 г. Блок с Любовью Дмитриевной вернулся в Петербург из-за границы, 8 августа он уехал в Шахматово, а Любовь Дмитриевна задержалась в Петербурге до 14 августа, когда ненадолго уехала в Бердичев (вернулась в Петербург 22 августа).

² Телеграмма из Бердичева от 21 августа: «Еду в Петербург Л ю б а».

³ В письме из Петербурга от 12 августа Л. Д. Блок сообщала: «...Я приглашена сниматься в кинематографе, и даже не с меня «деньги» берут, а мне дадут — за первый раз 25 (рублей, рублей, а не копеек!)».

⁴ Перед отъездом из Парижа в Россию Блок писал матери 12 августа (н. ст.) 1913 г.: «Я сейчас сижу в том самом кафе и за тем самым столом, за которым сидел, когда попал в Париж в первый раз в жизни. Совсем иначе теперь. Париж нестерпим, я очень устал за эти дни; слава богу, с портными все кончено, и завтра днем мы уедем. В пятницу или в субботу будем в Петербурге. Корректуры, конечно, будут посылать в Шахматово, если будут издавать альманах теперь. У меня нет никаких известий из Петербурга. К сожалению, тут на днях было воскресенье, магазины закрывались, и мы поехали в вонючем таксомоторе в Версаль. Все, начиная с пропорций, мне отвратительно в

XVIII веке, потому Версаль мне показался еще более уродливым, чем Царское Село. Возвращались мы через Булонский лес, который весь вытоптан, ибо в демократических республиках буржуа могут, где им угодно, пасти и гадить. <...> Теперь напишу тебе из Петербурга. Долго мне там делать нечего <...>, так что я скоро приеду в Шахматово» (VIII, 426).

⁵ «Роза и Крест» печаталась в первом сборнике «Сирин».

⁶ В письме от 12 августа Л. Д. Блок писала: «Мейерхольд же очень, очень просит «Розу и Крест» для Александринского театра; и говорил, и по телефону торопил меня. Просит, чтобы ты позволил ее ставить и в таком случае дал бы ему сейчас же экземпляр, скоро приедет Теляковский, он хочет подготовиться и ему прочесть или показать, уж и не знаю, просить ли и мне тебя об этом, — имею в виду александринских актеров... А Мейерхольд производит ужасно хорошее впечатление и на меня и на Валу: он бодр, твердо стоит на своей точке, не хочет размениваться — отказывается от предлагаемых постановок в «миниатюрах». Пребывание в Париже очень его помолодило и вдохновило. Он сам принялся за «студию», которую мы старались устроить в прошлом году, и уже нашел даровое помещение <...> А всё-таки пусть играют «Розу и Крест» — хорошо посмотреть ее со сцены... Совершенной постановки когда еще дождешься. А Мейерхольд сейчас «чистый», нет в нем дрязги и будней... Он просит, чтобы ты ему написал» (Теляковский — директор императорских театров, Валя — В. П. Веригина).

⁷ В. П. Веригина.

⁸ Валя — брат Л. Д. Блок, Иван Дмитриевич Менделеев (1883—1936), физик-метеоролог и автор ряда философских работ, написанных в духе воинствующего идеализма («Мысли о познании», 1909; «Оправдание истины», 1910; «Метод математики. Логика и гносеология математических знаний», 1913; «От критицизма к этической гносеологии», 1914). Блок в молодости поддерживал с И. Д. Менделеевым дружеские отношения, посвящал ему стихи («Был вечер поздний и багровый...», 1902) и вступал с ним в споры по многим волновавшим обоих философским вопросам. Отголоском этих споров служит обращенное к И. Д. Менделееву стихотворение Блока «Заключение спора» (1903). В зрелые годы Блок был далек от И. Д. Менделеева, который в общественно-политических и литературных вопросах занимал реакционно-националистическую позицию, неприемлемую для Блока (см. примеч. 1 к письму № 160; ср. VII, 110—111). В 1911 г. Блок охарактеризовал И. Д. Менделеева как человека «умного и упрямого». Встречались они редко, но относились друг к другу с интересом. В бумагах Л. Д. Блок сохранилось письмо к ней И. Д. Менделеева, посланное уже после смерти Блока (28 июля 1922 г., из Боблова); оно посвящено характеристике Блока и проливает свет на отношение к нему И. Д. Менделеева. Приводим это письмо полностью:

«Люба, пишу тебе только сейчас — главным образом потому, что только теперь из письма мамы узнал твой адрес. Мне все хотелось сообщить тебе о том чувстве внутренней значительности, глубокой обаятельности личности Саши, которое я всегда испытывал, но которое по большей части скрывал за поверхностью мелких житейских отношений — и которое понял вполне только теперь. Я был всегда как-то уверен, что мы когда-нибудь встретимся и договоримся о главном окончательно, но все откладывал установить эти более глубокие отношения — может быть, до момента, когда моя внутренняя работа, только предчувствуемая в те времена, выяснилась бы для меня самого с достаточной полнотой. Только теперь я понял, как много значило для меня общение с Сашей, его личность, которая ставила перед моей совестью один из критериев отношения к вещам: часто, когда я писал и размышлял, я как-то невольно спрашивал себя — как бы принял это, как бы отнесся к этому Саша, и это чувство останется со мной всегда, ибо это — одно из тех чувств, которые навеки создают нашу собственную душу. — Я не могу здесь излагать подробно, но вот, что мне хотелось бы тебе сообщить из тех многочисленных выводов, к которым я пришел, следуя до конца научному индуктивному методу в области философии: личность человека неумножаема. — Конечно, не в той наивной форме, как это думают народные верования или популярный спиритуализм, но не менее реально и конкретно — мы жили и будем жить в бесконечной вселенной, и встретим вновь в иных мирах и иных плоскостях бытия своих близких, сохраняя полную тождественность самосознания, полную память о нашем земном бытии. Вот

ШУТОЧНЫЙ «ЗАЙЦЕВ АТТЕСТАТ № 1»,

«Выдан» Блоком Л. Д. Менделеевой-Блок 22 марта 1912 г. с пометами (сбоку): «Фельдфебеля в вольтеры дам!» и «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь!»

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

совершенно неизбежное следствие, к которому обязывает нас внимательное рассмотрение наличных фактов — более научно достоверное — как это ни кажется странным, чем существование внешнего мира или хотя бы чем вращение земли. — Я знаю, вы с Сашей подходили к этим проблемам с совершенно другими методами. — Но важно то, что *все методы* при достаточно глубоком проникновении в дело — здесь сходятся. Действительность не исчерпывается окружающим нас «балаганчиком» и имеет гораздо более глубокие духовные основы. Может быть, тебе интересно узнать, что, следуя самым ортодоксальным научным данным и методам, неизбежно приходишь к полному убеждению реальности духовного мира, убеждению, что за кантовским «миром явле-

ний» скрывается не пустота и не мертвая материя, а всепроникающий психизм. Наша земная жизнь действительно «только сон» — только эпизод бесконечного странствия, и мы все еще встретимся и будем встречаться вечно в иных мирах, в иных порядках бытия. Это — достовернее всего, что мы можем только знать. — О моих личных обстоятельствах, если хочешь, можешь узнать из моего письма к маме, которое, если хочешь, просмотри и, пожалуйста, передай по адресу. — И в. М е н д е л е в».

⁹ *Вася* — младший брат Л. Д. Блок, Василий Дмитриевич *Менделеев* (1886—1922).

¹⁰ *Муся* — младшая сестра Л. Д. Блок, Мария Дмитриевна *Менделеева* (*Кузьмина*) (1886—1952). Она увлекалась разведением и изучением охотничьих и сторожевых собак и считалась в этой области крупным авторитетом.

¹¹ *Тетья* — М. А. Бекетова. О сочинении шарад в Шахматове в августе 1913 г. она рассказывает в своей биографии Блока: «В этот месяц, проведенный в Шахматове в полном уединении, мы развлекались шарадами... Блок увлекался ими совсем по-детски, смеялся, радовался... Уже к чаю приходил он с таинственным видом и немедленно начинал загадывать шарату, сотрясаясь от хохота и сияя от удовольствия. В конце августа приехала на короткое время Любовь Дмитриевна... В это время шараты были в полном разгаре. Любовь Дмитриевна много и весело хохотала над измышлениями поэта. При ней сочинил он длинейшую шарату в духе романа 30-х годов, которую рассказывал целый день с утра и до вечера, придумывая все новые и новые стильные подробности» (М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Изд. 2. Л., 1930, стр. 190—191).

¹² Блоку предложили войти в состав Литературно-театрального комитета императорских театров. Блок отказался от этого предложения; об отказе его сообщалось в заметке, появившейся в газете «День», 1913, 24 августа.

25 августа Любовь Дмитриевна писала Блоку: «Вчера позвонил Пяст, я подошла, он спросил, не приехал ли ты, сказал, что прочел в газете «День» известие о том, что ты отказался от Литературного комитета при императорских театрах, и огорчился этим». Одновременно Л. Д. Блок подробно сообщала о своей работе в кинематографе, к чему Блок, как видно из его письма, относился скептически: «Сегодня я снималась в кинематографе, и мне было очень интересно и весело, а сейчас вечером приятное, приятное чувство, что «работала» <...> Я представляла сегодня хорошую деревенскую девушку, обманутую барином, которого она любит. Ездили снимать в Лигово <...> Оно совсем хорошее, совсем русские березовые рощи, парк большой, старый и заброшенный барский дом с «архитектурой» и полуразбитыми статуями, мраморными скамьями. . . «и семейством премиленьких, белых — ну хоть и не зайцев, но кроликов, в одной из комнат первого этажа, где я играла. Выехали рано утром, вернулась только около пяти. Играть страшно, но очень увлекательно. К сожалению, день был пасмурный и, может быть, ничего не вышло. Как только я сыграла первую картину, все стали вдруг со мной особенно предупредительны и вежливы—это мне придало много смелости для дальнейшего».

244

2 сентября 1913. <Москва>¹

Маленькая Бу, прости, что я тебя так проводил². Мне очень мрачно от этой торопливости, с которой приходится ехать, ничего не кончив. Дождь идет с твоего отъезда: Ты мелькнула какой-то тенью, ничего не удалось тебе сказать. Я приеду, вероятно, седьмого. Господь с тобой, моя Бу.

¹ Место отправления письма указано на почтовом штампе.

² Л. Д. Блок 22 августа вернулась из Бердичева в Петербург, в конце августа она на несколько дней приезжала в Шахматове (вернулась в Петербург 1 сентября).

1914

245

1 июня 1914. <Петербург>

Люба, я взял себе билет на восьмое июня. Приезжай, уберем все. Поеду, если не раздумаю ¹.

Господь с тобой.

А.

¹ 8 июня 1914 г. Блок уехал в Шахматово. Любовь Дмитриевна в это время играла под Петербургом, в Куоккала, в группе А. П. Зонова. Время от времени она приезжала в Петербург.

246

3 июня 1914. <Петербург>

Люба, получила ли ты мое письмо, что я в воскресенье уеду? Приезжай, жду тебя.

Господь с тобой.

А.

247

18 июня 1914. Шахматово

Любушка, я очень обрадовался твоему письму. Живу шахматовской жизнью — перевожу ¹, читаю, иногда чищу сад, гуляю. Последнее особенно приятно, потому что думаешь обо многом и вспоминаешь многое. Отдыхаю постепенно.

Я получил письмо от Мейерхольда: барон Дризен артачится насчет «Розы и Креста» ². Придется ему писать ³, а потом с ним разговаривать. Мейерхольд написал мне и сюда и в Петербург, так что, если найдешь его письмо на столе, не посылай мне. А остальные все-таки пришли (если хочешь, распечатай).

Здесь я нашел три тома «Чтеца-декламатора», если хочешь, привезу их тебе.

Напиши мне, как ты выписывала деньги в Guéthary ⁴: с чеком, или без? Мож(ет) быть, мне понадобится, а чеков у меня нет.

Вчера Арина ⁵ была в Боблове. Ваня ⁶ собирается к нам. Анна Ивановна ⁷, по ее словам, велела, как только ты приедешь, известить ее. У них опять рязанец с женой и ребенком, вместо Ефима ⁸. Муся ⁹ тоже в Боблове.

Францу ¹⁰ было одно время совсем плохо, а теперь он в санатории в Крыму и немного поправляется.

Жаль, что тебе играть нечего. Я живу в твоей комнате. Если ты вздумаешь приехать, я тебе обрадуюсь и переселюсь в свою. Здесь почти все время засуха и жара, были небольшие грозы. Завидую тебе, что ты все-таки купаешься.

Господь с тобой, маленькая Бу.

А.

Вообще-то мне очень грустно.

¹ Блок 13 июня 1914 г. приступил к переводу «Легенды о св. Юлиане Странноприимце» Г. Флобера. Перевод этот остается неопубликованным.

² В. Э. Мейерхольд собирался ставить драму «Роза и Крест» в Александринском театре. Блок имеет в виду затруднения, которые драма его встретила в комитете цензуры; в частности, возражения вызывало самое заглавие драмы. В тот же день, 18 июня, Блок писал В. Э. Мейерхольду: «Спасибо Вам за все хлопоты и вести. Письмо Ваше я получил уже в Шахматове. Не очень все это весело. Сейчас пишу Дризену, как Вы советуете, только не могу назначить приезд на июль; я думаю, можно отложить совещание с Дризеню и до осени, если мне не удастся вернуться летом. Из трех поправок могу согласиться только на одну. «Что чернеет на чреслах у него?» Можно сказать: «Что чернеет на груди у него?» Особенно заглавия пьесы изменить невозможно. Поговорим» (ГБЛ, ф. 644).

³ Приводим письмо Блока к цензору драматических произведений барону Н. В. Дризену от 18 июня 1914 г. (Рукописное отделение Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина): «Глубокоуважаемый Николай Васильевич. В. Э. Мейерхольд известил меня о Вашем любезном приглашении зайти в Комитет для переговоров об изменении некоторых мест в моей пьесе «Роза и Крест». К сожалению, я уже в деревне, но, если Вы не откажете принять меня осенью, я немедленно по возвращении явлюсь к Вам. Позвольте принести Вам глубокую благодарность за Ваше любезное предупреждение и просить Вас не скреплять пока пьесы Вашей подписью. Примите уверение в моем совершенном уважении и преданности Вам. А л е к с а н д р Б л о к ».

⁴ В местечке Гетари (южная Франция) Блоки жили летом 1913 г.

⁵ Работница в Шахматове.

⁶ И. Д. Менделеев.

⁷ А. И. Менделеева.

⁸ Работник в Боблове.

⁹ М. Д. Менделеева.

¹⁰ Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

248

13 июля 1914. <Шахматово>

Любушка, напиши мне о себе, о театре; с кем ты видишься, была ли в Петербурге, знаешь ли о тамошних баррикадах ¹.

Здесь не прекращается засуха и жара. По всей губернии, и, особенно, по нашему уезду, ходит сибирская язва, а прививок не хватает. Умерла Александра Григорьевна Коваленская ², о чем телеграфировал Сережа ³. Гостей у нас не было. У Франца, который все еще в Ялте, определилось окончательно хроническое воспаление почек. Ему в Крыму скверно, мы с мамой ездили осматривать санаторию за Подсолнечной, маме она не понравилась, а в Шахматове Францу жить нельзя. По всей вероятности, скоро придется ему выходить в отставку. Свою работу я понемногу делаю. Все время были разговоры о санаториях, сборы в Крым, квартирный вопрос; пока мама останется все-таки на прежней квартире.

Вот вкратце все невеселые сведения. Хорошо то, что здесь бывает необыкновенно красиво, и когда думаешь о чем-нибудь хорошем. Напиши мне. Господь с тобой.

А.

¹ В июле 1914 г. в Петербурге происходили массовые стачки на Путиловском заводе, сопровождавшиеся столкновениями бастующих с полицией.

² Александра Григорьевна Коваленская (1829—1914)— сестра бабушки Блока, Е. Г. Бекетовой, детская писательница; Блок в юности не раз гостил в ее усадьбе Дедово.

³ Сергей Михайлович Соловьев — внук А. Г. Коваленской по матери.

Цена 5 коп.

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛЪ
Тенишевскаго Училища

(Моховая, 33).

ПРОГРАММА.

7, 8, 9, 10 и 11-го Апрѣля (вечеромъ),

8 и 9-го Апрѣля (утромъ).

I

Изъ 1-2 разъ:

НЕЗНАКОМКА

пьеса въ трехъ актахъ Александра Блока.

Незнакомка — г-жи Бугаева, Клеинкина, Филаретова (въ очередь).

Голубой — гг. Анго, Горичъ (въ очередь).

x) Голубой

Звѣздочка — г. Мгебровъ.

Поэтъ — гг. Горичъ, Кузьминъ, Каравановъ.

Посѣтителѣ кабачка и гостини: г-жи Л. Блокъ, Громанъ,
Семенова, Трепачина, Яценко, Фетисова; гг. Александровскій, А. Бонди, Брейдбартъ, Буторинъ, Григорьевъ, Гузельми, Кональскій, Кузьминъ-Каравановъ,
Лингъ, Лянскій, Оленинъ, Покровский, Сергѣевъ, Елагъ,
Титовъ.

Два дворника — гг. Андреевъ, Ковальскій

ПРОГРАММА ПЕРВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЬЕСЫ БЛОКА «НЕЗНАКОМКА»
В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛѢ ТЕНИШЕВСКОГО УЧИЛИЩА В ПЕТЕРБУРГѢ (1914 г.)

Альбом Е. М. Мунт

Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

249

16 июля 1914. <Шахматово>

Любушка, я послал тебе письмо на прежнюю дачу и в тот же день получил твое. Надеюсь, ты мое получишь. Мы ждем теперь письма от Франца, который должен решить, надо ли менять квартиру; он прислал об этом пока не совсем определенную телеграмму, так как, по-видимому, война¹ заставляет его еще более думать об отставке. Может случиться, что мы с мамой поедем к августу в Петербург искать квартиру. Тебе, должно быть, нельзя будет теперь заняться прислугой и ремонтом у нас, но, если бы можно было, я предпочел бы жить у себя, а не у мамы. Напиши мне, что ты об этом думаешь.

Жаль, что театральной практики у тебя нет². Господь с тобой.

А.³

¹ Война началась 19 июля, но неизбежность ее ощущалась заранее.

² Л. Д. Блок писала 12 июля: «Я проживаю недурно, хотя все еще работы нет, мы пребываем в кабаре. Зато играем при полных залах и сборы очень хорошие: прошлое воскресенье в один вечер мы играли и в Куоккале и Териоках и собрали 1200 р. — в один вечер! Жалованья мне платят 60 р., я с гордостью на них теперь живу<...> Сегодня у нас Чеховский вечер с участием Чуковского; я только читаю стихотворение Бунина «Художник», очевидно относящееся к Чехову; мне его дал Чуковский».

³ Приводим выдержки из писем Л. Д. Блок, передающие атмосферу предвоенных дней: «Вчера я провожала Кузьмина-Караваева в Житомир — не успел он отслужить, как опять в полк, из-за мобилизации; на этот раз к отцу, в 200 верстах от австрийской границы; не успеют объявить войны, как они уже будут в Австрии, на разведках. Война уже очень чувствуется здесь, по Финляндской дороге усиленно передвигаются войска... Хотя все-таки есть возможность, что войны не будет... все державы только хотят довести свою боевую готовность до последней степени, чтобы начать делить Австрию, на что идет и Германия, уступая Эльзас и Лотарингию Франции, получая всю немецкую Австрию, ну а дальнейшее деление само понятно. Не знаю, интересуется ли тебя все это, — мы здесь прямо рвем газеты и читаем с начала до конца. Манифестации и подъем в П(етер)б(ур)ге не «Новое время» выдумывает — о нем говорят все, кто был эти дни в городе; я же видела только «манифестации» мальчишек и хулиган» (письмо от 18 июля); «Вот уже и война объявлена; говорят, скоро Финляндию объявят на осадном положении и всем надо будет уехать в 48 часов, я приеду тогда в Шахматово. Петербург окапывают и укрепляют. Часть гвардии (м<ежду> пр<очим>, 2-ю див<изию>) провезли мимо нас в Финляндию, но это по ночам. Днем как будто ничего и не заметно, только очень угнетенное настроение в воздухе, но торжественное; больше не поют на манифестациях, а ночью, когда проезжают запасные, отчаянно кричат «ура» и плачут. Наш спектакль сегодня отменила полиция<...> Вообще каждый день приносит столько нового, что не стоит загадывать» (письмо от 20 июля).

250

Телеграмма

20 июля 1914. Петербург ¹

Мы с мамой в Петербурге живу у себя приезжай С а ш а ².

¹ Дата телеграфного бланка.

² Блок вернулся в Петербург 20 июля, сразу после объявления войны. В записной книжке отмечено: «20 июля. Манифест» (ЗК, 234).

251

10 сентября 1914. <Петроград>

Моя милая, я здоров и занимаюсь литературой, насколько могу; и прислуга очень хорошая. У мамы до сих пор не был — с 30 августа. Так без тебя ¹ все неблагополучно, и грустно и тревожно, что все как-то живешь «пока» и думаешь, что что-то наступит другое.

Напиши мне, не надо ли тебе чего-нибудь. Например, у тебя нет с собой ни одной книги. Может быть, посылать газету? Тогда я тебе подпишусь на «Русское слово». Если бы все это могло доходить, я бы сейчас же послал.

В твоей телеграмме из Киева, очевидно, спутали главное слово, так что я не знаю, в каком направлении вы уехали ².

Пока получаю от тебя известия. Пиши, ты знаешь, как мне надо, господь с тобой, милая.

А.

ШУТОЧНЫЙ РИСУНОК
БЛОКА
К ДРАМЕ «РОЗА И КРЕСТ»
(Бертран и Изора)
Центральный архив литературы
и искусства, Москва

¹ Л. Д. Блок вскоре после начала войны зачислилась в сестры милосердия; 22 августа она была назначена в 5-й Кауфмановский госпиталь, организованный на средства Е. М. Терещенко с семьей, и 3 сентября отправилась с госпиталем в расположение Юго-Западного фронта, в Галицию.

² Текст этой телеграммы (от 8 сентября): «Доехала хорошо смотрела город еду дальше к Кеве* часто пишу господь с тобой Л ю б а».

252

16 сентября 1914. <Петроград>

Милая, завтра твои именины, поздравляю тебя и хочу тебя окрестить. Я не писал раньше поздравления, писал вообще только одно письмо (10 сент<ября>), потому что мало надеюсь, что ты получишь. От тебя я получил семь известий (писем и телеграмм), последнее — вчера (когда вы свернули на узкоколейную дорогу). Пиши, пиши, я о тебе думаю постоянно и постоянно с тобой. Я много занимаюсь в Академии наук ¹, и это меня спасает. Стихи тоже пишу. Не знаю, где ты. Писать Терещенке пока поожу, потому что он, говорил Ремизов, должен был тоже выехать из Киева к своим отрядам ². Господь с тобой, милая моя. У тебя в комнатах очень хорошо — бело и тихо, я туда каждый день хожу.

А.

¹ Блок был занят подготовкой к изданию «Стихотворений Аполлона Григорьева». В записной книжке Блока под 13 августа 1914 г. записано: «Ап. Григорьев — начало мыслей» (ЗК, 236).

² М. И. Терещенко на свои средства организовал несколько санитарных отрядов. Блок хотел наладить через Терещенко переписку с Любовью Дмитриевной.

* Так в тексте.

253

21 сентября 1914. <Петроград>

Теперь я знаю, где ты, милая, получил от тебя много интересных писем¹, но все еще только от 12 числа, в день твоего приезда.

Я все более погружаюсь в свою работу² и нахожу в ней единственное прибежище. Сажу по несколько часов в день в Академии наук.

Терещенке я написал в Киев несколько дней тому назад³, но ответа от него не получаю. Он, по слухам, уехал в действ<ующую> армию.

17-го числа пришла открытка на твое имя с поздравлением от П. Ивановой (массажистки?).

Мама нездорова, у нее болит спина. Сегодня я поеду к ней. У меня столько работы, что я сегодня чувствую воскресенье.

Мало кого вижу, много ухажу в себя.

Господь с тобой, милая.

А.

¹ Несколько позже, в ноябре 1914 г., Блок сделал извлечения из «военных» писем Л. Д. Блок и опубликовал их (с цензурными купюрами) в журнале «Отечество» под заглавием «Отрывки из писем сестры милосердия».

² Над подготовкой к изданию «Стихотворений Аполлона Григорьева».

³ Письма Блока к М. И. Терещенко не выявлены.

254

23 сентября <1914. Петроград>

Милая, от тебя нет писем очень давно, это меня беспокоит. Когда тебе некогда, ты пиши всего одно слово, чтобы я знал только о тебе. Хорошо, если бы ты от времени до времени телеграфировала.

Жизнь моя так однообразно идет, что мне нечего тебе рассказывать. Одно есть забавное, — что рядом с нами поселился Ершов¹.

В «Рус<ском> слове» в воскресенье 21/IX были мои стихи: одно — «военное», а другое — русское, тебе известное². Там же я прочел, как у вас стреляли в наших солдат из окон и испугался за тебя³.

Снимок с вашего отряда помещен в журнале «Мир» (№ 38), но там нельзя никого узнать, я только догадываюсь, где ты (пятая среди сестер в третьем ряду), а, может быть, ошибаюсь. В «Огоньке» не было.

Господь с тобой, моя милая.

А.

¹ Иван Васильевич Ершов (см. примеч. 4 к письму 213).

² В газете «Русское слово» № 217 от 21 сентября 1914 г. были напечатаны стихотворения Блока: «Петроградское небо мутилось дождем...» (под заглавием: «На войну») и «Грешить бесстыдно, непробудно...» (под заглавием: «Россия»).

³ Блок имеет в виду заметку «Стрельба по русским солдатам во Львове», в которой сообщалось, что 14 сентября какие-то злоумышленники стреляли из окон домов по русским солдатам.

255

29 сентября 1914. <Петроград>

Милая, вчера только я получил твое письмо от 19-го. Начиная сильно бояться за тебя. Письмо шло 9 дней! Если тебе не будет времени написать подробно, то пиши, хоть иногда, короткие записки — «здорова», или такое что-нибудь. Иначе страшно беспокоит. Если бы ты писала раз в неделю подробно (вчера письмо — страшно интересное), а другой раз — записку с обозначением числа, мне было бы легче.

Я тебе писал в последний раз 23-го. За это время о тебе справлялись: Врасская¹ (сказала мне, что «очень подружилась» с тобой), Веригина;

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК В БИАРРИЦЕ

Фотография, 1913

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

О. М. Мейерхольд ² просила тебе поклониться и сказать, что часто вспоминает о тебе. Соловьев ³ справлялся. Вчера у меня обедали Мейерхольд и две собаки Loup *, пришедшие с ним от m-me Сувориной ⁴. Обедали более собаки, чем мы.

В студии, сказал Мейерхольд, налаживаются занятия ⁵; многих прежних нет, особенно женщин — поступили в сестры, но появились новые. Собираются ⁴ раза в неделю, читают Соловьев (который завтра придет ко мне) и С. Бонди ⁶. Бонди читает о стихосложении, более широко, чем

* Волк (франц.).

Гнесин⁷; не всегда вдаваясь в музыку, разбирает ритмы разных поэтов. Все это я выспросил у Мейерх^ольда для тебя.

Я все время занимаюсь Ап. Григорьевым. Видел Пяста, иногда — Дельмас⁸. Говорю со многими по телефону. Франца пошлют наверное, это вопрос только времени; вероятно, скоро⁹. Я иногда езжу в Петергоф¹⁰, там у дворцов необыкновенная грусть и красота. Мама написала тебе только одно письмо, и то — плохое, говорит она; не умеет тебе писать.

Ответа от Мих^аила Ив^ановича¹¹ все еще нет, так что я пишу тебе по-прежнему. Пиши, милая, без твоих писем бывает иногда особенно трудно. Господь с тобой.

А.

30 сентября

Вчера не успел опустить письма. Посылаю сегодня. Господь с тобой, милая.

¹ Варвара Степановна *Враская* (Стахова) — драматическая актриса; служила вместе с Л. Д. Блок сестрой милосердия.

² Ольга Михайловна *Мейерхольд* (Мунт) (1874—1940) — жена В. Э. Мейерхольда.

³ В. Н. Соловьев.

⁴ Анна Алексеевна *Суворина* (Мясоедова-Иванова) — драматическая актриса. Выступала в это время с концертными программами, которые в качестве режиссера подготавливал В. Э. Мейерхольд.

⁵ На второй год своего существования студия В. Э. Мейерхольда расширила программу своих занятий (см. Н. В о л к о в. Мейерхольд, т. II. М.—Л., 1929, стр. 362—372).

⁶ О В. Н. Соловьеве и С. М. Бонди см. примеч. к письму 210.

⁷ Михаил Фабианович *Гнесин* (1883—1957) — композитор, педагог и музыкальный деятель.

⁸ Любовь Александровна *Дельмас* (Андреева) (1879—1969) (оперная актриса, исполнительница роли Кармен в опере Бизе. Блок познакомился с Л. А. Дельмас в конце марта 1914 г.; к ней обращен его стихотворный цикл «Кармен» и ряд других стихотворений 1914—1920 гг.

⁹ Речь идет об отъезде отца Блока — генерала Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух в действующую армию.

¹⁰ В Петергофе были расположены части, которыми командовал Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух; Блок ездил туда к матери.

¹¹ М. И. Терещенко.

256

Телеграмма

5 октября 1914. <Петроград>¹

Телеграмму получил спасибо тебе все благополучно С а ш а²

¹ Дата телеграфного бланка.

² Ответ на телеграмму из Львова от 5 октября, в которой Л. Д. Блок сообщала свой новый адрес и просила прислать ей газеты.

257

6 октября 1914. <Петроград>

Милая ты моя, сейчас я получил твое письмо от 28 сентября, а вчера телеграмму. Напрасно ты думаешь, что «бубнишь все про одно»¹. Только это и интересно теперь, по-настоящему. Это — единственное, что связывает людей. Для меня это, кроме всего, еще потому на первом месте, что касается тебя.

Боюсь, как бы ты не устала слишком. Думаю постоянно о тебе — напряженно думаю.

Сейчас я выхлопотал у Руманова ² «Рус(ское) слово» для тебя. Напиши мне, когда получишь и если получишь. Я хотел подписаться, но так — вернее. Думаю, что эта газета, во-первых, ближе немного (мож(ет) быть, из Москвы почта идет скорее), во-вторых — дух ее хороший.

С неделю назад у меня был Соловьев ³. Странный он человек. Я после него чувствую себя физически больным. Сидит он до тех пор, что приходится попросить уйти, машет руками перед лицом и болтает, путая слова, о десяти разных предметах в минуту. Вместе с тем он хороший, русский, несчастный довольно. Между прочим, он собирался тебе писать и говорил, что забыл передать тебе от матери складень, который сохранил кого-то в 12-м, 55-м и 77-м годах ⁴. — Они с Мейерхольдом и Ю. Бонди сочинили военную пьесу. Долго рассказывал: так себе, кажется, пьеса ⁵.

О К.-К. я тоже не знаю ничего, хотя за газетами слежу очень и, между прочим, «с этой точки зрения» (прочитываю списки раненых) ⁶.

Бываю у мамы в Петергофе и она у меня. Занимаюсь Ап. Григорьевым. Больше все один, конечно; чувствую войну и чувствую, что вся она — на плечах России, и больше всего — за Россию, а остальные — бог с ними — им бы только выпутаться из своих бед, а для нас они пальцем не шевельнут ⁷. Люди знающие подтверждают это.

Господь с тобой, милая.

А.

Пиши, твои письма — всего важнее и нужнее. Я тебе писал уже довольно много, верно — получишь зараз.

¹ Л. Д. Блок в своих письмах подробно описывала обстановку, окружавшую ее в военном госпитале.

² О Руманове см. примеч. 4 к письму № 193.

³ В. Н. Соловьев.

⁴ То есть во время больших военных кампаний — Отечественной, Севастопольской и Русско-турецкой.

⁵ Имеется в виду сценарий военно-патриотического представления «Огонь» в 8 картинах с апофеозом (напечатан в журнале «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 6/7).

⁶ К. К. Кузьмин-Караваев в качестве вольноопределяющегося находился на фронте при своем отце — генерале. Л. Д. Блок жаловалась, то ничего не знает о судьбе К. К. Кузьмина-Караваева, а в письме от 14 октября сообщала Блоку: «К.-К. нашел меня и был у меня в госпитале. Это было 5-го. Их полк понес мало потерь, но лошади все замучены, и потому их поставили верстах в 40 от Львова на отдых и поправку. Они обошли П(еремышль?), были в Карпатах, все время в соприкосновении с австрийцами, но без крупных стычек. К. похудел очень, но загорел, и бодрый у него, военный вид. Отец его бережет, но все же посылал с опасным донесением ночью под огнем и в свете прожекторов и ракет. Меня отпустили, и я провела день с ним и его отцом, обедали в ресторане и были в чудном кинематографе!»

⁷ Ср. в записной книжке: «6 октября. Последний срок представления в «День» отчета о своих чувствах, по возможности, к Бельгии, в стихах или в прозе. Я же чувствую только Россию одну» (ЗК, 242).

Моя милая, я боюсь, что ты все еще не получаешь писем. Прошрое письмо я послал тебе с указанием места, но потом пошел к нескольким военным цензорам, и все они не советовали указывать. Пока еще распо-

ряжений о том, что можно писать, указывая место, нет. Пишу по-прежнему, иначе, боюсь, не дойдет.

«Рус<ское> слово» тебе пошлют должно быть с двумя адресами (2 экземпляра). Если дойдут оба, тем лучше, у вас найдется, кому читать.

На днях я хочу попробовать послать тебе каких-нибудь журналов с картинками.

Мама и Франц скоро переедут сюда из Петергофа. — На днях звонила мне Веригина, справлялась о тебе. Муж ее поправляется.

Я продолжаю заниматься в библиотеке; печатаю стихи в журналах и газетах.

Пиши почаще. Сегодня опять уже шестой день, как нет письма.

Господь с тобой.

А.

259

13 октября <1914. Петроград>

Моя милая, вот тебе всякие глупости от мамы и от меня. Это «оказия» — через маминих петергофских знакомых Раевских.

Сегодня, покупая у Вольфа¹ книги, я встретил Евреинова², который мне рассказал, что ты имела большой успех, когда пела частушки³, и потом все их распевали в Куоккале. А ты мне этого и не рассказала.

Ты будешь получать, надеюсь, «Русское слово». Пишу тебе нередко. Пишет также мама, тетя⁴, Веригина, кажется, — Соловьев⁵.

Я встретил Елиз<авету> Ив<ановну> Терещенко. Мих<аил> Ив<анович>⁶ на передовых позициях на Сане. Кто-то из уполномоченных К.К.⁷ ранен.

Встретил Н. П. Бычкова⁸. Он уже ходит. Поскромнел как-то, переходит в автомобильную команду. — Ангелина⁹ получила крест и работает здесь, в Обуховской больнице. Милая, пиши почаще, сегодня неделя, как нет вестей от тебя. Господь с тобой.

А.

¹ Вольф — книготорговая фирма.

² Николай Николаевич Евреинов (1879—1953) — драматург, режиссер и театровед, с 1925 г. жил во Франции.

³ Летом 1914 г. в куоккальском театре.

⁴ М. А. Бекетова.

⁵ В. Н. Соловьев.

⁶ М. И. Терещенко.

⁷ Общества «Красный крест».

⁸ Муж В. П. Веригиной.

⁹ Сестра Блока Ангелина Александровна; она тоже работала сестрой милосердия.

260

15 октября <1914. Петроград>

Милая, сейчас получил твое письмо. Наверно, ты отдыхала недолго и у тебя опять много раненых.

Сейчас я звонил к швейцару на Захарьевскую¹ и узнал, что Муся² уже недели две благополучно вернулась из-за границы, а А<нна> И<вановна> приехала сегодня из Боблова.

13-го мы с мамой послали тебе ящик с разными игрушками. Он должен приехать с поездом военного министерства.

Я продолжаю сидеть в Ак<адемии> наук. Здесь уже мокрый снег. Странно и грустно, что ты не получаешь моих писем. И твой редко — сегодня только на 9-й день пришло, хотя оно отправлено отсюда (то, которое ты передала едущему сюда господину).
Господь с тобой, милая.

А.

Попробую опять писать «Львов»³.

¹ На квартиру А. И. Менделеевой.

² М. Д. Менделеева.

³ По условиям военного времени, в письмах, адресованных в действующую армию, нельзя было указывать названия населенных пунктов.

261

19 октября 1914. <Петроград>
Воскресенье

Милая, когда же ты получишь мои письма, газеты и ящик с глупостями? Сегодня ночью мы провожаем Франца¹. Он уходит с эшелонами. Мама поселилась уже здесь.

Твои письма страшно редко приходят.

Господь с тобой. Целую тебя. Скучаю о тебе.

А.

¹ Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух, назначенный командиром дивизии, уезжал в действующую армию.

262

26 октября <1914. Петроград>

Милая моя, прошли ли твои ножки? Получила ли ты ящик?

У меня много и дел, и дум, и людей вокруг, и бывает всякое; бывает как-то весело и приходят надежды на будущее. Этому помогают прекрасные вести с войны за эту неделю.

Несколько дней я был простужен и сидел дома. С мамой вижусь часто. Франц пишет с дороги бодрые письма. Может статься, что вы с ним увидите.

Я по-прежнему все не знаю, как тебе писать и когда дойдет письмо, потому не пишу подробностей жизни. Да очень трудно писать об этом, хочу только, чтобы ты знала общее.

Ну, господь с тобой, милая, целую тебя.

А.¹

¹ К этому письму была приложена вырезка из газеты «Биржевые ведомости» от 26 октября 1914 г. — стихотворение Блока «Последнее напутствие».

263

28 октября <1914. Петроград>

Милая моя, посылаю это опять через маминых знакомых.

Не надо ли тебе денег или чего-нибудь теплого, или чего-нибудь из твоих вещей, белья или платья? Вообще, что бы ты хотела, сейчас же мне пиши. Письма от тебя нет опять восьмой день. Прощлое письмо шло через цензуру, было разрезано, да ещё пробито, так что трудно читать.

Пиши, пиши мне. Телеграмму пришли. Господь с тобой, милая.

А.

БЛОК В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СИРИН»

Фотография, 1913—1914

Центральный архив литературы и искусства, Москва

264

3 ноября <1914. Петроград>

Милая, я получил два твои письма — от 24 и 26 окт<ября>. Очень странно, что ты не получаешь ящика, я думаю, что он лежит где-нибудь в городе, и его не доставляют к вам из-за массы посылок. Он приехал с поездом военного министерства (если приехал). Я уже говорил об этом Н. Б. Раевской, она справится. В ящике есть и журналы с картинками, м<ежду> пр<очим>, единственный заграничный модный, который был у Вольфа. Только «Les Samedi de la femme»¹ я упустил из виду, к следующей оказии достану, что можно. Тогда же пришлю свои стихи². Недавно опять поехал к тебе маленький пакет, там только газеты («День»), журналы и письмо. Ящик был отправлен скоро после 13 октября, а посылка — после 28 октября.

Я купил группу госпиталя у Буллы³. Там ты вышла очень хорошо. Прилагаю плохое воспроизведение.

Встретил Анну Ивановну⁴ на Невском, она много мне рассказала; у них все благополучно, ты знаешь, вероятно, что Муся — в Георгиевской общине⁵, а Ваня — в Боблове. Про Васю я почему-то не спросил. Анна Ивановна тебе пишет часто.

Ф<ранц>⁶ уже прошел куда-то через вас, вестей оттуда что-то нет.

Я постоянно вижусь с мамой. Мы были с ней в «Снегурочке»⁷ (в Музыкальной Дrame). Дельмас пела Леля. Бывают у меня — она и Е. Ю. К.-К.⁸

Кроме того, я вижусь и говорю с очень многими людьми. Живу очень тревожно.

Господь с тобой, милая моя.

А.

¹ «*Les Samedi de la femme*» — французская газета, которую Л. Д. Блок просила высылать ей.

² Любовь Дмитриевна просила Блока прислать ей третий том его стихотворений.

³ Карл Карлович Булла (1853—1929) и Виктор Карлович Булла — владельцы фотографии.

⁴ А. И. Менделеева.

⁵ Георгиевская община сестер милосердия (в Петрограде), где работала М. Д. Менделеева.

⁶ Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух. В письме от 31 октября Л. Д. Блок сообщила, что мимолетно встретила с ним во Львове.

⁷ «*Снегурочка*» — опера Н. А. Римского-Корсакова.

⁸ Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (1891—1945) — поэтесса, близко стоявшая к акмеистическому «Цеху поэтов», впоследствии — православная монахиня (Мать Мария) во Франции, павшая жертвой фашистского террора. В сборнике стихотворений Е. Кузьминой-Караваевой «*Руфь*» (Пг., 1916) есть стихи, обращенные к Блоку (стр. 60). Ее содержательные воспоминания о Блоке были опубликованы в 1938 г. в Париже («Встречи с Блоком». — «Современные записки», т. 62, — за подписью: «Мария Монахиня»); перепечатаны в «Ученых записках Тартуского университета», вып. 209 (1968).

265

9 ноября 1914. <Петроград>

Милая, теперь твои письма стали приходить почаще. Я получил твое письмо о Франце, мама — тоже. Очень неприятно, что посылки так задерживаются и игрушек у тебя до сих пор нет. С тех пор посланы еще два пакетика, последний — с каким-то чиновником, тоже — по рекомендации m-ше Раевской.

Я живу так, что невозможно описать в письме. Во всяком случае, очень «пышно» и очень беспокойно.

Среди тучи журналов есть один недурной — «Отечество», — издаваемый Щеголевым и Гржебиным¹. На днях я послал туда много отрывков из твоих писем, так что ты скоро будешь пропечатан, с маленькими хозяйскими исправлениями. Называться это будет «Из писем сестры милосердия»². Первый № этого журнала я тебе послал.

Встретил я И. В. Жилкина³, который рассказывает много хорошего про войну. Я думаю все чаще о том, чтобы поехать в Галицию, но когда и в качестве кого — не знаю.

Работа моя⁴ подвигается, и стихи печатаются во множестве, так что я даже деньги получаю. Господь с тобой, милая.

А.

В рел<игиозно>-фил<ософском> обществе и в некоторых иных «крес-салад»⁵ растет не по дням, а по часам. Я к этому окончательно не причастен.

¹ В издании журнала «Отечество», выходявшего под редакцией историка и литературоведа П. Е. Щеголева и художника З. И. Гржебина, в 1915 г. появился сборник Блока «Стихи о России».

² См. письмо № 253, примеч. 1.

³ Иван Васильевич Жилкин (1874—1958) — буржуазно-либеральный публицист, депутат Государственной думы; фельетонист и театальный критик; в годы империалистической войны — военный корреспондент при Обществе Красного Креста.

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ
В КАЧЕСТВЕ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Фотография, 1914

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

⁴ Над подготовкой «Стихотворений Аполлона Григорьева».

⁵ «Крес-салатом» Блок иронически называл пустые словопрения в разного рода «обществах», «кружках» и «салонах».

Крошка моя, сейчас я получил от тебя веселейшее письмо, а сам послал тебе вчера скучное¹. Сегодня уже гораздо веселей опять. День рождения² что ли так действует? Вероятно, еще и темные дни. Была промозглая оттепель.

Кроме того, сегодня я закончил некоторые неприятные дела — с «Шиповником»: получил с него часть денег, и стало спокойнее³.

Мы говорим по телефону с Пел^агеей Ив^ановной Т^ерещенко. Сирия что-то покрывает (не то закрывается совсем, не то — на время войны). Это — секрет.

Получаю я, несмотря на все, много женских писем и цветы иногда. Маленький букетик ландышей стоит на столе перед твоим портретом (на группе госпиталя).

Ящика у тебя нет — вот что мне досадно. Я знаю, что приятно получать игрушки; там бы ты много нашла. Пакетик, тобой полученный, гораздо меньше. Второй пакет — тоже маленький. Я тебе коплю всегда картинки, и пошлю еще.

Кроме Пяста, на войну взяли Шуриног^а мужа (на днях был призыв ратников 1 разр^яда до 30-ти лет).

Я принимаю пожертвования на «елку в окопах», организовано это «Бирж^{евыми} ведомостями». Сегодня мне уже приносили вещи. Напиши мне, если вспомнишь, где мои фуфайки? Я их не ношу и хочу послать на войну.

Вести о Франце пока хорошие. Мама стала уставать скоро, но бодрая.

Жизнь, пока что, летит и летит. Вокруг меня много любви, и даже — тень какой-то «славы». Что же будет дальше — с тобой и со мной вместе?

Господь с тобой.

А.

¹ Это письмо Блока до нас не дошло.

² Накануне — 16 ноября — был день рождения Блока.

³ С издательством «Шиповник» у Блока происходили расчеты по изданию «Писем» Флобера, в котором он редактировал переводы, сделанные А. А. Кублицкой-Пиоттух (см. «Письма к родным», т. II, стр. 259).

⁴ Шура — очевидно, А. М. Никитина, подруга Л. Д. Блок. Ее муж — М. А. Бихтер (1881—1947) — пианист и дирижер.

267

19 ноября 1914. <Петроград>

Ходил сегодня хозяин, делал приобретения для своего зайца¹; 1 пакет гостинцу; 1 пакет курительный (10 четверок табаку — лучше махорки, 10 трубок из корня, 2000 папирос Тары-Бары); 1 пакет — журналы с картинками и модные — новые, хорошие. Еще пакет будет — муфта (купит О. А. Мазурова² — от хозяина, плохая), конфеты от мамы и требуемые книжки; три своих³ я послал уже с чиновником, неужели и он не доведет? — Наливкой не торгуют, говорят — крепкий напиток. Да таким, как ты, вовсе и не надо наливки; еще слишком маленький.

Вчера был я у Терещенок. Елиз^авета Мих^айловна⁴ рассказывала, что всех сестер у вас хвалят (старший доктор — Бутс). Елиз^авета Мих^айловна — страшно застенчивая вообще, ты ее тогда не поняла. Она говорила, что так стеснялась, что даже лиц не разглядела⁵.

«Сирину» нашему конец пришел. Хотят закрывать (не говори об этом никому пока, если даже случится). Хозяин твой будет искать нового издателя⁶. А с Т^ерещенками отношения еще будут лучше, может быть. Им такое дело не свойственно, не по праву, и потому я, если жалею тут кого, то одного бедного Ремизова. Опять он остался на мели.

20 ноября

Муфту (из крашеного зайца, товарища твоего) мама сегодня переменила — серая подкладка лучше. Сегодня все свезу к доктору Мацкевичу⁷ (четыре пакета). — Я получил твою записочку с фотографиями.

Господь с тобой, моя милая.

А.

¹ «Хозяин» и «Заяц» («Зайц») — шуточные прозвища Блока и Любови Дмитриевны в их домашнем обиходе. Далее — о покупках, сделанных по поручению Любови Дмитриевны, в том числе — о табаке, трубках и папиросах для раненных солдат, находившихся на излечении в палате Л. Д. Блок. В письме от 30 ноября Любовь Дмитриевна благодарила за все, присланное Блоком: «Спасибо тебе, спасибо за хорошие посылки! Получала их во-всю. Журналы — замечательно пришлось по вкусу зайцу, конфеты уплетал за обе щеки — но и других угощал. <...> Папиросы уже раздавала, а табак и трубки еще нет, — их можно курить только в коридоре, а у меня сейчас мало ходячих. Но очень обидно мне, что стихов не получила — так ждала их. . . Неужели они пропадут! . . »

² Ольга Алексеевна Мазурова — давний друг семьи Бекетовых, гимназическая подруга М. А. Бекетовой.

³ Три тома «Собрания стихотворений» в издании «Мусажета» (1911—1912).

⁴ Мать М. И. Терещенко, на средства которой был устроен госпиталь, где работала Л. Д. Блок.

⁵ Е. М. Терещенко и ее дочери встречали работников госпиталя в Киеве по пути их в действующую армию.

⁶ В издательстве «Сирия» предполагалось издать собрание сочинений Блока. Об этом сообщалось в печати — см., например, «Дневники писателей», 1914, № 3/4 (май—июнь), стр. 78.

⁷ Андрей Васильевич Мацкевич — военный врач, сослуживец Л. Д. Блок, приехавший в Петроград в отпуск.

268

26 ноября <1914. Петроград>

Милая моя, привез ли тебе доктор приятные штуки? Он не слишком охотно согласился на это, надо сказать. Табак есть в Львове, говорит он, и вообще есть многое. В следующий раз я буду стараться посылать тебе приятные штуки, каких там нельзя достать.

Весело ли тебе, как было? Мне весело. Я работаю, вижу людей и Л. А. Дельмас. Был в «Пиковой даме»¹ и в концерте. У меня провел вечер Вяч. Иванов². Хожу в публичную библиотеку. Ф<ранц>³ недавно был в Бохнии, его части участвовали уже в четырех удачных боях. С мамой вижусь каждый день. Она устает очень, нервы сильно напряжены и потому выносливость меньше. Много, много всякого.

Я ловлю себя на том, что по старой привычке боюсь всего «хорошего» для себя, плохо ему верю. И все-таки мне почему-то просто хорошо было долгое время: жизнь шла такими сильными, мерными и упругими волнами. Что ты думаешь про это?

Каждый вечер окрепчиваю тебя и твою кровать.

Ящик, оказывается, поехал с каким-то жуликом, и поехал не прямо в Львов, позже, чем был нами сдан Мейендорфам⁴, так что очень вероятно, что его ты вовсе не получишь. Там были письма, хотя и неважные (мамы и мое), газеты, журналы, гостинцы, духи, почтовая бумага, мыло, картинки. Все, конечно, пустяшное, а все-таки, жаль, что ты не получила. С «оказиями» надо быть осторожнее.

Тебе не приходило в голову приехать отдохнуть на рождество?

Господь с тобой, милая, целую тебя и потихоньку за тебя тревожусь. Все-таки письма нет уже 8 дней (с того, кот<орое> привез доктор).

Господь с тобой.

А.

Выдержки из твоих писем напечатаны в «Отечестве», № 4 (пришло после). Цензура порядочно выбросила. Подписано — Л. Б. Один хозяин знает, кто за этой подписью укрылся⁵.

¹ «Пиковая дама» — опера Чайковского. Концерт с участием Л. А. Дельмас.

² Вяч. Ив. Иванов жил в это время в Москве.

³ Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

⁴ Знакомые Кублицких-Пиоттух, через которых Блок направил посылку Любови Дмитриевне.

⁵ См. примеч. 1 к письму 253.

269

3 декабря 1914. <Петроград>

Милая моя, я уж начинал за тебя бояться: две недели нет письма. Сейчас говорил по телефону с Татьяной Никол<аевной> Рузской¹, она меня несколько успокоила. Она поедет не раньше 16-го, я ей передам тогда маленький пакетик для тебя — журналы с картинками. Довез ли тебе доктор посылки?

Мы с мамой занимаемся Флобером², я продолжаю заниматься Григорьевым и всякими своими стихами, и все это перемешивается с тучей событий, встреч, отношений, так что жить не скучно, но очень тревожно. Мейерхольд выпускает, наконец, к празднику 4-ый № «апельсинов». Я уже продержал корректуру «Кармен»³. Мне говорили, что Мейерх<ольд> и Соловьев поссорились с Бонди, так что никто из Бонди даже в студии не бывает. Не знаю уж, почему так. М<ейерхольд> и О<льга> Мих<айловна>⁴ просили тебе кланяться.

Ходил я к П. Б. Струве, разговаривал с ним⁵. У меня был Вяч. Иванов. Пяст — в Свеаборге⁶. Была у меня дама (одна из давно пишущих) — актриса, красивая. Второй раз очень, бедная, плакала, я с ней строго говорил.

Собираю пожертвования. Надо приготовить стихи к Рождеству — Сытину⁷ и другим. Дела много. Получаешь ли «Русское слово»? Не думаешь ли приехать.

Н. П. Бычков⁸ в автомоб<ильной> роте в Гельсингфорсе. Письма твои пропечатаны в «Отечестве». Мама набрала на свою дивизию грудку теплых вещей.

Господь с тобой, милая, пиши мне.

А.

¹ Сестра милосердия, сослуживица Л. Д. Блок, дочь известного генерала.

² Перевод писем Флобера для издательства «Шиповник».

³ В № 4/5 журнала В. Э. Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам» был напечатан стихотворный цикл Блока «Кармен».

⁴ О. М. Мунт — жена В. Э. Мейерхольда.

⁵ Петр Берингардович Струве (1870—1944) — буржуазный экономист и публицист, в прошлом легальный марксист, после 1905 г. лидер кадетской партии, редактор журнала «Русская мысль», после Октября — эмигрант, активный деятель контрреволюции. Переговоры Блока со Струве касались сотрудничества в «Русской мысли».

⁶ На военной службе.

⁷ То есть для издававшейся И. Д. Сытиным газеты «Русское слово». Здесь, в рождественском номере (25 декабря 1914 г.), был напечатан отрывок из поэмы «Возмездие» — «Два века» («Век девятнадцатый, железный...»).

⁸ Муж В. П. Веригиной.

270

5 декабря <1914 Петроград>

Милая, вчера пришло твое письмо, которому я очень обрадовался. Писем не было больше двух недель.

Сегодня приехал Раевский¹ и привез какие-то тревожные вести о Франце. Я сейчас посылаю тебе телеграмму², а потом увижу Раевского у мамы. Между прочим, он в восторге от тебя.

Т. Н. Рузская³ говорила мне, что госпиталь неповоротлив и потому его едва ли двинут. Потому то, что ты пишешь мне по этому поводу, для меня неожиданно⁴. Пожалуйста, если двинут, сообщи мне *телеграммой*; если нельзя будет указать точно место, все-таки сообщи самый факт. Тогда я буду тебе писать опять «Действ<ующая> армия».

Рассылаю по газетам стихи к Рождеству. Господь с тобой, милая моя, милая.

А.

¹ Знакомый Кублицких-Пиоттух, приехавший из действующей армии.

² Эта телеграмма до нас не дошла.

³ См. примеч. 1 к письму № 269.

⁴ Л. Д. Блок сообщала в письме от 30 ноября: «Говорят, мы здесь не долго будем; двинут нас вперед. Давно это нам говорили, но теперь как-то и я поверила, что это будет — очень нужны госпитали поближе к делу. Но, конечно, это будет далеко не передовые позиции, а какой-нибудь городок, поближе к линии боев. Это хорошо, нас встряхнут немножко, а то очень уж удобно мы тут расположились».

271

13 декабря 1914. <Петроград>

Милая, вчера я получил твое письмо, из которого явствует, что ты не получала моей телеграммы, посланной 5 декабря (с оплач<енным> ответом). Я спрашивал, когда проехал Франц, ты этого знать и не могла. Франц уже здесь, очень бодрый и хороший, опять уедет.

О тебе я тревожусь, хотя определенных данных нет. И слухов я не слушаю¹. Людей, особенно враждебных войне, вижу я очень мало, но кажется, что постоянно нахожусь в какой-то кампании; такая во мне буря всяких чувств и мыслей.

Пишу статью о Григорьеве². «Выпиваю» иногда. Описать-то нечего, а кажется, так много.

Главное, ты *будь*. Пиши почаще. Я тобой очень горжусь, ничем так, как тобой. Господь с тобой.

А.

Если двинут куда-нибудь, телеграфируй.

Получила ли ты посылку, если не ящик, то маленькую (прежнюю — с чиновником)?

Завтра буду звонить сестре Рузской.

Господь с тобой.

А.

¹ Л. Д. Блок писала 3 декабря: «Кажется, военные события собираются сгуститься; так, по крайней мере, по слухам, — и мы будем очень недалеко от них».

² «Судьба Аполлона Григорьева» — вступительная статья к собранию его стихотворений.

272

15 декабря <1914. Петроград>

Милая моя, тебе этот гостинец передаст лучше г-н Лихутин, делопроизводитель из штаба дивизии Ф<ранца>¹. Т. Н. Рузская² скоро поедет, но, кажется, Лихутин прежде, а, кроме того, проще послать с ним, с ней боюсь я связываться, она все-таки барышня, потому церемонии требуются.

Конфеты пополам — от мамы и от меня. Журналы тебе, какие хозяин поспел набрать.

Я все пишу — статью о Григорьеве. Кажется, никогда так не было трудно и интересно вместе с тем.

Посылаю тебе свои книги³, вместо зажиленных чиновником. Первый том — без обложек, но стихи там все; ты его, верно, не будешь читать. Потом отдай кому-нибудь, если хочешь. У меня уж мало осталось, а нового издания долго ждать⁴.

Перед праздниками грустно становится.

Господь с тобой, милая. Целую тебя.

А.

¹ Ф. Ф. Кублицкий-Пиотгух.

² См. примеч. 1 к письму № 269.

³ Три тома «Собрания стихотворений».

⁴ Новое издание «Стихотворений» и «Театра» в четырех книгах вышло в 1916 г. в издательстве «Мусагет».

273

23 декабря <1914. Петроград>

Поздравляю тебя, моя милая, маленькая Бу, с праздником и с рождением вашим. Вчера у меня была сестра Ранд¹ (которую сначала, конечно, не пустили, а потом бегали за ней, и она второй раз лазала на лестницу). Передала всякие поздравляки. Сейчас я их разошлю. Ты, надеюсь, получила уже от хозяйина и от мамы конфеты, журналы и хозяйские сочинения (вторично).

Хозяин твой простужен и, так как дома усидеть не может, все не поправляется.

Франц, вероятно, около 2-го января должен возвращаться и заедет к тебе опять, если будешь на старом месте.

Бедный Пяст уже здесь и совершенно больной. Кажется, он сошел с ума опять². Кроме матери, к нему в госпиталь никого не пускают. Я все еще не могу разделаться с Аполлоном Григорьевым.

Послал тебе под бандеролью № 4—5 журнала доктора Дапертутто³. Мейерхольд сунул мне в дверь целую пачку. Далее порога он не ходил, так как у меня были гости (Л. А. Дельмас).

Твои тепленькие вещи я пошлю тебе и пришлю или с Ф<ранцем> или с сестрой Ранд.

Видел я у мамы Сережу Соловьева, который приезжал читать доклад в Р<елигиозно>-ф<илософском> общ<естве>⁴. Он очень хорошо говорил о тебе: что в тебе было в те времена мальчишеской мистики действительное основание для веры в тебя.

Когда я слышу об этом, или вижу, что склонны так думать, мне делается очень хорошо и грустно. Я-то знал это прежде всех и знаю до сих пор; — и теперь знаю, когда жизнь разделила.

Ты приедешь и играть будешь⁵. Мои праздники будут заключаться в том, что у мамы будет пьянино, и я буду слушать пение Л. А. Дельмас. С<естра> Ранд просила сообщить тебе, что с<естру> Брикс⁶, которой надавали в Львове поручений, так и не нашли здесь.

Господь с тобой, милая, целую тебя.

ТЕАТРЪ ПУТИЛОВСКАГО ЗАВОДА.

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ 14-го Юня

СПЕКТАКЛЬ

— Общества Изящныхъ Искусствъ —

Безъ вины виноватые

КОМЕДИЯ ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХъ А. Н. Островскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

I дѣйствіе

Людмила Ивановна Отрадная	Л. А. Басаргина.
Таня Ильинична Шелестина, подруга Отрадной	А. Н. Косогорева.
Аннушка, горничная Отрадной	Р. М. Морска.
Арина Галкина, швеица	В. Ю. Викторова.

Остальныхъ дѣйствій:

Елена Ивановна Кручинина, известная провинциалъ актриса	Л. А. Басаргина.
Никъ Стратонычъ Дудукинъ, богатый баринъ	А. А. Богдановскій.
Муромъ	М. Е. Нармазовъ.
Нина Павловна Каринкина, актриса	Н. А. Фетисова.
Григорій Незванскій	Н. Н. Буторинъ.
Шмага	Л. В. Глазковский.
Петя Милославскій, первый любовникъ	Л. А. Степанова.
Иванъ, слуга въ гостиницѣ	Л. Н. Леонидовъ.
Галкина	В. Ю. Викторова.

Между первымъ и вторымъ дѣйствіями проходитъ 17 лѣтъ.

— Начало въ 8 час. вечера —

Въ антрактахъ играть оркестръ музыки Путиловскаго Завода подъ управл. П. Д. Полякова.

Администраторъ Я. Я. Гречневъ.

Печ. изд. 10 Юня 1915 г. за Петр. Градъ кон. нм. нам. Лидогорскій
Типографія П. П. Гершунина, Колпинская, 43.

АФИША СПЕКТАКЛЯ «БЕЗЪ ВИНЪ ВИНОВАТЫЕ» ПО ПЬЕСЕ А. Н. Островскаго В ТЕАТРЕ ПУТИЛОВСКАГО ЗАВОДА (1915 г.)

Л. Д. Менделеева-Блок (сценическая фамилия — Басаргина) выступила в роли Отрадной-Кручининой

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

¹ Софья Евгеньевна Ранд — сестра милосердия, сослуживица Л. Д. Блок, приезжавшая в Петроград в отпуск.

² В. А. Пяст был подвержен приступам психического заболевания. «Военная служба моя была крайне непродолжительна, — писал он в воспоминаниях. — В Свеаборге (...) я тяжело заболел. Был в декабре переведен в Николаевский госпиталь в Петербурге, а поправившись, был признан к военной службе негодным. Пока я лежал в госпитале, А. А. Блок проявил по отношению ко мне самую нежную заботливость» (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. Пг., 1923, стр. 70).

³ «Любовь к трем апельсинам». Доктор Дапертутто — литературный и сценический псевдоним В. Э. Мейерхольда.

⁴ Доклад С. М. Соловьева «О современном патриотизме» состоялся в Религиозно-философском обществе 21 декабря 1914 г. Блок на докладе не присутствовал.

⁵ Л. Д. Блок писала 19 декабря: «Должна тебе сказать, что теперь, когда у меня всего 6 больных, я вижу, что очень не прочь вернуться домой; кроме того, мне отчаянно хочется играть; точно зудит во всех жилках».

⁶ Тоже сослуживица Л. Д. Блок, которую она охарактеризовала как «авантюристку».

274

31 декабря 1914. <Петроград>

Милая моя, с Новым Годом. Крещу тебя и думаю о тебе. Сегодня пришло твое письмо от 26-го. Очевидно, так надо, как решилось с вашим госпиталем. Мне очень понятно, что ты можешь почувствовать «измену», если уедешь ¹. Потом зато, когда кончится, у тебя будет сознание, что исполнено большое дело. Ну, господь с тобой.

Между тем Мейерхольд вознадеялся, что ты приедешь. На днях он звонил мне, поздравлял с праздником, благодарил за стихи (в апельсинах) ² и просил написать тебе (он твою карточку получил), что как раз эти дни особенно о тебе думает, просит передать тебе «нижайший поклон», слышал, что ты можешь приехать (от Вал<ентины> Петр<овны>) ³. Говорил с Веригиной о том, что тебя страшно не хватает в студии, что там все как-то «расстроено» оттого, что «этих людей нет», что он «страшно ждет» тебя.

Все это, я думаю, искренно, насколько хватает силы искренности в бедной его душе, запутанной. Жаловался он, что едва оторвется от своих дел, пугается массы писем, на которые не ответил, а не ответил потому, что страшно думать, страшно оставаться одному — с самим собой (такой был смысл). Вместе с тем, когда я ему стал, по обыкновению, выражать свое непонимание духа «апельсинов» и, в частности, пантомимы Соловьева ⁴, он стал говорить, что согласен — действительно Соловьев слишком впадает в «пустоту», но ему (М<ейерхольд>у) эта пустота не грозит, и они будут издавать журнал и в буд<ущем> году, «до последней капли крови». — Кстати, я слышал, что скоро состоится «выступление студии»; об этом было написано и в газетах. — Я тебе послал № под бандеролью, а теперь (с Францем) на всякий случай посылаю другой.

Дела Мейерхольда, кажется, недурны. Хотя с Сувориной ⁵ он поссорился, он ставит теперь «Двух братьев» Лерм<онтова> в Мар<инском> театре (играет Давыдов) ⁶ и пьесу З. Гиппиус ⁷ в Алекс<андринском> — играет Савина ⁸ и Рош<ина>-Инс<арова> ⁹. О своей «ссоре» с Бонди ¹⁰ он хочет поговорить со мной, когда увидимся (я все его не пускаю из-за статьи о Г<ригорье>ве, которую вчера, наконец, вчерне кончил). «Ссора», говорит он, довольно глубокая. Я тоже думаю. Поговорим.

Теперь о другом: хозяин твой нашел в сундуке только шапку, а кофточку в шкапу ¹¹. Та ли это кофточка? Кроме того, хозяин рылся в письм<енном> столе своего зайца, рылся, так сказать, с закрытыми глазами,

чтобы чего заячьего не прочесть. Цель его была — отыскать абонементные билеты Мар<ининского> театра: надо обменять 4 или 5 января, в посту пойдет вместо Вагнера Римский-Корсаков. Поиски хозяина не увенчались успехом; очевидно, судьба; пусть пропадет наш абонемент; я думаю с нашими «связями», если захотим, когда-нибудь новый добудем.

Сладкого не шлю по уговору с зайцем. Только журналы и тепленькое.

Я тут на праздники деньгу зашибал из газет. Почему-то моя «популярность» возрастает (как во время революции, так теперь, во время войны). Уважают и деньги шлют. Григорьев мой скоро будет сдан Некрасову в Ярославль (за 500 р.)¹². Корректуры Флобера (нашего с мамой)¹³ идут непрестанно, в феврале выйдет толстенный томище. С вечерами пристают. От одного, кажется, не отбояриться: придется читать патристические стихи около 20-го янв<аря> в Городской Думе в пользу лазарета искусств (устраивает Сологуб¹⁴, с которым мы в полном мире и согласии говорим по телефону и либералов, вроде Батюшкова¹⁵, ругаем). Либеральные литераторы пустились основывать общества попечения о «жертвах войны» и здесь и в Москве. Все это у них выходит вяло. Издают благотворительные сборники, в которых тоже приходится участвовать.

Сам Пропшер¹⁶ хозяину визит сделал (за 10 фунтов сахара). За то же Верховный Главнокомандующий благодарил телеграфно Пропшера, Родзянку¹⁷ и хозяина твоего¹⁸.

Пяст, говорят, поправляется. Но все-таки он свихнулся, по-видимому, так же, как в 1906 году¹⁹. Я боюсь за Женю²⁰: теориям и «деятельности» его конца нет; обо всем-то он скажет запутанно, сбивчиво и апокалипсически.

Брат Городецкого (Александр — Курицын) умер. Он с весны лежал парализованный. Осенью я писал ему ободрительное письмо²¹.

Помятся ко мне барышни и литераторы. Я не пускаю.

Ночь на Новый Год

Думаю о тебе, моя милая, и еще два имени — одно — мама, а другое — ты знаешь²². Кажется, никогда так тяжело мы с мамой, Францем и тетей²³ не встречали Новый Год. Мама — в ужасном состоянии, больна и измучена, как никогда еще не была. Франц нервничает перед отъездом. Мы с Л. А.²⁴ пришли вечером, она цела, потом я проводил ее домой и вернулся встречать Новый Год. Разошлись мы около часу. Я вернулся домой, окрестил твою комнатку, потом говорил по телефону. Потом — Мейерхольд позвонил, поздравил меня и передал телефон Ильяшенке²⁵. Кажется, она хотела пококетничать, но тон мой не очень располагал. Страшную значительность всего происходящего я чувствую. Сейчас третий час ночи. Еще какая-то барышня звонила по телефону, не говоря имени. Я попросту прикрикнул и повесил трубку. Швейцар передал мне сейчас книжку и карточку для тебя — от Жени²⁶. Как видишь, и ему невесело.

Господь с тобой, милая моя и дорогая Люба, целую тебя и крещу. Сохрани тебя бог.

¹ Л. Д. Блок писала 26 декабря: «У нас определилось положение — мы во Львове, переезжаем в новое здание(...) А я опять не чувствую никакой возможности уехать — опять чувствую это, как измену, как бегство, а мне этого ничуть не хочется».

² Цикл «Кармен» в журнале «Любовь к трем апельсинам».

³ В. П. Веригина.

⁴ «Арлекин, пристрастный к картам» — интермедия с балетом, музыкой и пением, напечатанная под псевдонимом «Вольмар Люсциниус» в журнале «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5. Блок ошибочно назвал эту пьесу «пантомимой».

⁵ Об А. А. Сувориной см. примеч. 4 к письму № 255.

⁶ Драма М. Ю. Лермонтова «Два брата» была впервые представлена по инициативе Литературного фонда в ознаменование 100-летия со дня рождения поэта, на сцене Мариинского театра, в постановке В. Э. Мейерхольда, с декорациями и костюмами А. Я. Головина и с участием известного актера В. Н. Давыдова (1849—1925). Состоялся единственный спектакль — 10 января 1915 г.

⁷ «Зеленое кольцо».

⁸ Мария Гавриловна *Савина* (1854—1915) — выдающаяся драматическая актриса, выступавшая на сцене Александринского театра.

⁹ Екатерина Николаевна *Рощина-Инсарова* (1883—1970) — драматическая актриса, в 1913 г. перешедшая в Александринский театр из московского Малого театра; после Октября — в эмиграции.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду Ю. М. Бонди, режиссер и художник.

¹¹ Исполнение просьбы Л. Д. Блок.

¹² «Стихотворения Аполлона Григорьева» под редакцией и со вступительной статьей Блока вышли в издательстве К. Ф. Некрасова (Москва—Ярославль) в ноябре 1915 г.

¹³ Письма Флобера в издании «Шиповника» (в 1915 г. вышла часть I — «Письма к племяннице»).

¹⁴ Этот вечер — «Писатели — воинам» в пользу лазарета деятелей искусств, состоялся в Александровском зале Городской думы 25 января 1915 г. В газетной хронике особо отмечалось, что в этом вечере (наряду с Ф. Сологубом, А. Ахматовой, Е. Чириковым, И. Северянином, Н. Тэффи, Ю. Слезкиным, М. Кузминым, О. Мандельштамом и др.) приняли участие «и столь редко появляющиеся пред публикой сказочник А. Ремизов и поэт Ал. Блок». В отчете о вечере сказано, что Блок «с большим успехом» прочитал два стихотворения — «Два века» (Вступление в I главу поэмы «Возмездие») и «Россия» («Грешить бесстыдно, непробудно...»). — См. «Биржевые ведомости», веч. вып. от 24 и 26 января 1915 г.

¹⁵ Федор Дмитриевич *Батюшков* (1857—1920) литературовед, критик и публицист. В представлении Блока Ф. Д. Батюшков служил живым воплощением самого духа буржуазного либерализма.

¹⁶ Станислав Максимилианович *Проппер* (1855—1931) — один из крупнейших воротил газетного мира, владелец распространенной газеты «Биржевые ведомости».

¹⁷ Михаил Владимирович *Родзянко* (1859—1924) — председатель Государственной Думы.

¹⁸ Шутка насчет «пожертвований на войну» (Блок, очевидно, пожертвовал 10 фунтов сахару); сведения о пожертвованиях публиковались в газетах, в частности — в «Биржевых ведомостях».

¹⁹ См. примеч. 2 к письму № 273.

²⁰ Е. П. Иванов.

²¹ Александр Митрофанович *Городецкий* (1886—1914) — младший брат поэта Сергея Городецкого, художник и поэт, близкий к ранним футуристам. Письмо Блока к нему не выявлено.

²² Имеется в виду Л. А. Дельмас.

²³ М. А. Бекетова.

²⁴ Л. А. Дельмас.

²⁵ Лидия Степановна *Ильяшенко* (р. 1894 г.) — драматическая актриса, участница студии В. Э. Мейерхольда.

²⁶ Е. П. Иванов.

1915

275

2 января <1915. Петроград>

Ну, милая, Франц завтра едет ¹, и я отправляю твой пакетик. Напиши ты мне, где мои теплые шапки? Я рылся в сундуках и не мог найти, до сих пор ношу «цирилиндаль». Живу я, живу — самым сумасшедшим образом. Господь с тобой. Крепко тебя целую.

А.

¹ Ф. Ф. Кублицкий-Пиотух возвращался из отпуска в действующую армию.

276

9 января 1915 ¹. <Петроград>

Милая моя, жить эти дни трудно, устал я, больше забот, чем радости. Литература безысходная.

У мамы — жар, ко всему прочему. Она сильно простужена. О тебе говорила мне (по телефону) Е. М. Терещенко. Видела ли ты Франца, получала ли картинки и тепленькое? Григорьева ² я кончаю, скоро буду сдавать в печать. Господь с тобой. Пока больше не пишу, грустно ³.

А.

¹ У Блока описка: 1914.

² Сборник стихотворений Аполлона Григорьева.

³ Л. Д. Блок ответила 19 января: «Последнее твое письмо грустное. Товарищ мой, мне это очень тяжело; так хорошо было, когда твои письма были бодрее<...> Я вполне определенно это подумала и возьму отпуск в феврале или марте, смотря когда удобнее по работе».

277

12 января <1915. Петроград>

Милая, я тебе 9-го написал преунылое письмо, прости меня, очень бывают нервы расстроены. Сейчас получил твое — от 6-го. Очень, очень хорошо ты встретила Новый Год ¹.

Жизнь моя богата. — Мама лежит больная, еще придется пролежать с неделю: сильная инфлуэнца и бронхит. Я много провожу с ней времени. Французских журналов поищу. Разве ты все видишь журналы, которые я тебе посылал?

«Сирин» окончательно ликвидируется — теперь уже это не секрет. Так вот вся литературная моя жизнь состоит из пестрых полос. Какая-то теперь будет полоса? Собственно, я доволен, что получил меньше всех

матерьяльных выгод от Терешенок, будучи близким к Сирину в течение двух лет. Так отчетливее и лучше. У меня к ним доброе чувство, думаю, что и они обо мне не думают плохо.

Господь с тобой, маленькая Бу, милая моя, целую тебя.

А.

¹ В письме от 6 января 1915 г. Л. Д. Блок сообщала: «Новый Год я встречала совсем необыкновенно: ушла одна в наш парк; там среди березок и елочек стоит ниша с мадонной и перед ней скамеечка — стоять на коленях. Была тихая ночь, чуть морозная; вдали — огни нашего госпиталя, — от них тихий свет на мадонне. Я стояла на коленях перед ней — и так легко-легко, ясно пришел Новый Год; но в очень высоком строе. Конечно, как полагается при всякой «мистике», по снегу носился черный пес, кружил, но не нашел меня и «исчез» до прихода Нового Года».

278

21 января <1915. Петроград>

Маленькая моя, вот тебе глупости. Журналы — все, какие мог достать (русских ты писала не посылать). «Femina»¹ прекратилась на время войны. Я был и у Мелье и у Вольфа².

Конфеты частью от мамы, которая тебя целует. Она недавно встала, все еще слабая довольно.

Некто П. Жуков из Уфы прислал мне книжку «Л. Андреев и А. Блок», весьма лестную для меня³. Вчера был я в гостях ночью: у Сологуба с Л. Андреевым блины ели. Большую часть рукописи А. Григ<орьева> отправил Некрасову⁴. 25-го читаю на вечере (афишу прилагаю)⁵. Мережковский мне звонил, говорил, что выкидывает из собр<ания> соч<инений> ругательную статью обо мне⁶. Кроме того, тьма литературных мелочей. Такова моя «карьера».

Жизнь же моя совсем в другом и в лучшем.

Был я у О. А. Терентьевой⁷. Она, кажется, человек дельный и серьезный.

От Франца сегодня письмо только от 9-го, что он доехал и дивизия в резерве. Где — неизвестно.

Было тут много разговоров с Мейерхольдом (стихи для апельсинов)⁸ и Соловьевым (письмо его прилагаю)⁹. Н. П. Бычков отправляется в Варшаву и В. П.¹⁰, кажется, поедет за ним (звонила к маме).

Если еще что было, то не упомяну сейчас. Пиши почаще немножко, целую тебя, господь с тобой, милая.

А.

¹ «Femina» — французский модный журнал.

² Мелье и Вольф — владельцы книжных магазинов.

³ Павел Дмитриевич Жуков — в 1915 г. преподаватель русской литературы в Уфимской гимназии. Книжка его — «Л. Андреев и А. Блок» (Уфа, 1915) — содержит два раздела: первый посвящен драме Л. Андреева «Не убий!», второй — драме А. Блока «Роза и Крест». В предисловии П. Д. Жуков следующим образом обосновал свое обращение к этим произведениям: «Статьи о пьесе Л. Андреева «Не убий!» и Ал. Блока «Роза и Крест», не связанные внешне, спаяны, как убеждают читатели, внутренним единством критического лозунга: «За вечное против моды!» Блок и Андреев — два полюса текущей литературы, по мнению автора. Андреев — Бестужев-Марлинский современности. Все кричащее, ходульное, все рассчитанное на эффект, наконец, все, что вызывается и создается модой, претворено в Л. Андрееве (во второй период его деятельности). Он — писатель типический, как угодливый фельетонист, торопящийся удовлетворить спрос и мнящий себя одинаково глубоким во всех областях знания и жизни. Популярность Андреевых — Марлинских затмевает перед читателем имена истин-

Любе.
15 декабря 1915г.

А. Григорьев

СТИХОТВОРЕНИЯ
АПОЛЛАОНА ГРИГОРЬЕВА.

«АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ. СТИХОТВОРЕНИЯ»

Редакция и статья Блока. Пг., 1916. С дарственной надписью Блока: «Любе. 15 декабря 1915 г.»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ных поэтов, скромных, сторонящихся шума людских аплодисментов. Их надо, быть может, перед обществом оправдать, иногда объяснить, и во всяком случае необходимо пропагандировать». В качестве такого «истинного поэта» современности П. Жуков и выдвигал Блока, характеризуя его в следующих выражениях: «Незамеченный писатель в наши дни, незаслуженно забываемый — стихийный, крупный талант» (стр. 31). В книжке П. Жукова дана очень высокая оценка драме «Роза и Крест» и особо отмечено художественное мастерство Блока. Вывод, к которому пришел автор в результате своего критического анализа, таков: «В стихе Блока бьется сама жизнь с ревом океана и завыванием вьюги, с минутной усталостью и преодолевающим оптимизмом — преобладание поднимающихся размеров. Фабула и язык, идея и стих тесно сплетаются в гармоническое целое, в итоге создав превосходное произведение, которое, быть может, не найдет отклика в толпе так же, как не находили его и поэмы Пушкина, заслоненные блеском Бенедиктова и Бесгужева-Марлинского, но обретет его в веках, когда время сотрет мишуру ложного и временного» (стр. 47). На экземпляре книжки, посланной Блоку (собрание В. Н. Орлова), имеется следующая дарственная надпись автора: «Глубокоуважаемому Александру Александровичу Блоку от П. Жукова в знак почтения и признательности. Уфа. 19⁷/₁ 15». На стр. 31 есть помета Блока, относящаяся к следующему тексту П. Жукова: «Всеобщее признание критикой его, Блока, таланта делается как-то холодно, нехотя. Нельзя отрицать его таланта, его значительных красивых строк, но он не родственник критикам поэт. «Что-то очень хорошее написал мой Саша, — пишет его мать-старушка своей сестре, нашей знакомой, — но — я не понимаю: дура что ли». И это откровенное признание можно распространить на наших критиков» (под знакомой П. Жукову сестрой матери Блока имеется в виду, очевидно, С. А. Кублицкая-Пиоттук). Против этих строк Блок написал на полях: «Мама этого никогда не писала. П. Д. Жуков говорит о своей ошибке в письме. Я прошу ее исправить, вложив листок в книгу». Просьба Блока, по-видимому, не была исполнена: в известных

комментатору экземплярах книги П. Жукова такого листка с исправлением ошибки не обнаружено. Письмо Блока к П. Д. Жукову не выявлено. Впоследствии, в первые годы советской эпохи, П. Д. Жуков жил в Петрограде и поддерживал с Блоком личные отношения. Об одной встрече его с Блоком рассказал В. М. Саянов в статье «Голос поэта» (газета «Вечерний Ленинград», 1946, № 184 от 7 августа).

⁴ Константин Федорович *Некрасов* (1873—1918?) — племянник поэта, владелец издательства, выпускавшего книги в Москве и Ярославле.

⁵ См. примеч. 14 к письму № 274. Афиша вечера при письме не сохранилась.

⁶ Речь идет о статье «Балаган и трагедия», напечатанной в 1910 г. в газете «Русское слово» (№ 211). Эта статья не вошла в сборник Д. С. Мережковского «Было и будет» (1915).

⁷ Ольга Александровна *Герентеева* — сестра милосердия, сослуживица Л. Д. Блок, приезжавшая в Петроград в отпуск и доставившая Блоку письмо от Л. Д.

⁸ Блок редактировал стихотворный отдел журнала «Любовь к трем апельсинам». В первой книжке журнала за 1915 г. он поместил цикл стихотворений своего старого друга А. В. Гиппиуса (под псевдонимом: Александр Надеждин).

⁹ Приложенное Блоком письмо В. Н. Соловьева до нас не дошло.

¹⁰ В. П. Веригина, жена Н. П. Бычкова.

279

28—29 января 1915. <Петроград>

Милая моя, на днях я получил твою записку от 24-го, ее мне прислали с посыльным, но без меня. Я не знаю, где живет сестра Перцова ¹, и не могу ее поблагодарить. Сегодня получил твое письмо о том, что ты попадешь в передовой отряд, и о том, что ты меня жалела, получив мое кислое письмо. Все это очень взволновало меня. Я *думаю о тебе* — думаю сквозь всю мою жизнь, которая никогда еще не была такой, как теперь. Думаю, что не только в письме, но и на словах я не скажу тебе о своем, потому что никому, и даже тебе, говорить не надо; а, что главное, ты и сама поймешь ².

Ты извести меня заранее, когда можешь приехать, все тебе будет чистенькое и тепленькое: теперь здесь большие морозы, и в твоих комнатах, которые я окрещиваю каждую ночь, душистый, почти морозный воздух, тишина невозмутимая, так что я каждую ночь чувствую это сызнова — после «своей половины». Мейерхольд продолжает спрашивать, приедешь ли ты; я отвечал, что нет (еще вчера).

3 марта — 6 месяцев с твоего отъезда. Тогда можно вернуться и *совсем*, не правда ли?

Господь с тобой, милая.

А.

¹ Сестра милосердия, сослуживица Л. Д. Блок.

² Блок имеет в виду свои отношения с Л. А. Дельмас.

280

30 января 1915. <Петроград>

Моя милая, вчера вечером пришло еще твое письмо — от 27-го — с оказией. Оно меня опять взволновало и растрогало ¹. Пропуская многие и твои и свои мысли, я отвечаю тебе, что только жизнь сама все устроит и поможет там, где, кажется, всего труднее. Пора уже это знать, когда столько пережили.

А разве тебя опять «бросило»? — меня не бросило, а привело ². Все, что со мной теперь, должно быть, я уже не «увлекаюсь», я уже не играю и не «придумываю» (на 35-м году).

Может быть, ты, впрочем, пишешь не о новом, и я просто не понял тебя. — Жизнь увлекательна, жизнь страшна, но — и милостива.

Теперь — вот что: Ан. Н. Чеботаревская³ (мы теперь в дружбе) все придумывает, как тебе известно, разные затеи. На этот раз она придумала устроить (разумеется, в пользу раненых) чтение «Розы и Креста» по ролям — чтобы читали литераторы, а актеров — поменьше. Сологуб хочет что-то читать (Бертрана?). Говорят, будто М. Ф. Андреева⁴ очень любит пьесу, хотела ставить, и с ней заведут разговор — издалека. Я напомнил о Нотмане⁵ и о тебе. Если ты приедешь, ты, может быть, вздумаешь прочесть Изору? (если не М. Ф. Андреева). На всякий случай пишу тебе об этом. Устраивать хотят на 4-й неделе поста. Я тоже какую-нибудь роль буду читать. Зал Петровского училища на Фонтанке — небольшой. Тщетны были мои уверения, что публика заснет. Игоря Северянина⁶ предлагают в Алисканы (не спросясь его). Обо всем этом еще будут разговоры. — М. б., публика и не заснет, я ведь сужу по себе; на деле мы теперь «делаем сборы». На всякий случай подумай об этом, захочешь ли прочесть Изору. Тут же Каратыгин⁷ что-нибудь пропиликает (музыку Базилевского⁸ что ли?).

Господь с тобой, милая, господь с тобой.

А.

¹ В письме от 27 января Л. Д. Блок писала: «Я об тебе думаю постоянно, мне трудно рассказать как — а только знаю, что больше всего на свете люблю тебя, куда бы меня ни бросило...».

² Речь идет о Л. А. Дельмас.

³ Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876—1921) — писательница и критик, жена Ф. К. Сологуба.

⁴ Мария Федоровна Андреева (1872—1953) — драматическая актриса, жена А. М. Горького.

⁵ Генрих Федорович Нотман — актер студии В. Э. Мейерхольда.

⁶ Игорь Северянин — литературный псевдоним поэта Лотарева Игоря Васильевича (1887—1941), главы группы эго-футуристов.

⁷ Вячеслав Гаврилович Каратыгин (1875—1926) — композитор, пианист и музыкальный критик.

⁸ Юрий Петрович Базилевский — композитор, написавший музыку к драме Блока «Роза и Крест» для Московского Художественного театра. См. примеч. 8 к письму № 281.

281

9 февраля 1915. <Петроград>

Писем твоих давно нет, моя милая (последнее получил с оказией 3 февраля), и я, в связи с событиями, тревожусь.

За это время побывал я, наконец, у Жени¹, обедал там. Потом — был с Зин<айдой> Ник<олаевной> Гиппиус на репетиции «Зеленого кольца»². Очень хороша темная Александринка, сцена, артистическое фойе и коридоры. Савина на репетицию не приехала. Я говорил с Рошиной-Инсаровой. Еще из «известных» играют Петровский³, Домашева⁴ и Юрьев. Мейерхольд говорил хорошую речь актерам. Все это было интересно, но, с точки зрения «воплощения Зин. Гиппиус», пожалуй, безнадежно. Зин<аида> Ник<олаевна>, как ты можешь представить, говорить с актерами не умеет, конфузится, как девочка, и цепляется за меня⁵. Потом пили мы чай с двумя Дмитриями⁶, вернувшимися из рел<игиозно>-фил<ософского> собрания. Нам с ней было все-таки веселее, чем им. — В четверг (12-го) я пойду, надеюсь, на спектакль студии (не один), а 16-го — на «Зел<еное> кольцо» (тоже не один)⁷.

<...> Корректуры Флобера и Григорьева.

Оттепель, весна. Жизнь богатая, тревожная. Жить хорошо, но о тебе я беспокоюсь. Господь с тобой, пиши, милая.

А.

Р. С. Сейчас пишу Анаст. Н. Чеботаревской письмо с отказом устраивать чтение «Р<озы> и К<реста>». Слишком у нас разные вкусы⁸. <...>

¹ Е. П. Иванов.

² «Зеленое кольцо» — драма З. Гиппиус, готовившаяся к постановке в Александрийском театре (режиссер — В. Э. Мейерхольд). Драма была посвящена «исканиям» и судьбе тогдашней молодежи; тема эта живейшим образом интересовала Блока, на эту тему он много беседовал с З. Гиппиус, что отчасти отразилось и в посвященном ей стихотворении «Рожденные в года глухие...» — в первоначальном его варианте:

Мы все — невольны или вольно —
Свидетели великих лет,
Мы знали голос колокольный,
Вы, вновь родившиеся, — нет.

³ Андрей Павлович Петровский (1869—1933) — драматический актер и режиссер в Александрийском театре с 1904 по 1917 г.

⁴ Мария Петровна Домашева (1875—1952) — драматическая актриса.

⁵ З. Н. Гиппиус в статье «Зеленое — белое — алое», присоединенной в качестве послесловия к драме «Зеленое кольцо» (изд-во «Огни», П., 1916; первоначально в газете «Биржевые ведомости», утреч. вып., 1916, 23 апреля), писала об этой репетиции: «Мне удалось видеть только одну репетицию, и ту без второго акта (савинского), дней за десять до представления. Мы поехали в театр часов в 10 вечера, вдвоем с А. А. Блоком (пьесу он, конечно, знал раньше, и она ему была приятна). По дороге вспоминали «Балаганчик» на сцене Коммиссаржевской, под режиссурой того же Мейерхольда, лет десять тому назад. — «Вы были довольны своей пьесой?» — спрашиваю. — «Вам доставляло это удовольствие?» — «Нет». — Блок говорит мало, но всегда очень определенно. Тихая репетиция в пустом полутемном театре — приятное зрелище, спокойное. Все не налажено, все не так, — но видишь самую работу налаживания, видишь умелых людей, и очень любопытно наблюдать... Плохо налаживалось самое «Зеленое кольцо», сцена собрания: «Смотрите, как они ничего не понимают», — шептал мне Блок. «Они даже не понимают прямого смысла слов, которые произносят. И оттого — ни статья ни сестра...» Мейерхольд видел не хуже Блока. И после этой сцены собрал в фойе молодежь (подлинную молодежь, иные еще только школу кончали). «Вы поймите, — взволнованно убеждал он молодых артистов, — вы поймите, что центр этой сцены — «вместе». Каждый должен чувствовать себя живой частью одного живого целого...» Я не помню точных слов, и всей технической стороны речи Мейерхольда, но суть ее здесь переданная, была именно такова...» (стр. 143—145).

⁶ Имеются в виду Д. С. Мережковский и Д. В. Filosoфов.

⁷ То есть с Л. А. Дельмас.

⁸ Вот это письмо: «Нет у меня желания предпринимать чтение «Розы и Креста». Пьесу эту надо — или играть на сцене, или читать про себя по книге. Никакой середины я не вижу. Вы предлагаете то гобелены, то столы, закрывающие чтецов до подбородка, то Мандельштама, то Игоря Северянина; из всего этого я вижу, как разное мы к этому относимся. Есть во всех делах своя мистика, и отношение к «Розе и Кресту» у меня сложное, и, как во всем для меня важном, такое, что я предпочитаю не делать опытов и прятать, пока не найду действительного (или — хоть приблизительного) согласия воли и вкусов и темпераментов, и т. д., и т. д. <...> Да и музыки Базилевского я не знаю, сам судить о ней не могу, а человека, которому я бы поверил относительно музыки к этой пьесе, сейчас около меня нет. По всем этим причинам, оставим это дело» (VIII, 439).

ДЕРЕВНЯ КОЛБЫ

Рисунок Блока. 1916

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

282

Телеграмма

15 февраля 1915. <Петроград> ¹Телеграфируй писем нет. А.²¹ Дата телеграфного бланка.² Ответная телеграмма Л. Д. Блок из Львова от 15 февраля: «Здорова благополучно писала Л ю б а».

283

19 февраля 1915. <Петроград>

Милая моя, милая. Кроме телеграммы, которую я получил в тот же день, когда послал тебе свою, я получил от тебя два письма: второе — вчера (с оказией, от 14-го).

Ты пишешь, что я должен не беспокоиться. Это ведь только способ выражения — беспокойство. Теперь особенно — все, что я о тебе чувствую — превышает все беспокойства; т. е. беспокойство достигло предела и перешло уже в другое, в какой-то «огненный покой» ¹, что ли. Благодарю тебя, что ты продолжаешь быть со мною, несмотря на свое, несмотря на мое. Мне так нужно это.

Сегодня я собирался написать тебе зараз о студии и о «Зеленом кольце». Только очень уж сегодня все во мне спутано и обострено, не могу писать подробно.

На спектакль студии ² я пошел, как всегда, с открытой душой, с желанием, чтобы мне понравилось, и мне, как всегда, страшно не понравилось

почти все. <...> узорные финтифлюшки вокруг пустынной души, которая и хотела бы любить, но не знает источников истинной любви. Так как нет никакого центра, нет центрального огня, который и есть *любовь* и *воля*, — мне и тяжело и скучно от никчемного «легкого веселья», и я не могу простить подробностей, которые простил бы, мож(ет) быть, если бы меня хоть немного «обожгли» тем огнем, в котором все и без которого ничто не мило. Молодые и пожилые люди претенциозно кривляются: глуповатая хорошенькая мордочка Ильяшенки³; инженерша Вал(ентина) Петровна⁴ послушно валяется по полу. Нотманские⁵ ноги мелькают в течение всего вечера, так что тошно от повторяемости мельканий. Бедная угреватая Ада Корвин⁶ печально кривляется. Какая-то больная старуха сидит на столе на корточках. Изобретательности настоящей нет, воображение бедное и больное. Жакомино⁷ — гений рядом с ними. Один его жест стоит всей студии. Неталантливые люди и некрасивая фантазия. О, если бы люди умели сузиться, поняли, что честное актерское ремесло есть большой чин, а претензии на пересаживанье каких-то графов Гоцци на наш бедный, задумчивый, умный север, *РУССКИЙ*⁸ — есть только *бесчинство*. Все это больно, потому что Мейерхольд — славный, и несчастный калека Соловьев — тоже.

В «Зеленом кольце»⁹ Мейерхольда вовсе не было, а были Гиппиус, Савина, Домашева и нек(оторые) другие. Актеры сыграли пьесу в четверть ее роста. Пьеса неумелая, с массой недостатков, и все-таки — какого она *роста*, какой *зрелости*, даже в руках актеров!

После об этом. Господь с тобой, милая.

А.

¹ Источник цитаты не установлен. Может быть, Блоку запомнились слова «Я увидел покой огневой...» из стихотворения А. Мировпольского «В магическом круге», напечатанного в альманахе «Северные цветы на 1901 год». М., 1901, стр. 107.

² Спектакль студии В. Э. Мейерхольда, показанный в первый раз 12 февраля 1915 г. Программа спектакля состояла из интермедии Сервантеса «Саламанкская пещера» и ряда «этюдов», «пантомим» и «клоунад» («Уличные фокусники», «История о наже, верном своему господину», «Две Смеральдины», «Мышеловка», «Офелия», «Арлекин — продавец палочных ударов», «Три апельсина», «Женщина-кошка, птица и змея» и др.) в духе и манере итальянских народных представлений и комедиографии К. Гоцци. Спектакль шел в постановке В. Э. Мейерхольда и В. Н. Соловьева и в декорациях работы художника А. В. Рыкова.

³ Л. С. Ильяшенко — см. примеч. 25 к письму. № 274.

⁴ В. П. Веригина, жена инженера Н. П. Быкова.

⁵ Генрих Федорович Нотман — актер, участник спектакля.

⁶ См. письмо № 130, примеч. 4.

⁷ Жакомино (Джакомо Чирени) (1884—1956) — итальянский цирковой артист, клоун, выступавший в Петербурге; в 1916 г. вернулся на родину.

⁸ Подчеркнуто трижды.

⁹ Премьера драмы З. Гиппиус «Зеленое кольцо» в Александринском театре состоялась 18 февраля 1915 г. См. письмо № 281 и примеч. 5 к нему.

284

Телеграмма

4 марта (1915). Петроград¹

Когда приедешь жду не пишу А.²

¹ Дата телеграфного бланка.

² Ответная телеграмма Л. Д. Блок от 5 марта из Львова: «Приеду не раньше недели здорова пиши Л ю б а».

285

6 марта 1915. <Петроград>

Воображаю, как ты устала, милая¹. — Жду тебя, соскучился о тебе, постараюсь натопить твои комнаты. Здесь опять морозы. Вчера получил твою телеграмму и письмо. Пожалуй, ты и этой записки уже не получишь. Кроме этих стихов из «Рус<ской> мысли»², я послал тебе альманах «Стрелец»³. Брось его там, если получила.

Господь с тобой, телеграфируй, когда выедешь⁴, жду тебя, маленький, милая моя.

А.

¹ Л. Д. Блок писала 3 марта: «Я ужасно хочу уехать отсюда, и думаю, что не вернусь сюда больше, поэтому жду К<узьмина>-К<араваева> повидаться перед отъездом; оттого еще не еду(...) А уехать хочу, п<отому>, ч<то> не только устала адски, но уж очень соскучилась по настоящему «своему», здесь ведь все-таки все время заставляешь себя, заставляешь...».

² Стихи при письме не сохранились. Имеется в виду цикл «О чем поет ветер», напечатанный в «Русской мысли», 1915 № 2 (февраль), с посвящением: «Посвящается моей жене».

³ «Стрелец». Сборник первый. Под редакцией Александра Беленсона (Пг., 1915). В этом сборнике впервые объединились под одной обложкой поэты-символисты и футуристы (Блок, Сологуб, Ремизов, Кузмин, Д. Бурлюк, Каменский, Крученых, Маяковский, Хлебников). Блок напечатал в «Стрельце» стихотворение «Из жизни моего приятеля» («Жизнь проходила, как всегда...») и перевод «Действа о Теофиле» Рютбефа.

⁴ Л. Д. Блок телеграфировала 14 марта: «Выезжаю сегодня вечером 11 юб а». В дальнейшем она в течение летнего сезона 1915 года (начиная с 7 июня) играла в передвижной труппе А. П. Зюкова, выступавшей в пригородах Петрограда в самом городе, — между прочим, на Путиловском заводе. В связи с последними выступлениями Блок писал матери 13 июня 1915 г.: «Люба разговаривала с представителями рабочих Путиловского завода, и все, что она рассказывала об этом, показывает мне, что она попала в хорошее и большое дело» (VIII, 477). Блок посетил один спектакль, устроенный на Путиловском заводе, — «Без вины виноватые» А. Н. Островского («Письма к родным», II, стр. 272).

286

9 июля 1915. <Шахматово>¹

Маленькая моя Бу, я получил два твоих письма, второе — с тяжелыми известиями — сегодня². Сегодня вообще с войны вести невеселые; пишет Франц и мамина знакомая дама.

Здесь прекрасно жить, мне бывает легко, как давно не бывало, когда чувствуешь только природу кругом. Но часто все-таки и не легко, очень уж мысли мои спутаны и невеселы, и «возраст критический».

Сейчас я пишу ночью, в твоей постельке. Гуляю я мало, больше около дома брожу. Пилил и рубил, сначала было трудно, теперь уже окреп.

Тебе бы тут было хорошо. Воздух, жара, груды клубники и виктории, розы белые цветут так, как ты говорила. «Получаешь»³ ли ты хоть от игры? Ты не написала, был ли успех Островского и Горького⁴.

Мама не хорошо себя чувствует, хотя бодрится. Теперь еще у нее болит нога, так что ходить нельзя.

Гудинский Владимир⁵ спрашивал меня, оказался ли «подлинным» портрет митрополита Платона, и намекал, что ты его не покупала. Что ему сказать? Мож<ет> быть, отдать, если спросит или — купить?

Поцов в Ильин день решили не звать — гора с плеч. С собаками история — ничего не едят, скитаются; Топка от любви к Розе превратился в скелетик.

Тетя ⁶ ездила в Сафоново ⁷. Мужики вместо водки добывают иногда одеколон. Все сплетни о войне, слышанные в городе, известны и здесь. В Казанскую служили молебны о даровании победы.

Сенокос у нас, трава великолепная.

Господь с тобой, маленькая моя Бу, пиши хозяину.

А.

10 июля.

¹ Блок 30 июня уехал в Шахматово.

² Л. Д. Блок писала 7 июля 1915 г.: «Сегодня я получила телеграмму от Кузьмина-Караваева о том, что 3-го июля убит его брат, а он сам контужен снарядом в голову, — это он пишет в письме, сидит в обозе; надеюсь, что контузия легкая, судя по почерку. <...> Очень тяжело.»

³ Словечко, принятое в домашнем обиходе Блоков («получаешь удовольствие»).

⁴ Л. Д. Блок играла в комедии А. Н. Островского «Без вины виноватые» и в драме М. Горького «Мещане».

⁵ Видимо, некто Владимир из деревни Гудино, расположенной неподалеку от Шахматова.

⁶ М. А. Бекетова.

⁷ Имение тетки Блока С. А. Кублицкой-Пиоттух.

287

24 июля 1915. <Шахматово>

Моя маленькая Бу, ты давно не писала. Как ты сыграла Василису Мелентьеву ¹ и что еще будешь играть?

У нас с 14 до 17 был Франц ². Он получил дивизию (вторую стрелковую Финляндскую). Теперь она уже в бою.

О войне ты, я думаю, знаешь не меньше плохого, чем мы.

Были в гостях Кублицкие (кроме Фероля) ³.

Давно уже не жарко и идут дожди.

Может быть, приедет Л. А. ⁴

Сенокос еще не кончен. Рабочих совсем нет.

Я очень много тебя вспоминаю и скучаю по тебе. Мне кажется, что ты приедешь сюда осенью, хоть не надолго, если я останусь здесь.

Мама долго лежала, у нее болела нога. Она часто видит тебя во сне.

Господь с тобой, Бу.

А.

¹ Героиня исторической драмы А. Н. Островского и С. А. Геденова «Василиса Мелентьева».

² Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух приезжал в Шахматово из действующей армии, в отпуск.

³ Семья С. А. Кублицкой-Пиоттух, жившая по соседству — в усадьбе Сафоново. Фероль — Ф. А. Кублицкий-Пиоттух, двоюродный брат Блока.

⁴ Л. А. Дельмас. Она провела в Шахматове несколько дней в конце июля.

288

<Между 11 и 14 августа 1915. Петроград> ¹

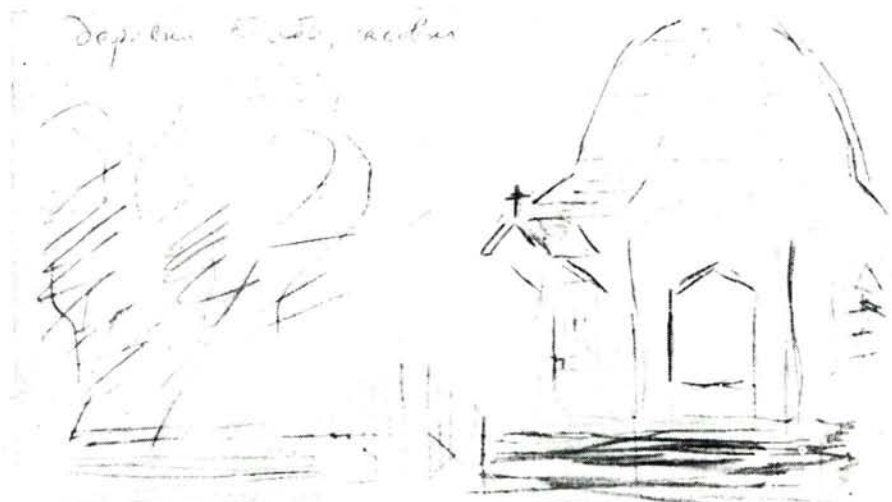
Прости, милая, что я так расстроил тебе все своим неожиданным приездом. Напиши мне, когда вернешься ². Во мне все так переломано и исковеркано, если бы ты знала.

Не о пустяках тут речь ³.

Господь с тобой.

А.

Мы оба — слепые, ослепшие.

«ДЕРЕВНЯ КОЛБЫ, ЧАСОВНЯ»

Рисунок Блока с его надписью, 1916

Центральный архив литературы и искусства, Москва

¹ 10 августа 1915 г. Блок выехал из Шахматова в Петроград и пробыл там до 14 августа. Это недатированное письмо, он, очевидно, оставил дома, перед своим отъездом. На конверте — надпись: «Любе».

² Л. Д. Блок, по-видимому, уезжала навестить К. К. Кузьмина-Караваева, который был контужен в бою (см. примеч. 2 к письму № 286). Она вернулась в Петроград 22 августа.

³ Ср. письмо Блока к Л. А. Дельмас от 12 августа 1915 г. («Звезда», 1970, № 11, стр. 199—200).

289

4 сентября <1915. Шахматово>

Моя милая, не знаю радоваться ли за тебя, что ты поступила к Яворской¹. Тут я вижу хорошее в том, что у тебя под рукой дело; еще, что ты на войну не поехала; это уж для меня.

Здесь — осень, клены золотые. Все время я мудрю с садом.

Очень хорошо, что ты удалила прислуг. Мать я не видал, но дочь мне очень не понравилась.

Не могу себе представить, где спрятаны карточки актрис². Напиши, как ты думаешь, где?

Очень долго не было от тебя письма, так что я стал сильно бояться. Пока что, мы с мамой собираемся возвращаться в конце месяца.

А я твоё окно чинил, все тебя ждал.

Получил письмо от Княжнина; у него родилась дочь; а у Пяста умер младший сын — мой крестник³.

Может статься, что ты получишь (на свое или на мое имя) разные части книги Ап. Григорьева — для Княжнина. Он тебе будет звонить, ты ему передай или перешли⁴.

Я беспокоился, что не оставил тебе денег; дам, воротясь.

Когда открывается сезон? Что еще будешь играть?

Спасибо тебе за поздравление⁵. Я был в этот день в Сафонове⁶.

Напиши мне адрес Пяста, если он *новый* (Княжнин скажет).

ШАХМАТОВО. ДОМ И САД

На переднем плане — М. А. Бекетова

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

6.IX.

Сейчас еду в Москву за плитой.
Напиши. Господь с тобой.

А.

И маме напиши.

¹ Лидия Борисовна *Яворская* (Барятинская) (1872 — 1921) — известная драматическая актриса, с 1900 г. владелица и руководительница «Нового театра». Л. Д. Блок писал 27 августа: «А ты радуйся на своего зайца: его наняли к Яворской за 80 руб. — а ты говорил: цена ему «пяť»... Нет, я, правда, очень довольна. Меня пригласили на определенное положение — «grande-dame и другие роли» (так написано в контракте); вчера уже получила роль в «Школе злословия» Шеридана, идет для открытия. После Яворской — роль моя самая интересная: м-с Кэндер. Вчера я и контракт подписала, и репетировать уже начали. Режиссер — Воронников. Мне Яворская очень нравится: воплощенная воля, худая, безобразная, хрипучая, умная, и как какая-то шрапнель — летит к цели и ничто на свете ей не мешает... С ней очень полезно мне будет «общение»: научусь, я чувствую, хотеть посильнее теперешнего». В дальнейшем роль м-с Кэндер у Л. Д. Блок отобрали.

² Любовь Дмитриевна просила Блока привести ей из Шахматова хранившиеся у нее карточки актеров: «особенно большие — Дузе, Сара Бернар, Яворская».

³ Блок писал В. И. Княжину 6 сентября 1915 г.: «Поздравляю Вас с рождением дочери. Мне было бы страшно, если бы у меня были дети. Теперь особенно, после того, как я узнал (из Вашего письма), что сын Пяста умер: он — мой крестник. Пускай уж мной кончается хоть одна из блоковских линий — хорошего в них мало» («Письма Александра Блока». Л., 1925, стр. 206).

⁴ Блок передавал В. Н. Княжнину на просмотр отпечатанные листы книги «Стихотворения Аполлона Григорьева». В. Н. Княжнин был знатоком жизни и творчества Ап. Григорьева.

⁵ Со днем именин.

⁶ Усадьба С. А. Кублицкой-Пиоттух, тетки Блока.

290

8 сентября (1915 Шахматово)

Милая, я получил твое письмо на станции, воротясь из Москвы¹. Было очень холодно и я, читая письмо, пил чай в трактире. Письмо тронуло меня очень: все так трудно, и вдруг — ты обо мне соскучилась².

Ко всему происходящему бедная тетя³ получила письмо от дворника, что ее квартиру опять обокрали. Аннушка⁴ уезжает, потому что, по-видимому, украли ее вещи. Вероятно, и мы с мамой останемся здесь не так долго, как думали. Потому — нанимай прислугу. Может быть, годится какая-то знакомая Аннушки — Маша. Найди ее через Аннушку (она приедет 11-го).

Не нанимай только двух, пожалуйста, и с одной тошно.

В Москве пока нет только газет и трамваев (кроме военных заготовлений).

Господь с тобой, это все-таки нехорошо — себя рекламировать; слава богу, только, что об этом никто не узнает, потому что газеты эти никому не известны⁵. Напиши мне, маленькая Бу.

А.

Я опустил предыдущее письмо в Москве.

¹ Блок 6 и 7 сентября провел в Москве (по хозяйственным делам).

² Л. Д. Блок писала 4 сентября: «Напиши мне скорее, как ты и как у вас? Я по тебе соскучилась чего-то... Буду рада, когда ты приедешь, хотя я очень, очень рада, что ты так долго живешь в лесочке, и живи там подольше!»

³ М. А. Бекетова.

⁴ А. И. Шелгунова, прислуга М. А. Бекетовой, прожившая с ней свыше тридцати лет.

⁵ Л. Д. Блок послала в письме от 4 сентября вырезку из газеты «Биржевые новости» — анонимную заметку, в которой речь шла о ней как о талантливой актрисе (под псевдонимом: Басаргина). При этом она писала: «Посылаю тебе заметку из «Биржевых новостей» (это, увы, не «Биржевка» <то есть не широко распространенная газета «Биржевые ведомости». — В. О.), а дрянь, которую никто не читает). Вот на какие штучки я пустилась! Эту поместил К(узьмин)-К(араваев) через товарища, а Ивойлов <В. Н. Княжнин> обещал подобную в «Петр(оградском) курьере»<...> Пожалуйста, покажи маме и тете, какой твой «дурака» рекламист. Я только сейчас поняла, как хорошо, что я взяла псевдоним: могу проделывать все эти глупости, а твое имя, конечно, я никогда не решилась бы трепать по газетам».

291

14 сентября 1915. (Шахматово)

Поздравляю тебя с именинами, моя маленькая Бу. Напиши мне, как ты и что?

Тетя¹ собирается уезжать 20-го, а мы с мамой — на неделю позже². Я сегодня тебя, моя Бу, видел во сне.

Господь с тобой.

А.

¹ М. А. Бекетова.

² Блок вернулся в Петроград 29 сентября.

31 марта 1916. <Москва>¹

Москва, Тверская 33, гостиница «Мадрид и Лувр», комн(ата) 52.

Маленькая Бу, вот мой адрес, напиши, как ты, что? Почти ничего не пишу тебе, маме подробнее описал, спроси у нее письмо. Мне здесь хорошо. Не знаю, когда приеду, мож(ет) быть, и к Пасхе. Комната большая, хорошая. Все, кажется, еще дороже, чем у нас. Сегодня снег пошел.

Я приглашен каждый день обедать к Станиславскому, с ним и без него. Вчера обедал, Лилину² видел мельком (она играла). Сын и дочь застенчивые. Много он мне рассказал про Мейерхольда — совсем не хорошего.

Сегодня я кончаю чтение пьесы со многими комментариями³. Что дальше будем делать, — не знаю.

Господь с тобой, Бу, напиши записочку. А.

¹ Блок с 29 марта по 6 апреля 1916 г. был в Москве, в связи с постановкой драмы «Роза и Крест» в Художественном театре. В эти дни он прочитал пьесу актерам, изложил ее главную идею и присутствовал на первых репетициях. Более подробно о своих московских встречах и впечатлениях он рассказал в письмах к матери от 31 марта и 4 апреля (см. VIII, 459—560, и «Письма к родным», т. II, стр. 278).

² Мария Петровна *Лилина* (Алексеева) (1866—1943) — драматическая актриса, жена К. С. Станиславского.

³ В письме к матери от 31 марта 1916 г. Блок сообщал: «Несмотря на то, что к вечеру устаю до неприличия, чувствую себя в своей тарелке. Каждый день в половине второго хожу на репетицию, расходимся в 6-ом часу. Пока говорю, главным образом, я, читаю пьесу и объясняю, еще говорят Станиславский, Немирович и Лужский, а остальные делают замечания и задают вопросы» (VIII, 459).

27 июля <1916. Поезд, около Гомеля>¹

Подъезжаю к Гомелю, тепло. Мамин унив(ерситетский) значок сломался, купи маленький (на Загородном 42 — 2 р. 50 к.), пришли через неск(олько) времени. Не торопись с этим, у меня есть еще один. Господь с тобой, милая.

А.

¹ 7 июля 1916 г. Блок был призван на военную службу и зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского союза земств и городов; 26 июля он выехал в распоряжение дружины (станция Лунинец Полесских железных дорог, в районе Пивских болот).

БЛОК СРЕДИ СОСЛУЖИВЦЕВ ПО 13-Й ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ДРУЖИНЕ
БЛИЗ СТАНЦИИ ПАРОХОНСК (БЕЛОРУССИЯ)

Фотография, 1916

Литературный музей, Москва

294

Утро 28 июля <1916. Гомель>

Люба, уж не ищи универ<ситетского> значка, я купил его в Гомеле. Скоро еду.

А.

295

2 августа 1916. <Парохонск>

Люба, я о тебе страшно соскучился. 2 дня я жил в деревне, теперь — в княжеском имении. Блох понемногу истребляю, а скуку — нет. Ко всему привык, точно живу здесь месяц. Писать часто едва ли буду. Очень много «нового», но все — то же самое, тебе, вероятно, известно это чувство.

Напиши, напиши. Адрес такой: Полесских жел<езных> дорог, ст<анция> Лунинец, 13-я Инж<енерно->Стр<оительная> Дружина В<серосийского> З<емско->Г<ородского> С<оюза>, мне. Когда у меня будет дело, я буду, вероятно, в друг<ом> месте, но адрес будет тот же.

Летают аисты (но и другие птички) ¹.

Такса зовут здесь Фокой, а полицейск<ую> собаку — Фрикой; мы — товарищи, господь с тобой.

А.

¹ «Другие птички» — немецкие аэропланы.

4 августа 1916. <Парохонск>¹

Люба, один из моих товарищей едет в Петерб<ург> и потому я могу написать тебе всякие нецензурные подробности. Мы живем в имении князя Друцкого-Любецкого¹ «Парохонск», верст в 12 от позиций. Я живу в главном доме, сплю, ем, скучаю и ничего не делаю. В 3-х верстах — станция Парохонск на реке Бобрике (как и мы). Это — последняя станция, куда доходят этапные поезда (из Лунинца), дальше идут уже только воинские, часто слышна канонада (глухая), в ясную погоду утром и вечером посещает нас аэроплан, бросающий бомбы гл<авным> обр<азом> на мост у Парохонска и в ст<анцию> Лунинец, где 90 путей. В мост ни разу не попал. В доме и флигелях стекла выбиты, одна бомба упала в падисадник месяца 3 назад. При мне бомб у нас еще не бросали. На горизонте видна иногда дозорная колбаса (привязанный шар), ночью — ракеты и прожекторы. Болот много, но мы сравнительно высоко. Тишина глубокая, несмотря на наших рабочих, которых еще мало. Единственный передовой отряд (их должно быть 4) работает в Чернове (верст 30 от нас наискосок — все это есть на штабной трехверстке, если не продадут, достань у кого-ниб<удь> по протекции) — близко от позиций (верст 5—6). До с<их> п<ор> неизвестно, попаду ли я в передовой отряд. Табельное дело очень просто, но не комфортабельно (как жизнь здесь). Рабочие неизв<естно> когда будут. Пока хозяйство анекдотическое. Строят телефоны и ватерклозеты. Ем много и, кроме казенного, еще пью молоко, иногда грызу шоколад, угощают конфетами и т. д. В деревне «Камень», куда я приехал на мешках с мукой по узкоколейке из Ловчи (169 верст), я прожил всего два дня, здесь отсыпаясь. Приехала вчера начальникова жена. Начальник милый, совершенно безвольный, помощник его — инженер, поляк, светский, не милый, но тоже безвольный. Пока что — я «помощник коменданта». Такой должности нет, потому я, погуляв и изредка расквартировав вновь прибывших, пью чай и болтаю в той или другой конторе. Именье большое и запущенное; обед в 1 час, ужин в 7 (или все опаздывает), встаю в 7, в 8-ом (вначале в 6). Живу в одной комн<ате> с Егоровым, Влад<имиром> Ник<олаевичем> (сын профессора — техник), паном Протасовичем (тоже техник) и студентом Книпгаузенем (теперь заведует обозом). Рядом живет Идельсон² (прис<ажный> пов<еренный>), товарищ Фероля³ по гимназии и Пяста впосл<едствии>) и мн<огие> др<угие> — кто с текущих счетов, кто студент, всякие. Все это интересно маме, а мне — не очень. Говорят, мы здесь надолго.

7 августа

Три последних дня я провел веселее. 4-го мы с таким же свободным от занятий табельщиком Зайцевым решили ехать на позиции, выпросили лошадей, сделали круг верст 20. До позиций не доехали, было жарко, но видели настоящие окопы и проволоку, ездили по болоту и по полотну ж<елезной> д<ороги> и т. д. 5-го я был командирован с начальником обоза (студентом) покупать бензин. Поехали на грузовом автомобиле, вернулись только вчера (без бензина, но с разными мелкими покупками), сделали верст 80. Шина лопнула, застревали в болотах и песках, ломали мосты, чтобы проехать, ночевали в Лунинце в офицерской гостинице (бесплатно). Я загорел отчаянно, на солнце было градусов 35. Шатались безуспешно по интендантск<им> складам <...> лавкам и путям ж<елезной> д<ороги>. Вечером и на след<ующее> утро обстреливали там аэропланы — очень красивые разрывы шрапнели вокруг аэроплана. Оба раза его прогнали, и бомб он не сбросил.

У меня до с<их> п<ор> нет ни одного письма — ни от тебя, ни от мамы. Адрес — ст. Лунинец Полесских ж. д., 13-я Инж<енерно>-Стр<оительная> Дружина А. А. Блоку.

Вчера я купался после поездки в перв<ый> раз как следует — очень приятно. Под усадьбой — река Бобрик, есть места с песчаным дном.

От лошади я, оказывается, не отвык, и мало устал, проехав 20 верст по жаре — всеми аллюрами.

Вчера вечером у нас пели русские и малоросс<ийские> песни — мне очень нравилось.

Однако — скучно. Я бы предпочел жить иначе.

Ну, господь с тобой. Больше нечего писать. Скучаю о тебе, напиши мне, Бё.

А.

Письмо перешлет Иван Владим<ирович> Гебельт.

Когда-ниб<удь> пришли сладкого и как<ую>-ниб<удь> закуску — здесь друг друга угощают ⁴.

¹ Иероним Эдвинович кн. Друцкой-Любецкой (1861—?)

² Наум Ильич *Идельсон* (1885—1951) — юрист и математик; в 1917 г. сослуживец Блока по Чрезвычайной следственной комиссии.

³ *Фероль* — двоюродный брат Блока, Феликс Адамович Кублицкий-Пиоттух.

⁴ К письму приложена карта, нарисованная Блоком (см. стр. 365).

297

9 августа <1916. Парохонск>

Сегодня уезжает в П<етер>б<ург> И. В. Гебельт. Он едет гл<авным> обр<азом> по делу о воинской повинности; относит<ельно> большинства из нас (в том числе отн<осительно> меня) поступил запрос из Минска. Воинская повинность еще угрожает, начальник примет разные меры, но нельзя быть уверенным в благополучном исходе.

Вчера я опять ездил верхом на прелестной лошадке. Сегодня пролетел аэроплан, вероятно, как всегда, к Лунинцу, нами мало интересуется, и мы недурно замаскированы.

Больш<ей> частью, все-таки, скучно, моя Бу. Напиши ты мне, ездила ли в Москву, писала ли тебе что-ниб<удь> мама и ты маме, будешь ли играть где-нибудь ¹. У меня некоторые дни длинны, как недели, кажется, что прошло много времени. Дела в дружине еще не налаживаются, рабочие уходят, мы уже вызывали стражников.

При всем этом — мир и тишина поразительные, как будто нигде ничего не происходит.

Господь с тобой.

А.

¹ Л. Д. Блок должна была поехать в Москву для устройства своих театральных дел, но пыталась наладить их в Петрограде, в частности — в театре П. П. Гайдебурова.

298

11 августа 1916. <Парохонск>

Сегодня мы уезжаем в отряд большой компанией. Там у меня будет, мож<ет> быть, дело. Вероятно, скоро перейдем на новое место, можем оказаться и совсем в другом — дальше. Письма будут только с оказией; до сих пор еще ни одного письма я не получил.

Эти дни я много ездил верхом, пробовал диких лошадей, вообще недурно провел время.

Господь с тобой, моя маленькая Бо.

А.

299

14 августа <1916. Деревня Колбы>

Люба, мы здесь живем отрядом — очень примитивно, но хорошо и дружно. От позиций почти так же далеки, как были. Начальник симпатичный. Народу нас немного — кроме рабочих — человек 10 только. Я почти отчаялся получить письма — до с<их> п<ор> нет ни одного. Пиши по тому адресу, который я тебе дал, — с маркой и скажи маме об этом. Деревня наша уже другая, скоро будет еще другая, письма и пишу присылают из «штаба» — верст 35. С болота неподалеку от нас виден город, занятый неприятелем, кругом стоят войска. Вообще же, болота совсем не таковы, как их представляешь себе — на разной высоте, не сплошные, частью сухие. Рядом с нами — судоходная река. — Жизнь совершенно новая, я ее «переношу» с легкостью и не без удовольствия, кроме скуки временами. Писать об этом трудно, настолько все иначе, чем у вас. Господь с тобой, пиши все-таки, думаю постоянно.

А.

300¹

16 августа <1916. Деревня Колбы>

Письмо передаст или позвонит, чтобы прислали за ним — Ник<олай> Мих<айлович> Федоров. Стоим в деревне Колбы, на днях переедем в Лопатино (рядом с лесом, где сейчас работы). У нас уж 250 рабочих, и еще идут. Кажд<ый> день верхом езжу. С равнины виден Пинск, слышны пушки и пулеметы. Карточки² отдай маме. Живем в деревне в хорошем домике — довольно дружно и весело (Идельсон — прис<яжный> пов<еренный>, Егоров — сын проф<ессора>, Попов — студ<ент>, Глинка — правн<ук> композит<ора>, Игнатов и я). Жить проще, не нужно стесняться Друцкого-Любецкого³, едим хорошо, здесь веселее.

Господь с тобой, маленькая Люба.

А.

Сейчас еще нет семи часов утра, а мы давно встали.

¹ К письму приложен рисунок Блока — «Деревня Колбы, часовня» (см. стр. 357).² Фотографические снимки.³ Владелец поместья, где размещался штаб 13-й дружины.

301

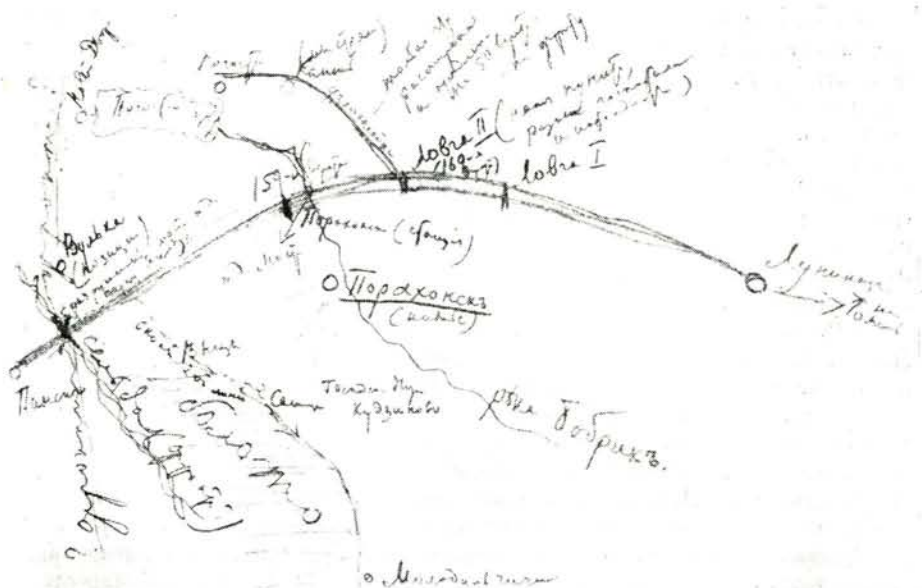
4 сентября 1916. <Деревня Лопатино>

Любонька, у меня давно нет известий ни от тебя, ни от кого. Я днями мало думаю, потому что занят здешними интересами (малоинтересными), а вдруг вспомню и испугаюсь. Напиши ты мне записочку, если мама будет передавать письмо Глинке, он привезет мне. Если хочешь, пошли мне шоколаду или печенья, твой шок<олад> кончается, я ел сам и всех угощал, кроме того, еще покупал. Напиши мне о себе и о том, что ты думаешь о мамином здоровье, за маму я беспокоюсь. Подробности я описываю в письме к маме. Господь с тобой, скучаю о тебе, хочу тебя увидеть.

А.

Посоветуйся с кем-ниб<удь>, с Княжниным, напр<имер>, или с Ал. Н. Чебот<аревской>, как бы оградить мои книжные интересы, чтобы Пашуканис¹ не надул. Не слыхала ли чего о «Р<озе> и К<ресте>» в Х<удожественном> т<еатре>? Собираются ли меня вызвать²?

Дай Глинке через маму рублей 50, я хочу купить, когда буду в Лунинце, шведскую куртку — становится холодно³.

КАРТА ПРИФРОНТОВОГО РАЙОНА: ПАРОХОНСК И ОКРЕСТНОСТИ

Гисунок Блока, 1916

Центральный архив литературы и искусства, Москва

¹ Викентий Викентьевич *Пашуканис* (ум. в 1919 г.) — владелец издательства «Мусагет», где в это время печатались книги Блока (три тома «Стихотворений» и том «Театр»). Любовь Дмитриевна, исполняя просьбу Блока, читала корректуры и вела переписку с В. В. Пашуканисом. Она писала Блоку 9 августа: «...Я тоже об тебе скучаю, а как нарочно корректуру читала отдела «Родина» и очень много пришлось реветь. Но только я все диву даюсь — какие, Лалака, ты стихи хорошие сочиняешь! И как это я про них могу временами забывать?!..». И в другом письме (без даты): «Думаю о тебе и о себе часто твоими стихами, и до слез мне нелепо, что мы потеряли какую-то «нитку», и когда-то еще поймем».

² В Москву — для участия в репетициях драмы «Роза и Крест» в Художественном театре. В письме от 1 сентября Л. Д. сообщила Блоку о встрече с Л. Я. Гуревич, близко стоявшей к Художественному театру: «На днях я в театре встретила Л. Я. Гуревич: она была мила со мной, как всегда, радовалась моему поступлению, но, главным образом, весь антракт мы проговорили про «Розу и Крест». Она виделась со Станиславским, и ей очень надо поговорить с тобой об результатах этой встречи: у нее такое впечатление, что он сам очень хочет ставить, у него хорошие декоративные планы и ему надо, чтобы его в этом поддерживали. А план его и мне особенно нравится, я давно об этом слыхала, и мне кажется, к «Розе и Кресту» этот прием очень подошел бы: это декорации, достигаемые одним светом. Ну, грубо говоря: если нужно сцену под деревом, перед рефлектором ставят узоры листьев. и на сцене — настоящая тень от дерева, вместо окна, свет через раму и т. д., уж они, конечно, сумели бы извлечь бесконечные эффекты из этого приема. Вот Л. Я. и просит тебя непременно ей позвонить, когда будешь в городе». Репетициями «Розы и Креста» руководил В. И. Немирович-Данченко. В телеграмме от 21 октября 1916 г. он сообщал Блоку: «Для репетиций вы пока не нужны, но очень желательно поговорить мне с вами, я только теперь окупнулся в работу, пишу письмо». В тот же день В. И. Немирович-Данченко писал Блоку: «Вам пока не надо приезжать для репетиций. То есть актеры еще не чувствуют в авторе необходимости. Вот как шла работа. Весной,

после Вас, артисты сделали репетиций 15. С тем и разъехались на лето. Осенью театр был занят старым репертуаром, а с конца сентября репетиции «Розы и Креста» возобновились, но уже сразу со мной. Я прослушал сначала что было сделано, и, совсем не удовлетворившись, начал вести репетиции (вернее, беседы) по-иному. Кажется, волнение было хорошего качества. Потом произошел перерыв: я захворал дней на 8. И вот только недавно начали уже просто репетировать, как бы покончив с беседами. И то, что мы сейчас делаем, для Вас еще не представляет интереса. Когда же мы сделаем «рисунок углем», когда станет ясно, какими возможностями обладают артисты для приближения к поэме, тогда надо будет вести репетиции в *постоянном* Вашем присутствии. Это будет не раньше конца ноября» (Вл. И. Н е м и р о в и ч - Д а н ч е н к о. Театральное наследие. 2. Избранные письма. М., 1954, стр. 338).

³ После этого письма в переписке Блока с женой образовался невосполнимый пробел, так как дальнейшие письма Блока (не более десяти), посланные из действующей армии, были утрачены. Л. Д. Блок с середины сентября 1916 г. по середину февраля 1917 г. играла (под фамилией Басаргина) в Оренбурге, в труппе З. А. Малиновской. Во время переезда из Оренбурга в Петроград у нее украли чемодан, в котором находились, между прочим, и письма Блока, относящиеся к указанному периоду и посылавшиеся из дружины и из Петрограда (в конце сентября 1916 г. Блок приезжал в Петроград в отпуск; 2 ноября — вернулся в дружину). В письме от 13 ноября 1916 г. Любовь Дмитриевна так ответила на не дошедшие до нас письма Блока: «Твои открытки с дороги получила; ох, как я понимаю, что ты пишешь... Да, да, дряхлая старость, только не как конец всего, а как единственная возможность стать опять молодыми, такими, какими мы были, пока не перегрузили свою жизнь всяким, всяким — пусть даже хорошим....».

14 февраля <1917. Парохонск>

Люба, сейчас я узнал из тетиного письма, что ты приедешь в Петербург¹. Тетя² знает, какого рода неприятности постигали нас здесь³. Пока все более или менее уладилось. Я бы, если бы знал, что ты в городе, стал бы проситься в отпуск, чтобы увидеть тебя и съездить к маме в Крюково⁴. Когда ты просила денег, я телеграфировал маме, потому что у меня не было⁵. Если бы ты телеграфировала мне теперь, когда приедешь в город, о том, что ты там, для меня бы это было крайне важно. Не знаю, можно ли будет уехать скоро по тысяче причин, но я очень хочу этого и хочу видеть тебя. Я устал порядочно от бестолковости, которой здесь много. Господь с тобой, я буду ждать телеграммы: Парохонск, Тринадруз⁶.

А.

¹ Из Оренбурга.² М. А. Бекетова.

³ Имеются в виду осложнения, возникшие в 13-й инженерно-строительной дружине. По разъяснению М. А. Бекетовой, «дело касается злоупотреблений с продовольствием для рабочих, раскрытых отчасти при посредстве Блока, вследствие чего его ожидало очень нежелательное для него повышение, которое не состоялось. Кроме того, были слухи, исходившие из штаба начальника инженеров армии и из совета В. З. Г. С. в Минске, о возможности расформирования дружины в виду некоторых недочетов в ведении отчетности и работ» («Письма к родным», т. II, стр. 481).

⁴ Мать Блока находилась в это время в санатории для нервных больных в поселке Крюково (под Москвой).

⁵ В телеграмме к матери от 23 января 1917 г. Блок просил: «...Пошли Любе триста рублей Оренбург» («Письма к родным», т. II, стр. 329).

⁶ То есть: «Тринадцатая дружина».

Телеграмма

20 марта 1917. Петроград¹

Приехал² беспокоюсь что ты когда вернешься Б л о к³

¹ Дата телеграфного бланка.² 19 марта 1917 г. Блок приехал в Петроград в отпуск.

³ Ответная телеграмма Л. Д. Блок из Москвы: «Приеду конце недели побываю Крюкове лето служу Пскове Л ю б а» (в Крюкове, под Москвой, в санатории жила мать Блока).

Зимин-Шугров,
май
1917.

БЛОК

Фотография, 1917

На обороте надпись Блока: «Зимний дворец. май 1917»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

да и хочет ли он, сомневаюсь. Это — немного слишком высокая инстанция для таких просьб, но я обратился к нему, потому что очень люблю и ценю его, он меня любит тоже (в Москве мы виделись). Он — настоящий художник, таких почти не существует².

Повторять ли тебе просьбу о приезде? Нет особенной нужды для тебя сидеть там, а что еще будет дальше, я не знаю.

В ту минуту, как я это пишу, принесли твое письмо от 22-го, вскрытое военной цензурой. Тебе там хорошо, я вижу, жалко звать тебя, маленького. Из того, что ты пишешь о «старозаветных» барышнях³ и из того, что письмо нагло вскрыто, я вижу, что в Пскове пахнет войной, т. е. гнилью и разложением, боюсь, что пахнет даже всеми теми пошляками, которые арестованы⁴. Как ты пишешь странно, ты не проснулась еще. Уезжая отсюда, ты мне писала об угрозах ленинцев. Неужели ты не понимаешь, что ленинцы не страшны, что все по-новому, что ужасна только старая пошлость, которая еще гнездится во многих стенах⁵?

Пришла квитанция на твои вещи, они только 14 апреля посланы из Оренбурга большой скоростью, багажом не приняли. В обществе, куда я заходил, обещали прислать сейчас же, когда они придут, прямо в квартиру. Будет стоить дорого (рублей 100), но деньги у меня есть. Хочешь денег? Я пришлю.

Тетя⁶ уедет 7-го, я почти не вижусь с ней; но когда она уедет, станет как-то беспочвеннее в квартире. Что делать с Маней⁷? Все это неважно; но как-то все один, да один, думаешь свои мрачные думы, как бы не застигло врасплох «оно» (разумея под этим что-нибудь хаотическое и бессмысленное, все к той же войне что ли относящееся, не знаю). Про дела свои как-то не хочу тебе писать сейчас; пока на плечах картон с галуном, нет почвы настоящей, каким-то подлецом и пошляком себя чувствуешь. А я бы еще пригодился кое на что.

Франца отрешили от дивизии («омоложение») и дали ему запасную бригаду.

Господь с тобой, моя Бу.

А.

¹ См. телеграмму № 306.

² Блок, не получая увольнения из 13-й инженерно-строительной дружины, крайне тяготился неопределенностью своего положения. Будучи в апреле 1917 г. в Москве, он после долгого перерыва встретился (14 апреля) с М. И. Терещенко — в ту пору министром финансов Временного правительства (см. VIII, 483). По возвращении в Петроград, 30 апреля, он обратился к Терещенко с просьбой содействовать его освобождению от службы в дружине. Черновик письма — в записной книжке: «Михаил Иванович. Моя служба в 13-й инженерно-строительной дружине противна мне своей неопределенностью и бесполезностью. Срок отпуска истек, меня вызывают и грозят откомандированием. Быть рядовым я не сумею, идти в военное училище, кажется, поздно, да вряд ли из меня выйдет полезный офицер. Выполнять свое назначение в таком положении я не могу, так как я военнообязанный и не хочу укрываться. Если найдете возможным, прошу вас помочь мне делом или советом найти выход из моего положения» (ЗК, 319—320). Не получая от М. И. Терещенко ответа (как раз в эти дни во Временном правительстве разразился первый «кризис», связанный с мощными выступлениями народных масс под лозунгами: «Долой войну!» и «Вся власть Советам!»), Блок записал в записной книжке 5 мая: «Терещенко не отвечает; тут есть и то, что он не хочет. Я обратился к нему не потому, что он высокая инстанция, а потому, что я его люблю и он по отношению ко мне был всегда жестоко-честен. Но если он не хочет, я не отступлюсь от своего «дезертирства»: я семь месяцев валял дурака. Если меня спросят, «что я делал во время великой войны», я смогу, однако, ответить, что я делал дело: редактировал Ап. Григорьева, ставил «Розу и Крест» и писал «Возмездие» (ЗК, 321). Через два дня, 7 мая, Блок, без какого бы то ни было участия М. И. Терещенко, был назначен одним из литературных редакторов стенографического отчета Чрез-

вычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством для расследования деятельности бывших царских министров и сановников.

⁵ Л. Д. Блок писала из Пскова 22 апреля: «Я живу у двух старых барышень, у которых пансион для маленьких детей, они бывшие институтки, старозаветные, приветливые и любезные хозяйки до крайности<...> Если ты приедешь на время или подольше<...> всем будет очень удобно. А Псков — слов нет, какой хороший. Ну, точно маленький итальянский городишко; хожу по улицам с тем же чувством... Все церквушки такие не выдуманные, так органически выросли из земли — точно «хорошие» белые грибы, и у них такой же «простой профиль», как у твоего зайца, но тоже полон содержания и значения, как и у него; и очень много миленькости».

⁴ В связи с мощными выступлениями петроградского пролетариата 20—21 апреля по поводу «ноты Милюкова», обращенной к западноевропейским правительствам и обещавшей им участие России в войне «до победного конца», буржуазия организовала свои контрдемонстрации. Антинародный и контрреволюционный характер этих демонстраций был настолько обнажен, что Временное правительство под давлением народных масс вынуждено было произвести аресты среди наиболее активных демонстрантов.

⁵ В письме от 17 апреля, уезжая из Петрограда в Псков, Л. Д. Блок писала: «Мне очень беспокоино, и я хотела бы с тобой быть, помочь тебе в это головоломное время... Теперь я уже боюсь, чтобы ты оставался здесь — ведь грозят Ленинскими действиями многие рабочие<...> Если тебя убьют, Лала, я тоже скапучусь — это я опять чувствую. Я тебя очень люблю».

⁶ М. А. Бекетова.

⁷ Портниха, жившая у Л. Д. Блок.

308

8 мая 1917. <Петроград>

В кратких словах: я один из 3-х редакторов Чрезв<ычайной> следств<енной> комиссии, хожу в Зимний дворец, читаю письма Николая Романова, работаю дома и должен работать, соблюдая тайну. Надеюсь присутствовать на допросах. Жалованье — 600 рублей.

Если будет время, я бы приехал к тебе, моя маленькая Бу. Но я бы очень хотел, чтобы ты жила здесь, все-таки. Если деньги тебя беспокоят, то, как видишь, не стоит о них думать; а ты бы тут лучше могла как-нибудь пристроиться или подготовиться к зиме. Господь с тобой.

А.

Картинки тебе для развлечения¹. Я один живу.

8 мая 1917.

¹ На листе письма наклеены вырезанные Блоком картинки (см. фото на стр. 373).

309

14 мая 1917. <Петроград>

Вчера я получил твое, милая, письмо. Все это прекрасно, что ты пишешь о своей жизни там, и то, что ты не проснулась, и то, что ты утром ходишь к Псковскому детинцу, и что обо мне думаешь (я заслужил это, — представь себе, я в этом уверен, — несмотря на всю свою жизнь, более мрачную и более дикую, чем твоя¹). То, что ты пишешь, подтверждает мои вечные мысли о тебе. Но я тоже скажу, — что же мне притворяться? Мне страшно недостает тебя, все чаще, несмотря на то, что моя жизнь наполнена до краев (я все еще пишу тебе об этом, кажется 5-й или 6-й раз). Иногда, так тебя не хватает, трудно сказать, например, сейчас; у меня есть тихий час, посидеть бы с тобой. Завтра опять будет очень ответственный день, я буду и во дворце и в крепости². Я вижу и слышу теперь то,

чего почти никто не видит и не слышит, что немногим приходится наблюдать раз в сто лет. Я надеюсь пока удержаться здесь, хотя меня опять треплют (скучно описывать возникшую обо мне переписку³). У меня очень напряжены мозг и нервы, дело мое страшно интересно, но оно, действительно, трудное и берет много времени и *все* силы. Жить так внешним образом (в смысле прислуги и пр.) я тоже мог бы здесь без тебя (не скрываю), хотя кое в чем иногда хотел бы помощи (не в пустяках, право, просто иногда времени не хватает на пустяки). Но время такое, положение такое, что не знаешь, что завтра будет; все насыщено электричеством, и сам насыщен, и надо иногда, чтоб был рядом такой, которому веришь и которого любишь. Все это я о себе (по обыкновению, но мне суждено постоянно исходить из себя, это — натура и входит в мой план), но я все жду, чтобы совпало; и жду этого я, никогда не ошибавшийся. Господь с тобой.

А.

Говоря «деловито»: Л. Я. Гуревич⁴ здесь и делает то же, что я, рано или поздно мы с ней встретимся. Кажется, и Гайдебуров⁵ тут (?)⁶. А провинциальная антреприза летом в России 1917 года — что такое?

Все твои письма «вскрыты военной цензурой». С вещами твоими — без движения. Маню я посылаю иногда и прошу ее исполнить некоторые поручения.

¹ Отвечая на письмо Блока от 3 мая, в котором он упрекал Любовь Дмитриевну в том, что она «не проснулась еще», Любовь Дмитриевна писала 11 мая: «Что же мне притворяться? Вероятно да, еще и теперь не проснулась я: сегодня Вознесение, я встала рано, в 7 ч (асов) и пошла на Детинец; там растут березы и сирень, зеленая трава, на остатках стен, далеко под ногами сливаются Пскова и Великая, со всех сторон белые церквушки и голубое небо, — мне было очень хорошо, только отчаянно хотелось, чтобы и ты был тут и видел».

² Чрезвычайная следственная комиссия работала в Зимнем дворце; для допросов арестованных министров и сановников члены и работники комиссии выезжали в Петропавловскую крепость.

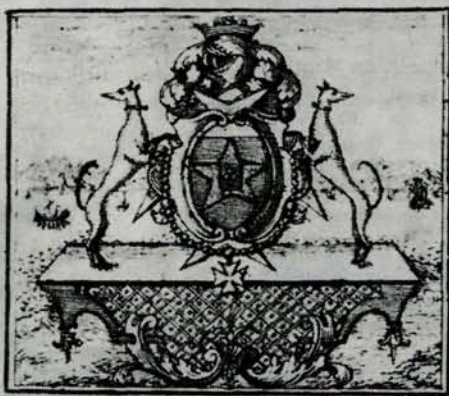
³ Начальник 13-й инженерно-строительной дружины Л. Н. Лодыженский возражал против откомандирования Блока в распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии. В середине июня Блок писал матери: «Исполнительная комиссия» дружины, наконец, откомандировала меня, прислав мне выписку из протокола заседания, где сказано, что они «выражают глубокое сожаление по поводу утраты редкого по своим качествам товарища», и считают, что, «если состав Верховной Следственной Комиссии будет пополняться такими людьми, то Революционная Демократия должна быть спокойна и уверена в том, что изменники и деспоты отечества не избегнут справедливого приговора народного Правосудия» (VIII, 502).

⁴ Любовь Яковлевна Гуревич (1866—1940) — литературный и театальный критик, давняя знакомая Блока. Она также входила в число редакторов Чрезвычайной следственной комиссии.

⁵ Павел Павлович Гайдебуров (1877 — 1960) — драматический актер и режиссер, руководитель «Передавижного театра».

⁶ Упоминания о Л. Я. Гуревич и П. П. Гайдебурове связаны с просьбой Л. Д. Блок хлопотать об ее определении в какой-либо из петроградских театров, — в частности, при посредстве этих лиц.

Милая, я решил послать к тебе Маню¹, хотя вещи не присланы. Если сама не соберешься приехать, и она очень нужна тебе, оставь ее у себя; но лучше, пусть она вернется: во-первых, я не справлюсь с вещами, которые придут же рано или поздно; во-вторых, и главное, я хочу полу-

Во вступительном слове: я одна ^{3 к} из ^{3 к} расфигу
 Греш. Сидор. Колесин, холм и Замин
 Дворец, убит любви Николая Романова,
 работая дома а делая расфигу, солю
 для мамы. Надпись расфигурована на
 досках. Мелованье - 500 рублей.

Если расфигу Греш, я бы пришла к тебе,
 свои материалы бы. Но я бы очень хотела,
 чтобы ты мне дал, все таки. Если делая
 тебе безработи, то, как видишь, не могу о нем
 думать; а ты бы мог лучше всего как
 лучше расфигуры или расфигуры, и дать.

То есть и
 мой.

4.

Картинки твои
 не публикую.
 В доме мамы.

8 мая
 1917.

ПИСЬМО БЛОКА Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК 8 МАЯ 1917 г.

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

БЛОК НА ЗАСЕДАНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Рядом с Блоком (слева) академик С. Ф. Ольденбург

Фотография, 1917

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

читать от тебя письмо, не вскрытое военной цензурой, как все, приходящие по почте.

Мане я дал 20 рублей, возьми у нее сдачи, если она с тобой останется. Посылаю тебе журнал и письмо, которые ты получил, и денег 300. Когда еще денег надо, напиши.

Я устал от многих навсегда неизгладимых впечатлений; особенно в камерах Трубецкого бастиона — у Вырубовой, у Протопопова, у Воейкова², у директоров департамента полиции, и многих других. Я слушал Горемыкина³, над которым сейчас работаю, что особенно ответственно. Раз в три недели я бываю во дворце и в крепости, а остальные дни работаю дома, так что выехать никуда не могу.

Не навестишь ли ты своего хозяина, если не думаешь совсем переехать к нему⁴? Я бы и на твоём месте хотел быть ближе к центру, когда в стране так тревожно. Сейчас — никакие неожиданности не исключены (в том числе, и театральные). А говоря не официальным языком, — вместе, вместе надо быть, скучаю без тебя; комната твоя — чужая, загроможденная, и в ней — не твой беспорядок. Обнимаю тебя, целую тебя, маленькая Бу.

А.

Мама завтра переезжает в Шахматово⁵. Напиши ей, если не очень лень, несколько слов.

¹ Портниха, жившая в доме Блока.

² Анна Александровна *Вырубова* (Тансеева) (1884—?) — фрейлина императрицы Александры Федоровны, фанатическая поклонница Распутина. Александр Дмит-

311

Телеграмма

24 мая <1917>. Петроград ¹

Вещи пришли Б л о к

¹ Дата телеграфного бланка.

312

28 мая 1917. <Петроград>

Моя маленькая Бу, прежде всего — о вещах. Я дал Мане 100 р., в прошлый раз дал ей на дорогу 20 р., спроси с нее и возьми себе, что останется.

Я не склонен особенно оспаривать то, что ты пишешь. Могу сказать только одно: если это действительно правда (а в этом много правды, но есть и другие), это только усугубляет трагедию России. Есть своя страшная правда и в том, что теперь носит название «большевизма». Если бы ты видела и знала то, что я знаю, ты бы отнеслась все-таки иначе; твоя точка зрения — несколько обывательская, надо подняться выше ¹.

Мне на днях или через некоторый промежуток времени надо идти в войска (если ты читала приказ Керенского). Я еще никаких решений не принял и не вижу ясно, а много работаю. Вчера обошел я 18 камер. Когда мозги от напряжения чуть не лопаются (кроме того, что нужно держаться определенной умственной позиции, надо еще напрягать внимание, чтобы не упустить чего-нибудь из виденного и слышанного), тогда легче, а, когда отойдешь, очень не по себе: страшно одиноко, никому ничего не скажешь и не с кем посоветоваться. Не знаю, как дальше все будет, не вижу вперед.

А.

¹ Имеется в виду письмо Любови Дмитриевны, без даты, посланное с оказией и полученное Блоком 25 мая 1917 г.

313

21 июня 1917. <Петроград>

Милая, сейчас пришло твое письмо от 15-го, вскрытое. Работаю я много, бывают дни интересные, бывают просто трудные, пустых почти не бывает. Вообще, за это время моей жизни будет, что вспомнить, хотя я очень устаю временами и чувствую, как меняюсь, старею что ли, и государство затягивает меня в машину.

У меня лежат для тебя два журнала и еще книжечка в подарок.

Нового личного ничего нет, а если б оно и было, его невозможно было бы почувствовать, потому что содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия. Мы так молоды, что в несколько месяцев можем совершенно поправиться от 300-летней болезни. Наша Демократия в эту минуту, действительно, «опоясана бурей» ¹ и обладает непреклонной волей, что можно видеть и в крупном и в мелком каждый день. Я был на Съезде Советов С<олдатских> и Р<абочих> Д<епутатов> ² и, вообще, вижу много будущего, хотя и погружен в работу над прошлым — бесследно прошедшим.

Все это — только обобщения, сводка бесконечных мыслей и впечатлений, которые каждый день трутся и шлифуются о другие мысли и впечатления.

20 июля 1917.

Милая, я тебе очень пишу, когда
 мне грустно и трудно, мне это
 необходимо. Конечно, очень много
 надо писать, а о том, и о другом.
 Мысль об этом не стоит, лучше,
 не писать, говорить. Когда ты
 долго не видишь а тоби, так нужно
 много сказать, обо многом говорить,
 потом это закончить другим, видеть
 в друг друга. Это со мной будет
 (в атом мире), а еще совершеннее не
 знаю; пока — тебе много, из-за этого
 много забываешь. Там много а тоби
 не сказать, что там, когда пишу, забываю
 многое. Как хорошо, что мы вместе
 есть, «индивидуальность», у нас и друг
 другу, как будто, друг друга. Ну, до свидания,
 Ветер, как тебе может быть. А.

ПИСЬМО БЛОКА Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК 20 ИЮЛЯ 1917 г.

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

чатления, увы, часто противоположные моим, что заставляет постоянно
 злиться, сдерживаться, нервничать, иногда — просто ненавидеть «интел-
 лигенцию». Если «мозг страны» будет продолжать питаться все теми же
 ирониями, рабскими страхами, рабским опытом усталых наций, то он
 и перестанет быть мозгом, и его вышвырнут — скоро, жестоко и величаво,
 как делается все, что действительно делается теперь. Какое мы имеем
 право бояться своего великого, умного и доброго народа? А могли бы
 своим опытом, купленным кровью детей, поделиться с этими детьми.

Господь с тобой, милая.

А.

¹ Слова Т. Карлейля.² Блок присутствовал на заседании съезда 16 июня (в помещении Первого кадет-
 ского корпуса на Кадетской линии Васильевского острова). Свои впечатления он из-
 ложил в дневнике и в письме к матери 16 июня Блок, в частности, записал: «Вечером,

подойдя к кадетскому корпусу на 1-й линии, где заседает Съезд советов солдатских и рабочих депутатов, я увидел Муравьева, едущего в коляске. В «мандатном бюро» мне необыкновенно любезно выдали корреспондентский билет, узнав, что я — редактор Чрезвычайной следственной комиссии. По длинным коридорам, мимо часовых с ружьями, я прошел в огромный зал, двухсветный наверху. Был еще перерыв. Зал полон народу <...> На том месте, где всегда торчал царский портрет, — очень красивые красные ленты (они — на всех стенах и на люстрах) и рисунок двух фигур: одной — воинственной, а другой — более мирной, и надпись — через поле — С<ъезд> С<оветов> Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов> <...>

Говорил с молодым преображенским солдатом, который хорошо, просто и доверчиво рассказал мне о боевой жизни, наступлении, окопах, секретах, лисьих норах; как перед наступлением меняется лицо (у солдата — синее), как потом надо владеть собой, как падают рядом, и это странно (только что говорил с человеком, а уж он — убит). Что он хотел «приключений» и с радостью пошел, и как потом приключений не вышло, а трудно (6 часов в секрете на 20-градусном морозе). И еще — о земле, конечно; о помещиках Ряжского уезда, как барин у крестьянина жену купил, как помещичьи черкесы загоняли скотину за потраву, о чересполосице, хлебе, сахаре и прочем. Хорошо очень». В записи от 18 июня — «Перед окнами — жаркая праздничная пустота, а утром — собрались рабочие Франко-русского завода под знаменем с надписями: «Долой контрреволюцию», «Вся власть в руки Советов Солдатских и Рабочих Депутатов» (VII, 262—264).

Муравьев — Николай Константинович Муравьев (1870—1936) — известный юрист, председатель Чрезвычайной следственной комиссии.

О революционном Петрограде этих дней Блок писал матери 19 июня 1917 г.: «На деле — город все время находится в состоянии такого образцового порядка, в каком никогда не был (мелкие беспорядки только подчеркивают общий порядок) <...> Я работаю очень много» (VIII, 502).

314

30 июня — 1 июля <1917. Петроград>

Моя милая, когда получишь эту записку, если сама не думаешь навестить хозяина, прислала бы Маню с письмом: Тогда я во-время получу письмо, а она сvezет тебе журналы и денег, которых, я думаю, у тебя нет. Господь с тобой.

А.

Не пиши иначе, как заказными.

315

<3 июля 1917. Петроград>

Милая, посылаю книжку и журналы (2). Сейчас так устал во дворце, что ничего не могу писать.

Господь с тобой.

А.

3 июля.

Пришли Маню за деньгами (я писал).

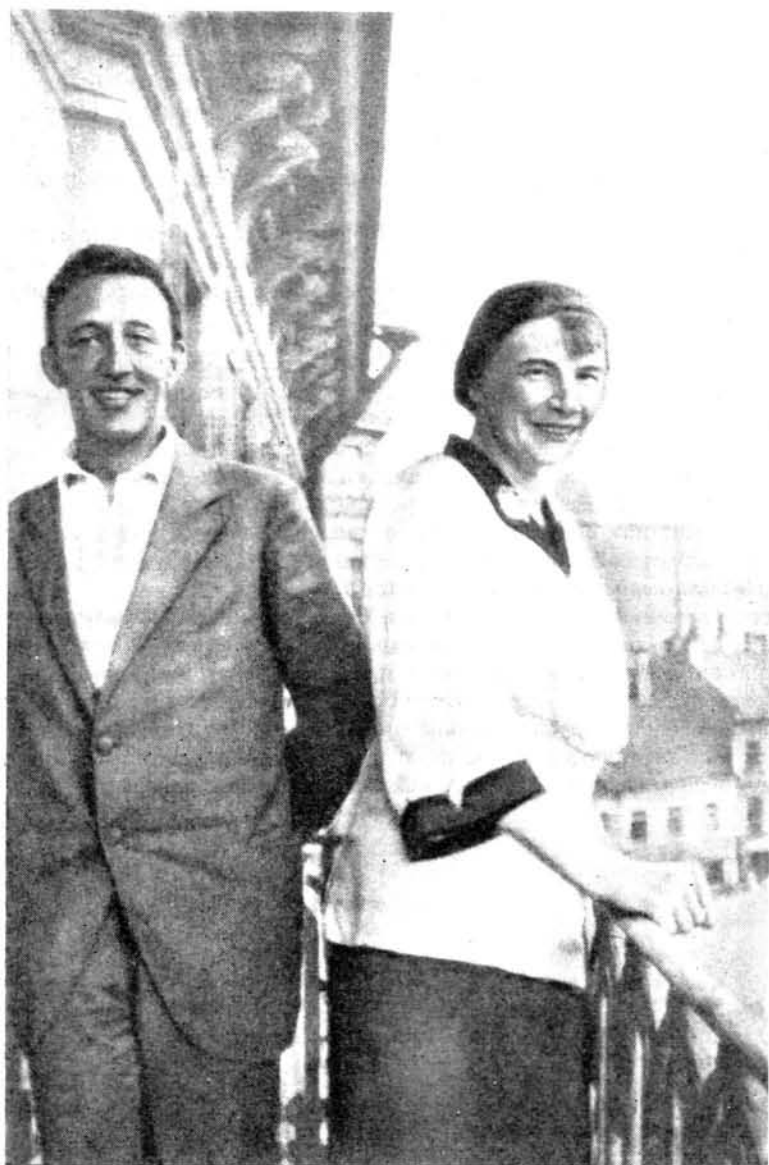
316

16 июля 1917. <Петроград>

Милая моя, приезжай, я тебя очень буду ждать к 1 августа, велю убрать твою комнату. Получила ли ты деньги? Я их послал по почте, потому что, говорят, все равно, телеграммы идут почтой.

Господь с тобой.

А.

БЛОК и Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК НА БАЛКОНЕ СВОЕЙ КВАРТИРЫ (ПЕТРОГРАД)
1919, фотография С. М. Алянского
Собрание С. М. Алянского, Москва

317

20 июля 1917. <Петроград>

Милая, я тебя очень жду. Когда Маня приехала с сундуками, меня это взбудоражило. Конечно, очень много надо решить, и о тете ¹, и о разном. Писать об этом не стоит, лучше, не торопясь, поговорим. Когда так долго не видишься с тобой, часто нужно многое сказать, обо многом советовать-ся, потом это заслоняется другим, входишь в другую колею. Что со мной будет (в смысле войны), я еще совершенно не знаю; пока — дела много,

из-за этого многое забываешь. Так много с тобой не сказано, что даже, когда пишу, одолевает торопливость. Как хорошо, что тебе надоело быть «провинциальной актрисой»², у меня к этому много бывает разных чувств. Ну, до свиданья, выезжай, как только можешь скорей³.

¹ Вопрос о том, где будет жить М. А. Бекетова.

² «Как мне не терпится уехать отсюда и перестать быть «провинциальной актрисой», — писала Л. Д. Блок 18 июля.

³ Л. Д. Блок вернулась в Петроград 1 августа 1917 г. В письме от 18 июля она писала: «Наконец, и мне очень хочется пожить около Лалы, понабраться «настоящего», да и время такое, что надо быть вместе, как ты писал и как я чувствую теперь».

Из воспоминаний Л. Д. Менделеевой-Блок:

«Жить рядом с Блоком и не понять пафоса революции, не умалиться перед ней со своими индивидуалистическими претензиями — для этого надо было бы быть вовсе закоренелой в косности и вовсе ограничить свои умственные горизонты. К счастью, я все же обладала достаточной свободой мысли и достаточной свободой от обывательского эгоизма. Приехав из Пскова очень «провинциально» настроенной и с очень провинциальными «ужасами» перед всяческой неурядицей, вплоть до неурядиц кухонных, я быстро встряхнулась и нашла в себе мужество вторить тому мощному гимну революции, какой была вся настроенность Блока. <...>

Я отдала *революции* все, что имела, так как должна была добывать средства на то, чтобы Блок мог не голодать, исполняя свою волю и свой долг — служить Октябрьской революции не только работой, но и своим присутствием, своим «приятием».

Совершенно так же отчетливо, как и он, я подтвердила: «Да, дезертировать в сытую жизнь, в спокойное существование мы не будем». Я знала, какую тяжесть беру на себя, но я не знала, что тяжесть, падающая на Блока, будет ему не по силам, — он был совсем молодым, крепким и даже полным юношеского задора».